

ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ УРО РАН

**МАТЕРИАЛЫ
IV
ВСЕРОССИЙСКОГО
СИМПОЗИУМА
ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИКЕ**

Том 2. Институты регионального инфраструктурного развития и обустройства территорий. Современная государственная региональная политика. Институты саморазвития территорий разного уровня.

Екатеринбург
2017

УДК 519.865.330
ББК 65.01
М 34

Ответственный редактор
д.э.н. Ю.Г. Лаврикова

Рецензенты:

д.э.н., профессор Р.М. Качалов (ЦЭМИ РАН, г. Москва)

д.э.н., профессор А.В. Молодчик (ПГТУ, г. Пермь)

Материалы IV Всероссийского симпозиума по региональной экономике. Том 2. Институты регионального инфраструктурного развития и обустройства территорий. Современная государственная региональная политика. Институты саморазвития территорий разного уровня.. Инструментарий и методы прогнозирования регионального развития. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. – 197с.

В сборник вошли доклады секционных заседаний IV Всероссийского симпозиума по региональной экономике (Екатеринбург, 03 – 04 октября 2017 года). Рассматриваются проблемы методологии анализа и прогнозирования развития региональной экономики

Сборник трудов предназначен научным работникам, преподавателям высшей школы, руководителям и специалистам народного хозяйства

УДК 519.865.330
ББК 65.01
УДК 519.865.330
ББК 65.01

Материалы печатаются в авторской редакции

ISBN 978-5-94646-589-2

© Институт экономики УрО РАН, 2017
© Авторы, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Институты регионального инфраструктурного развития и обустройства территорий

<i>Баландин Д.А. Организационно-экономическая модель управления комплексным развитием инфраструктуры сельских территорий на инновационной основе.....</i>	<i>7</i>
<i>Гемеджиев Г.А., Трынов А.В. Индустриальные парки как региональные институты развития.....</i>	<i>11</i>
<i>Дьячков А.Г., Сурнина Н.М., Шишкина Е.А. Совершенствование стратегического планирования развития сетевой инфраструктуры региона (на примере электроэнергетики).....</i>	<i>16</i>
<i>Илюхин А.А., Илюхина С.В. Обеспеченность дошкольными и общеобразовательными учреждениями городских округов и муниципальных образований свердловской области.....</i>	<i>20</i>
<i>Комарова О.В. Региональные системы поддержки малого и среднего предпринимательства: проблемы формирования институциональной структуры.....</i>	<i>23</i>
<i>Корабейников И.Н., Корабейникова О.А. Региональные аспекты развития информационно-экономического пространства.....</i>	<i>27</i>
<i>Кульпин С.В. Роль эндаумент-фондов в развитии автономии ВУЗов.....</i>	<i>31</i>
<i>Марущак И.В. Новые институты трансакционного развития территорий: перспективы трансплантации.....</i>	<i>36</i>
<i>Морозов В.В. Методологические принципы и приоритеты совершенствования регионального механизма управления инвестиционными отношениями в территориальных системах.....</i>	<i>40</i>
<i>Наумов И.В. Закономерности движения финансовых потоков между институциональными секторами в Свердловской области.....</i>	<i>45</i>
<i>Пахомова Е.О., Гоосен Е.В., Никитенко С.М. Новые институты развития и обустройства территории регионов ресурсного типа.....</i>	<i>50</i>
<i>Полбицын С.Н., Герхардт Э. Конкурентоспособность сельского предпринимательства: роль информации.....</i>	<i>55</i>
<i>Саблин К.С., Гоосен Е.В., Никитенко С.М. Проблема поиска инструментов развития регионов ресурсного типа.....</i>	<i>59</i>

Современная государственная региональная политика

<i>Анисимов А.В. Совершенствование антимонопольного регулирования как основа стимулирования структурных преобразований экономики.....</i>	<i>67</i>
<i>Амирова Н.А. Оценка условий обеспечения конкурентоспособности региона.....</i>	<i>69</i>
<i>Важенин С.Г. Жизнестойкость территорий как экономическая реальность.....</i>	<i>73</i>
<i>Важенина И.С., Важенин С.Г. Особенности и примеры межрегионального и межмуниципального взаимодействия на территории УФО.....</i>	<i>78</i>
<i>Вечкинзова Е.А., Горидько Н.П. Кластеризация регионов Казахстана: роль инноваций и инвестиций.....</i>	<i>83</i>
<i>Гребенкин А.В., Блинков И.О. Адаптивное управление промышленными предприятиями региона на принципах сетевого взаимодействия.....</i>	<i>87</i>
<i>Искаков А. Анализ динамики показателей Казахстана в рейтинге THE GLOBAL INNOVATION INDEX.....</i>	<i>92</i>

<i>Карпович Ю.В., Лепихин В.В. Проблемы взаимосвязи урбанизации и экономического роста: региональный аспект.....</i>	95
<i>Корсакова Е. А. О стратегии территориального разделения труда.....</i>	98
<i>Литвинцева Г.П., Бадмаева В.Г. Обоснование политики развития человеческого капитала на основе оценки его состояния в регионе.....</i>	103
<i>Мищенко В.В. Современные проблемы развития рынка труда и повышения уровня занятости населения в регионе.....</i>	107
<i>Пермякова Н. П., Курбатова И. А. Стратегия перераспределения доходов: региональные возможности корректировки.....</i>	112
<i>Петренко Е.С., Королева А.А. Маркетинговый анализ потенциала развития городской креативной среды.....</i>	114
<i>Рисин И.Е. Новые задачи региональной социально-экономической политики.....</i>	119
<i>Романова О.А., Пономарева А.О. Приоритеты региональной промышленной политики в период становления цифровой экономики.....</i>	122
<i>Сердюкова М.Н. Современное состояние и особенности регионального развития сельскохозяйственной кооперации в России.....</i>	127
<i>Сидорова Е.Н. Повышение инвестиционной привлекательности территорий на основе совершенствования финансовой стратегии их развития.....</i>	131
<i>Смирнова О.П., Пономарева А.О. Современные аспекты региональной промышленной политики России.....</i>	136
<i>Смирных С.Н., Ли В.А. Трансформация региональных аграрных политик в России: от импортозамещения к стимулированию экспорта.....</i>	140
<i>Третьякова Е.А. Исследование пространственной концентрации инновационной деятельности в российских регионах.....</i>	144
<i>Чупина Д.А. Зарубежная практика применения нетарифных барьеров во взаимной торговле стран-членов региональных интеграционных объединений (на примере НАФТА).....</i>	150
<i>Шамова Е.А. Политика импортозамещения: региональный аспект.....</i>	155
<i>Шишкина И.В. Теоретические основы привлекательности региона и возможные методики ее оценки.....</i>	160

Институты саморазвития территорий разного уровня

<i>Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А. Оппортунизм работодателей предприятий региона.....</i>	167
<i>Веретенникова А.Ю. Контуры развития социальных инноваций в общественном секторе.....</i>	172
<i>Семячков К.А. Институциональные условия социального развития.....</i>	174
<i>Стрекалова А.С. Брендинг региона как институт территориального саморазвития: коммуникационный аспект.....</i>	179
<i>Суворова А.В. Формирование транспортно-логистического кластера как механизм развития транзитного региона.....</i>	183
<i>Федосеева В. А. Сектор региональных банков как институт развития экономики субъектов российской федерации.....</i>	188
<i>Шейкин Д.А. Формирование нового поколения институтов и стратегий развития региональных кластеров.....</i>	192

***Институты регионального инфраструктурного
развития и обустройства территорий***

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫМ РАЗВИТИЕМ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ НА ИННОВАЦИОННОЙ ОСНОВЕ¹

*Баландин Д.А., к.э.н.
ПФ ИЭ УрО РАН, Пермь*

Современное состояние сельских территорий Российской Федерации, характеризуемое в целом как деструктивное, отражает последствия многолетней ориентации страны на структурную индустриализацию экономики, подкрепленную идеологическими воззрениями о ведущей роли пролетариата как гегемона социальной организации общества.

Оставаясь на периферии государственных интересов сельские территории, значительно снизили свою идентичность и сузили тысячелетнюю укладность производства и бытия, потеряли наиболее активную и предприимчивую часть населения, утратили местную специфику и специализацию. Значительно усугубился разрыв между городом и селом в инфраструктурном обеспечении жизнедеятельности социума.

Управленческие ошибки и просчеты при регулировании интеграционных процессов и разобобщении средств производства в эпоху постперестроечных реформ ознаменовались беспрецедентным падением спроса на российские продукты питания и сельскохозяйственную продукцию. При отсутствии альтернативных видов занятости, эти и сопровождающие их обстоятельства неминуемо привели не только к разрушению единой системы агропромышленного комплекса страны, но и к люмпенизации широких слоев сельского населения, безработице и снижению доступности социальных благ.

Нельзя не отметить, что с середины «нулевых» годов ситуация стала несколько меняться в положительную сторону. Среди причин, побуждающих органы государственного управления к определенной смене курса можно выделить:

- ориентацию на восстановление многополярного мирового порядка и задачи обеспечения продовольственной безопасности и суверенитета Российской Федерации;
- глобальные тенденции к удорожанию продуктов питания;
- возрастающую рентабельность сельскохозяйственного производства (в том числе за счет государственных дотаций, особенно в развитых странах);
- мировую конкуренцию и задачи преодоления негативных последствий вступления страны в ВТО.

В настоящее время к данному перечню добавляются внешние санкции и ответное продовольственное эмбарго, экономические кризисы, а также обязательства перед партнерами по евразийскому экономическому пространству и др.

Результаты осмысления сложившихся реалий позволяют считать факторами, определяющими современное состояние и формирующими тенденции развития инфраструктуры сельских территорий, последствия интеграции Российской Федерации в мировое экономическое пространство и обострения международной ситуации. В первую очередь из-за этих процессов проявилась

¹ Доклад подготовлен по результатам исследования «Теоретико-методологический инструментарий системы управления комплексным развитием инфраструктуры сельских территорий региона на инновационной основе», выполненного за счет бюджетных средств по плану НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2016-2018 г.г. Номер темы в ИСГЗ: 0404-2015-0017.

проблема необходимости преодоления целого комплекса внешних и внутренних воздействий, оказывающих, зачастую, негативное влияние.

Отсюда – возрастающее значение возведения или модернизации инфраструктурных объектов различной отраслевой принадлежности, обеспечивающих воспроизводственные процессы аграрной экономики и жизнедеятельность сельского населения. При этом, неизбежно возникают повышенные требования к обоснованности и своевременности управленческих решений, принимаемых исходя из целей и задач общественного развития.

В научной литературе под инфраструктурой понимается комплекс производств, ориентированных на обслуживание отраслей материального производства и система объектов, предназначенных для удовлетворения потребностей социума. В зависимости от направления, целей и задач исследований инфраструктура рассматривается с позиций отраслевой организационно-хозяйственной принадлежности и функционального предназначения, подразделяется на внешнюю и внутреннюю, межотраслевую и внутриотраслевую, рыночную, инновационную и специального назначения и прочие².

Конкретизация затронутой проблематики требует раскрытия экономического содержания инфраструктуры применительно к сельским территориям. В авторской трактовке это:

- общественно-вспомогательный капитал, обеспечивающий упорядоченное и устойчивое развитие воспроизводственных процессов в сельской местности;
- созданный на определенном территориальном пространстве комплекс условий, стимулирующих развитие местной экономики,
- совокупность агрохозяйственных, лесопромышленных и иных производственных предприятий, научно-образовательных и социально-бытовых учреждений, экологических объектов.

Структуроформирующими выступают следующие виды инфраструктуры сельских территорий:

производственная – предприятия и организации материальной сферы (включая личные подсобные хозяйства населения), расположенные в сельской местности;

социальная – объекты образования и медицины, досуга и быта, физкультуры и спорта;

инженерная – дороги, коммунальные сети, газопроводы и линии электропередач;

экологическая – полигоны твердых бытовых отходов, короотвалы, скотомогильники, очистные сооружения и т.д.³

Инновационная модернизация управления на базе процессов эффективной специализации сельскохозяйственной деятельности, оптимизации размещения агропроизводственных сил и центров инфраструктурного сопровождения, развития институтов межуровневого отраслевого взаимодействия и местного самоуправления в их консолидированной реакции на внешние вызовы предполагает достижение нового представления о подходах и методах, обеспечивающих практическое воплощение желаемого⁴. То есть, инновационная составляющая управления развитием инфраструктуры сельских территорий

² Пыхов П.А., Кашина Т.О. Инфраструктура как объект экономических исследований / Журнал экономической теории. № 1, 2016.

³ Баландин Д.А. Управление комплексным развитием на инновационной основе инфраструктуры сельских территорий. Монография – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – 157 с.

⁴ Модернизация инфраструктуры развития сельских территорий / Коллектив авторов. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2016. – 241 с.

заключается в аккумуляции научных знаний и их внедрении посредством соответствующих структурно-отраслевых институтов, системность функционирования которых обеспечивает комплексность решения поставленных задач. К подобным институтам относятся службы мониторинга и аналитики, информационно-консультационные центры, научные и образовательные учреждения, консалтинговые и внедренческие организации, экспертные сообщества и бизнес-ассоциации. Совершенствование их деятельности в современных условиях, характеризующихся возросшей динамикой изменения и дополнения норм законодательства и регламентов распределения государственных дотаций (программы оказания несвязанной поддержки агропроизводителей, льготного кредитования и лизинга, устойчивого развития сельских территорий и др.) предполагает соответствующую эволюцию организационно-экономической структуры управления инфраструктурой на инновационной основе.

Разработка рациональной модели управления инфраструктурой с закреплением экономических и организационных инструментов за структурными элементами способствует устойчивому развитию сельских территорий на комплексе сложившихся местных условий и традиционных укладов.

Об определенных успехах федерального правительства в данной области свидетельствуют практика «санкционного» периода и эффективность мероприятий по преодолению последствий присоединения России к ВТО. Так, в 2016 году в стране был собран рекордный урожай зерновых – свыше 119 млн. тонн. Существенную положительную динамику показали сориентированные на импортозамещение отрасли овощеводства и садоводства. Стабильность развития демонстрируют свиноводство и птицеводство.

Признавая значение непроизводственной инфраструктуры, государством в 2017 году выделено 54 регионам на строительство и реконструкцию сельских дорог 8,3 млрд. рублей. Запланировано строительство 720 км автомобильных дорог с твердым покрытием и доведение доли дорог, отвечающих действующим стандартам до 50%. Для улучшения жилищных условий сельских жителей 76 субъектам Российской Федерации адресовано 3456,1 млн. рублей федеральных средств. На комплексное обустройство сельских поселений объектами социальной и инженерной инфраструктуры 71 региону страны направлено 3253,5 млн. рублей. Кроме того, 45 субъектам РФ выделены гранты на поддержку местных инициатив сельского населения в размере 76,5 млн. рублей.

Объемы данных мероприятий наглядно отражают роль инфраструктуры как неотъемлемого фактора обеспечения устойчивого развития сельских территорий страны и регионов. В тоже время ее оптимальная эффективность достижима при инновационном обновлении механизма управления, включая региональный и местный уровень.

В Пермском крае (несмотря на участие в федеральных программах) общее состояние и тенденции развития инфраструктуры сельских территорий с полным основанием можно считать глубоко депрессивными.

Например, в 2015 году, согласно данным размещенным на официальном сайте Росстата:

- инвестиции в основной капитал по сельскому хозяйству, охоте и лесному хозяйству составили 1,4 % (2,7 млрд. руб.) от общерегионального показателя;
- число больничных коек на 10 тысяч человек населения по сельским муниципальным образованиям варьируется от 25,6 до 59,4 (в Коми-Пермяцком округе – 26,8), а в целом по Пермскому краю – 86,3 единиц;
- доступ к глобальной сети Internet имеют 54 % сельских домовладений (по региону – 75 %).

Несколько особняком стоит показатель удельного веса введенных в эксплуатацию жилых домов в сельской местности – 32,9 % от общей площади по Пермскому краю, что в принципе соответствует доле численности сельских жителей в регионе. При этом нельзя не заметить, что значение данного критерия связано в первую очередь с «бумом» коттеджного пригородного строительства и пропиской в сельских муниципальных поселениях людей, чьей сферой трудовых интересов остаются объекты экономики городов.

На фоне общих неутешительных показателей развития сельских территорий Российской Федерации, положение аграрного населения Пермского края выглядит еще более удручающим по уровню и условиям жизнедеятельности. В результате отрицательной динамики экономического развития увеличилось отставание уровня обеспеченности объектами социальной и инженерной инфраструктуры сельских территорий региона не только от городов, но и от сельских территорий других субъектов государства. Ухудшается экологическая обстановка. Нарастают темпы сокращения численности, связанные как с естественными демографическими процессами, так и масштабной миграцией экономически активного социума в индустриальные центры страны и региона⁵.

В настоящее время инновационный подход, как фундамент комплексной модернизации действующей модели управления комплексным развитием инфраструктуры сельских территорий, может стать организационно-экономическим фактором успешной консолидации бюджетных средств, региональных потенциалов и условий в преодолении накопленного негатива прошлых лет.

В основу процесса совершенствования модели положен принцип расчленения организационной структуры управления на подсистемные уровни и инфраструктурные виды в комплексе их взаимодействий и взаимосвязей, обеспечивающих дополнительную устойчивость посредством регулируемого перераспределения ресурсов.

В представленной на рисунке 1 организационно-экономической модели сфокусирована цель достижения комплексного баланса интересов подсистем структуры управления инфраструктурой сельских территорий для удовлетворения всех аспектов жизнедеятельности социума на базе оптимального задействования бюджетных ресурсов и производственных потенциалов аграрной экономики, социальных институтов и инструментов устойчивого развития.

Консолидация управленческих взаимодействий должна стать основой для выстраивания логики управления на принципах инновационного обновления, аккумуляции ресурсов, поиска альтернатив и констатации отклонений от общих структурных целей, выработки коррективов и контроля достижения желаемого.

Концептуальным отличием организационно-экономической модели является выделении связей как по территориальной, так и по отраслевой принадлежности на основе саморегуляции.

⁵ Пыткин А.Н., Баландин Д.А. Социально-экономические аспекты функционирования сельских муниципальных образований Пермского края. – Екатеринбург: Изд-во Института экономики УрО РАН, 2012. – 177 с.

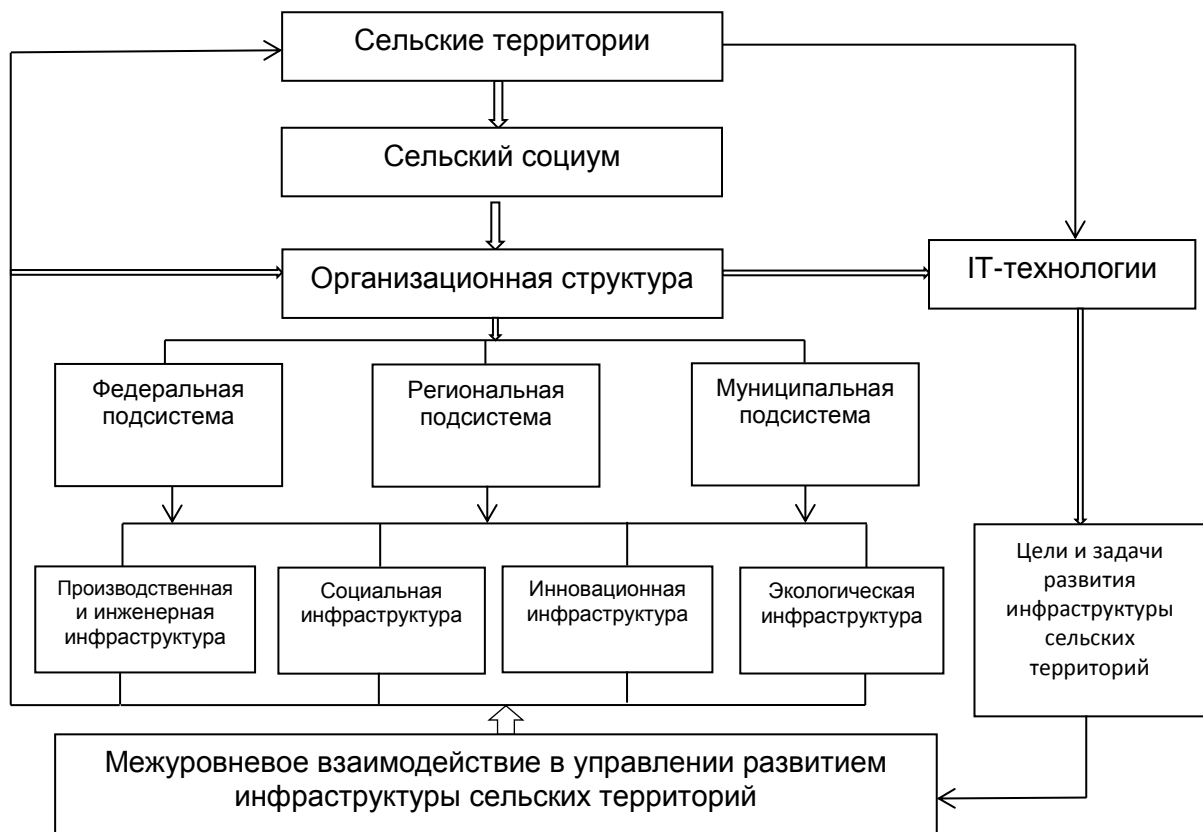

Рис. 1. Организационно-экономическая модель управления комплексным развитием инфраструктуры сельских территорий на инновационной основе

Таким образом, управление развитием инфраструктуры сельских территорий на инновационной основе, имея по своей сути межотраслевой и межтерриториальный характер, способствует комплексной аккумуляции новшеств и их внедренческих эффектов.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ПАРКИ КАК РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ¹

Гемеджиев Г.А.

Корпорация развития среднего Урала, Екатеринбург

Трынов А.В.

ИЭ УрО РАН, Екатеринбург

В условия постоянного роста конкуренции за инвестиционные ресурсы, органы власти всех уровней уделяют повышенное внимание созданию и совершенствованию производственной инфраструктуры, поскольку это является необходимым условием развития экономики. Создаются максимально благоприятные условия для размещения современных производств. В мировой практике было создано большое количество инструментов, направленных на формирование максимально благоприятных условий для размещения современных производств. Одной из наиболее распространённых форм поддержания производственной инфраструктуры являются индустриальные парки и их вариации (особые экономические зоны, кластеры, технопарки и т.д.). Чаще всего под индустриальным парком понимается управляемый единым оператором

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-02-00587

(специализированной управляющей компанией) комплекс объектов недвижимости, состоящий из земельного участка (участков) с производственными, административными, складскими и иными помещениями и сооружениями, обеспеченный энергоносителями, инженерной и транспортной инфраструктурой и административно правовыми условиями для размещения производства. При этом, понятия промышленный парк и индустриальный парк тождественны.

История создания первого индустриального парка относится к концу XIX века, когда английский предприниматель Эрнест Хооли приобрёл 10 гектаров земли вдоль манчестерского морского канала. Создав на этой территории всю необходимую инфраструктуру, он начал сдавать в аренду участки промышленным компаниям, а позже, продавать их. Таким образом, появился первый в мире индустриальный парк – Трафффорд парк в Манчестере (Великобритания). В 1910 году именно здесь был открыт первый в Европе завод производитель Ford. А уже к 1920 году более 300 американских фирм последовали его примеру. Подобные результаты работы, несомненно, говорят об успехе данного проекта. Поэтому, необходимо сделать два замечания. Во-первых, данный индустриальный парк привлёк резидентов без государственной поддержки в виде субсидий (все инвестиции в инфраструктуру были частными) и без предоставления каких-либо налоговых льгот. Во-вторых, создание парка относится на период промышленной революции в Великобритании, периода, когда спрос на земли промышленного назначения, особенно с выгодным географическим положением был особенно высок.

В новейшей истории России, первые промышленные парки стали создавать в середине 2000-х, в период роста инвестиций и активизации промышленного производства. Однако, с того времени, экономика России произошёл ряд негативных событий, коренным образом повлиявших на инвестиционные процессы. Наиболее значимым из которых является введение экономических санкций со стороны ряда развитых и развивающихся стран.

В июле 2017 года Эксперт опубликовал рейтинг инвестиционной привлекательности индустриальных парков и особых экономических зон (ОЭЗ). В рейтинг были включены 76 площадок из 33 регионов страны. В выборку были включены только действующие парки. По итогам анализа, все объекты были разделены на пять категорий. Из 76 площадок, 50 находятся в частной собственности, остальные в государственной. Отметим, что из 24 парков, попавших в две группы с наибольшим рейтингом 4 парка расположены в республике Татарстан, четыре на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 6 в Москве и Московской области, 4 в Калужской области, 2 в Самарской и по одному в Ульяновской, Новосибирской, Челябинской и Липецкой областях. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство успешных промышленных парков расположено в экономически развитых регионах, преимущественно центральной части России. При этом, в рейтинг попало всего два промышленного парка с территории дальневосточного федерального округа (оба в Хабаровском крае), пять из Сибирского федерального округа (Новосибирск – 2; Красноярск – 2; Иркутск - 1), а также три промышленных парка из Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольский край – 2; Республика Дагестан - 1). Можно сделать вывод, что привлекательность и успешность промышленного парка во многом зависит от уже достигнутого уровня экономического развития и, следовательно, индустриальные парки не могут способствовать ускоренному экономическому росту слаборазвитых территорий.

Традиционно считается, что конкурентными факторами размещения промышленных парков являются географическая близость рынков сбыта и трудовых ресурсов, наличие финансовых партнёров, транспортная доступность

нескольких видов транспорта, обеспеченность ресурсами и др.². При этом, некоторые исследования свидетельствуют, что региональные власти в значительной степени переоценивают значимость естественных источников конкурентного преимущества, а одним из решающих факторов является готовность региона к сотрудничеству³.

Одним из ключевых преимуществ организации производства в индустриальном парке является возможность кооперации резидентов по ряду направлений:

- сырьевая кооперация – централизованное планирование закупок и приобретения партий сырья;
- сбытовая кооперация – централизованный сбыт продукции резидентов в случае схожести ассортимента;
- транспортно-логистическая кооперация – централизованное планирование и координация доставки сырья и готовой продукции до потребителя или дистрибьютора;
- производственная кооперация – размещение на площадке парка взаимодополняющих производств, организация производственных цепочек, создание центров коллективного пользования оборудованием;
- кооперация в сфере прочих услуг, например, услуги общественного питания, вахтовым транспортом, централизованное выполнение административно-хозяйственных функций и др.

Анализ потенциала сокращения издержек по данным направлениям в организациях различных отраслей показал, возможную экономию от 4 до 25% расходов⁴. Однако, эмпирические исследования в данной области довольно скудны и требуется их дальнейшее развитие.

Необходимо отметить, что создание индустриального парка вдали от транспортной инфраструктуры и рынков факторов производства, практически обречено на провал. Особенно это важно, если парк планирует привлечение не зарубежных компаний. Во-вторых, как показывает практика, наличие формально закрепленных региональных преференций и льгот не обеспечивает притока инвесторов и капитала.

Регион становится привлекательным благодаря инициативной позиции властей и проводимой ими последовательной политики снижения административных барьеров. В основе такой политики лежит понимание того, что льготы не упущенная выгода, а стимул для развития промышленности. Современные руководители понимают, что в будущем налоговые поступления от привлеченных инвестиций во много раз превысят объем бюджетных «потерь».

За последние годы количество регионов, проводящих такую политику, возросло. Для многих становится очевидным, что нечеткая система льгот, бюрократические препятствия и непрозрачность административных процедур значительно снижают эффективность законодательных инициатив по привлечению инвестиций в производство.

² Васильев А.В. Экономические, экологические и другие преимущества создания и функционирования индустриальных парков // Вестник самарского государственного экономического университета. – 2014. 0 №5. – С.28-32.

³ Криворотов В.В., Калина А.В., Тиханов Е.А., Ерыпалов С.Е. Индустриальные парки как эффективный механизм роста конкурентоспособности региональных производственных комплексов // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2014. - №2. – С. 61-74.

⁴ Лучшие практики проектирования и строительства промышленных объектов // Электронный ресурс: https://www.indparks.ru/upload/medialibrary/e95/AIP_book_CIC%202_2017.pdf [Дата обращения 17.06.2017].

Индустриальные парки являются не столько инструментом привлечения инвестиций на территорию, сколько инструментом пространственного распределения существующих инвестиционных потоков. В настоящее время в России, достаточно много регионов со снижающимся уровнем конкурентоспособности. Регионов отличающихся негативной демографической динамикой (сокращение и старение населения), снижением уровня человеческого капитала, ухудшением состояния социальной инфраструктуры. Подобные территории не могут считаться привлекательными не только для зарубежных, но и для российских компаний. Поэтому, для стимулирования интереса к теме промышленных парков необходимо, в первую очередь, преодоление общего негативного тренда в социально-экономическом развитии государства.

По данным годового отчёта Ассоциации индустриальных парков, на конец 2016 года в России было создано 146 индустриальных парка, в 92-х из которых уже работали резиденты. В создание индустриальных парков было вложено более 134 млрд. рублей. А суммарный объём инвестиций резидентов приблизился к 550 млрд. рублей⁵. Таким образом, индустриальные парки являются крупными инвестиционными проектами, что обуславливает интерес к вопросам оценки эффективности их создания, особенно со стороны государства. При этом, стандартные подходы к оценке эффективности инвестиционных проектов, основанные на анализе входящих и исходящих финансовых потоков в данном случае неприменимы, поскольку речь идёт об использовании бюджетных, т.е. общественных ресурсов. При анализе эффективности бюджетных расходов необходимо рассматривать всю совокупность социально-экономических результатов, полученных всеми экономическими агентами, а не только теми, кто принимал непосредственное участие в реализации. Подход, основанные на анализе народнохозяйственной (общественной эффективности) был предложен в работе А. Когана⁶, где проводился анализ эффективности создания промышленно-логистического парка в Новосибирской области. Для этого использовалась межотраслевая модель региона, построенная на данных 2014 года. В соответствии с данным подходом, резидентов промышленного парка необходимо разделить в соответствии с осуществляемыми видами деятельности (ОКВЭД) и отдельно рассмотреть инвестиции и планируемый выпуск. Схожий подход к оценке эффективности использования бюджетных ресурсов разрабатывается в работах Д. Татаркина, Е. Сидоровой и А. Трынова⁷. Для расчёта общественной эффективности предлагается использовать экономико-математическую модель региона в виде матрицы финансовых потоков (МФП). Преимуществом данной модели является возможность оценить влияние реализуемого проекта не только на формирование валовой добавленной стоимости (ВДС) на территории, но показать его влияние на налоговые доходы всех уровней власти, а также доходы сектора домашних хозяйств. Подробней о построении и использовании МФП⁸.

⁵ Годовой отчёт АИП по итогам 2016 года // Электронный ресурс: <https://www.indparks.ru/upload/medialibrary/203/AIP%20summary%202016%20v%2010.pdf> [Дата обращения: 17.06.2017].

⁶ Коган А.Б. Оценка общественной эффективности инвестиций в промышленно-логистический парк новосибирской области // Мир экономики и управления. – 2015. - №1. – С. 50-60.

⁷ Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В. Теория построения и перспективы использования балансовой модели финансовых потоков // Журнал экономической теории. – 2015. - №3. – С. 62-75; Трынов А.В. Методика оценки экономической эффективности инвестиционных проектов, реализуемых на принципах государственно-частного партнёрства // Экономика региона. – 2016. - №2. – С. 602-612.

⁸ Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф. Региональная балансовая модель финансовых потоков на основе секторального подхода системы национальных счетов // Экономика региона. – 2017. - №1. – С.318-330; Наумов И.В. Теоретико-методологический подход к формированию матрицы финансовых

По данным АИП, в Свердловской области, в 2016 году функционировало 4 технопарка и индустриальных парка (Про-Бизнес Парк и Химический парк Тагил). Кроме того, два индустриальных парка находится в стадии строительства (Заречный и ОЭЗ «Титановая долина»). Одним из давно обсуждаемых проектов является создание индустриального парка на территории г. Екатеринбург – в районе Ново-Свердловской теплоэлектростанции. В соответствии с планом, объём инвестиций в инфраструктуру парка составит 3,8 млрд. рублей. Сумма инвестиций резидентов парка должна составить не менее 11 млрд рублей в первые пять лет работы парка и достигнуть 105, млрд к 12 году функционирования. В соответствии с МФП Свердловской области, построенной на данных 2014 года инвестиционный спрос в объёме 3,8 млрд. рублей, приведет росту совокупного спроса на экономике региона на 11,9 млрд. рублей и росту добавленной стоимости на 4,67 млрд. Авторы проекта прогнозируют, что в течении первых пяти лет выручка резидентов достигнет 50-ти млрд. рублей. Что приведёт к формированию 71,5 млрд добавленной стоимости и 7,4 млрд налоговых доходов в региональный бюджет. Можно сказать, что внешний - мультипликативный экономический эффект от реализации проекта значительно превосходит прямой, на котором обычно делают акцент его разработчики. Однако при расчёте экономического эффекта от строительства индустриального парка нужно иметь ввиду ряд нюансов. Во-первых, достоверность прогнозов по темпам привлечения инвестиций резидентами и величине выпуска продукции. Как правило, разработчики проектов завышают данные показатели чтобы показать проект в наилучшем свете, особенно, если вопрос касается выделения бюджетных средств. Однако реальные показатели оказываются значительно скромней. Сроки возведения инфраструктуры индустриальных парков сильно затягиваются и инвесторы, с кем были подписаны инвестиционные соглашения, переключаются на другие площадки. Во-вторых, вопрос влияния создания индустриальных парков и особых экономических зон на прирост инвестиций на территории остаётся открытым и порождает серьёзные дискуссии. Одна группа специалистов ссылаясь на широкий положительный зарубежный и отечественный опыт указывают на высокую привлекательность таких проектов. Другая группа настаивает на том, что никаких дополнительных инвестиций создание таких объектов не привлекает, а приводит лишь к внутри территориальному и межвременному перераспределению имеющихся инвестиций. К сожалению, на данный момент, однозначного ответа на данный вопрос не нашлось и вопрос можно считать открытым и, следовательно, актуальным для дальнейших исследований.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ)¹

*Дьячков А.Г.,
Сурнина Н.М., д.э.н.
Шишкина Е.А., к.э.н.
УрГЭУ, Екатеринбург*

В настоящее время в составе приоритетов пространственного развития России особое место занимает совершенствование перспективной организации основных коммуникационных пространственных систем страны – транспортной, энергетической, информационной².

Повышение роли инфраструктуры на современном этапе связано с усилением требований к качеству инфраструктурной обеспеченности территорий, происходит дифференциация и специализация услуг, усиливается «адресность» инфраструктурного обеспечения. Инфраструктурная обустроенность влияет на неоднородность и самоорганизацию пространства - значительное несоответствие пространств страны и форм его современного инфраструктурного, технико-технологического обустройства может породить коммуникационные (или сетевые) разрывы.

Для обеспечения связанности пространства регионов особое значение имеют сетевые инфраструктурные компании. Показатель уровня затрат на технологическое подключение является одним из параметров оценки доступности электроэнергетической инфраструктуры в целом, которое напрямую влияет на инвестиционный климат региона. Доступность электроэнергетической инфраструктуры территории определяется сроками, количеством необходимых процедур и уровнем затрат на технологическое присоединение к электрическим сетям³ (табл. 1).

Таблица 1

Динамика показателей доступности энергетической инфраструктуры и эффективности процедур по подключению электроэнергии в РФ в 2012-2016 гг.⁴

Эффективность процедур по подключению электроэнергии	2012	2013	2014	2015	2016
Среднее время подключения (дни)	281,0	281,0	175,2	175,2	160,5
Среднее количество процедур (штуки)	10,0	10,0	4,0	4,0	3,0
Стоимость (% от дохода на душу населения)	1852,4	1573,7	299,5	277,4	93,1

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект 17-02-00751-а) "Механизмы создания эффективного инфраструктурного энергетического обеспечения регионального развития (на примере Уральского региона)"

² Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года – Режим доступа: http://xn----7sbbhnbqjal1ebd4mma.xn--p1ai/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения – 03.06.2017).

³ Рейтинг Doing Business Всемирного банка. – Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/custom-query>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения – 03.04.2017).

⁴ По данным Рейтинга Doing Business Всемирного банка. – Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/custom-query>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения – 03.04.2017).

Доступность энергетической инфраструктуры институционально обеспечивается регулированием процедур по подключению электроэнергии.

В 2012 - 2016 гг. среднее время подключения к электрическим сетям сократилось на 120,5 дня (на 42,9 %) и составило 160,5 дней, среднее количество процедур сократилось на 7 единиц (на 70 %). Однако рассматриваемые параметры значительно превышают целевые показатели, определенные Всемирным банком⁵: время на прохождение всех этапов по получению доступа к энергосети – 40 дней, затраты на получение доступа к энергосети (как процент от среднедушевого дохода). Целевым ориентиром реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» избрано вхождение Российской Федерации в топ-20 рейтинга, подготавливаемого Всемирным банком на ежегодной основе по комплексу из 10 ключевых показателей, одним из которых является «доступность подключения к энергосетям».

Деятельность инфраструктурных организаций территории, в том числе ценообразование и условия взаимодействия с контрагентами, подлежит государственному регулированию и контролю.

Законодательно определённая система перспективного планирования электроэнергетики существует с 2009 года, с момента выхода постановления правительства № 823 «О схемах и программах перспективного развития электроэнергетики»⁶, определившего правила разработки и утверждения схем и программ развития электроэнергетики. В настоящее время система состоит из трёх взаимоувязанных типов документов: генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики, схемы и программы развития ЕЭС России, а также схем и программ перспективного развития электроэнергетики субъектов Российской Федерации.

Основная задача электроэнергетики – обеспечение потребностей экономики и общества в гарантированном и стабильном энергоснабжении, поэтому планы развития энергетической инфраструктуры должны основываться на прогнозах социально-экономического развития территорий. Конечный результат планирования – конкретные инвестиционные планы субъектов отрасли, позволяющие обеспечить прогнозируемый спрос на электроэнергию и мощность. Поэтому эффективность планирования в электроэнергетике связаны с качеством экономического планирования и прогнозирования в целом в стране.

Авторами проанализировано методическое обеспечение процесса стратегического планирования развития электроэнергетического комплекса путем формирования целей и содержания этапов энергетического планирования на национальном и региональном уровнях на основе обобщения практики разработки стратегических документов в энергетике. Изучены стратегические документы социально-экономического, территориального, энергетического планирования в аспекте развития инфраструктурного комплекса, проведен контент-анализ следующих документов Стратегия социально-экономического развития РФ⁷,

⁵ Рейтинг Doing Business Всемирного банка. – Режим доступа:

<http://russian.doingbusiness.org/custom-query>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения – 03.04.2017).

⁶ Правительство Российской Федерации постановление От 17 Октября 2009 Г. N 823 О схемах и программах перспективного развития электроэнергетики список изменяющих документов (в ред. Постановлений Правительства РФ от 12.08.2013 N 691, от 17.02.2014 N 116, от 23.01.2015 N 47, от 16.02.2015 N 132)

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 10.02.2017) <О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года> (вместе с "Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года")

Стратегия пространственного развития РФ, Энергетическая стратегия РФ до 2030 года, Схема территориального планирования РФ в области энергетики, Схема и программа развития Единой энергетической системы РФ на 2016-2022 гг., Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года⁸. (см. табл. 2).

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа целей развития инфраструктурного комплекса территории (на примере электроэнергетики)

Документ				
Стратегия социально-экономического развития РФ	Стратегия пространственного развития РФ	Энергетическая стратегия РФ до 2030 года	Схема и программа развития Единой энергетической системы РФ на 2016-2022 гг.	Указ Президента РФ от 16.01.2017 N 13 "Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года"
Цели развития				
Развитие на территории России крупных узлов международной энергетической инфраструктуры, использующих новые энергетические технологии; формирование новых центров социально-экономического развития, опирающихся на развитие энергетической и транспортной инфраструктуры; опережающее развитие энергетической инфраструктуры	Инфраструктурное обустройство территории страны Надежное удовлетворение спроса населения и экономики на электроэнергию, выполнение роли одной из ключевых составляющих инфраструктурного каркаса страны, обеспечивающего ее единство и целостность.	Структурно и качественно новое состояние энергетического сектора страны, максимально содействующее ее динамичному социально-экономическому развитию.	Содействие развитию сетевого хозяйства и генерирующих мощностей, а также обеспечению удовлетворения долгосрочного и среднесрочного спроса на электрическую энергию и мощность.	Инфраструктурное обеспечение пространственного развития экономики и социальной сферы Российской Федерации

Из табл. 2 видно, что общим целевым ориентиром для всех рассматриваемых документов является ориентация на создание надежного удовлетворения растущего спроса на электроэнергию для обеспечения социально-экономического развития.

Отметим, что Федеральный закон о стратегическом планировании в РФ принятый в 2014 г., достаточно подробно регламентирует систему

⁸ Указ Президента РФ от 16.01.2017 N 13 "Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года"

государственного прогнозирования в стране и регионах, но утверждение подзаконных актов затягивается, и это создаёт риски расхождения прогнозов с теми, что закладываются в электроэнергетике.

Основной фактор спроса на электроэнергию – экономический рост, поэтому переоценка или недооценка перспектив экономического роста, находит отражение на прогнозах спроса на электроэнергию, при этом отклонение от прогнозов в электроэнергетике приводит к серьёзным инвестиционным и ценовым последствиям. Поэтому планирование развития энергетики должно основываться на документах по планированию социально-экономического развития, что позволит избежать профицита (дефицита) мощности на определенных территориях. Следовательно, планирование развития энергетики на период превышающий сроки плановых документов социально-экономического развития представляется нецелесообразным, т.к. в энергетике изменения происходят динамично, а новые технологии способны значительно изменить ее развитие.

Программы развития объектов электроэнергетики определяются федеральными и региональными органами государственной власти. Поэтому цели и задачи стратегии в части развития местных объектов электросетевого хозяйства, объектов, потребляющих электрическую энергию должны быть увязаны со схемами и программами развития единой национальной (общероссийской) электрической сети на долгосрочный период, генеральной схемой размещения объектов электроэнергетики.

Проведенный анализ показывает, что единая методология разработки программ регионального экономического развития, а также правила планирования энергетической инфраструктуры в настоящее время отсутствуют. Поскольку неэффективное планирование является причиной проблемы избыточных сетевых мощностей: потребители заявляют на определённый объём потребления, сетевая компания реализует инвестиционные решения, а потребления по факту не происходит – сети остаются недогруженными, а расходы на их содержание несут другие потребители за счёт роста для них тарифов. Для решения данной проблемы необходимо совершенствовать всю систему утверждения инвестиций и контроля за их выполнением, поскольку компании сами заинтересованы в освоении больших объёмов инвестиций необходимо согласование инвестпрограмм естественных монополий с Федеральной антимонопольной службой.⁹ Необходимо выстраивание механизмов взаимодействия субъектов электроэнергетики, потребителей и администраций регионов при формировании программ развития региональной энергетики на принципах социального и маркетингового партнерства, в рамках которого все стороны, а не только субъекты электроэнергетики, несли бы полную ответственность за заявленные планы.

На региональном уровне основным документом в сфере планирования развития энергетики являются схема и программы развития энергетики региона¹⁰. В Свердловской области утверждена схема и программа развития электроэнергетики Свердловской области на 2017 - 2021 годы и на перспективу до 2026 года.¹¹ При этом каждое муниципальное образование имеет собственные

⁹ Планирование в электроэнергетике: возможно ли? – Режим доступа:

<http://peretok.ru/articles/strategy/13563/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения –03.04.2017).

¹⁰ Политика взаимодействия с обществом, потребителями и органами власти ПАО «Россети»: утверждена Советом директоров ПАО «Россети» 17.06.2014 (протокол от 20.06.2014 №158) ; Стратегия развития электросетевого комплекса Российской Федерации: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.04.2013 №511– р.

¹¹ Утверждены Указом Губернатора Свердловской области от 29 июля 2016 г. N 442-УГ.

схемы территориального планирования.¹² Анализ стратегических документов показывает, что в настоящее время на региональном уровне сформирована система документов стратегического планирования развития энергетического комплекса. Однако несмотря на наличие документов стратегического планирования развития территории, схем территориального планирования, схем развития сетевой энергетики, эти документы, как правило, являются разрозненными, не формируя комплексную основу развития территории. Например, документы территориального планирования не направляются на согласование в сетевую организацию, соответственно, существует высокий риск возникновения проблем с выделением земельных участков для размещения подстанций и «коридоров» для линий электропередачи. Строительство электросетевой инфраструктуры осложнено вопросами согласования и выделения земли под объекты. Актуальной является проблема согласования размещения линий электропередачи на землях третьих лиц как в условиях городской застройки, так и загородного строительства. При этом нерешенной также остается проблема оформления сервитутов на земельные участки охранных зон, доступа к территориям частной застройки, по которым проходят линии и другие. Отсутствие механизма горизонтального согласования стратегий социально-экономического развития региона и бизнес-структур, функционирующих на его территории, существенно тормозит процесс инвестирования в энергообъекты. В связи с этим актуальной задачей является максимальная синхронизация планов развития территорий с инвестиционными программами поставщиков энергоресурсов, разработка инструментов согласования планов развития территорий с планами развития электросетевого комплекса и доступностью электросетевой инфраструктуры. Это позволит сформировать эффективные проекты комплексного развития территорий, повышение ее инвестиционной привлекательности.

Таким образом, эффективность планирования в электроэнергетике связана с качеством экономического планирования и прогнозирования в целом в стране. Планирование развития энергетики должно основываться на документах по планированию социально-экономического развития территории, что позволит избежать профицита (дефицита) мощности, создаст условия для развития территорий.

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ДОШКОЛЬНЫМИ И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

*Илюхин А.А., к.э.н.
Илюхина С.В., к.э.н.
УрГЭУ, Екатеринбург*

Обеспечение региона квалифицированными кадрами, формирование ее кадрового потенциала основано на системе образования населения. Формирование трудового потенциала, прямо зависит от уровня развития социальной и инженерной инфраструктура региона, в том числе блока образования, базирующегося на детских дошкольных учреждениях и общеобразовательных школах. Блок образования обеспечивает воспитание новых

¹² Градостроительный кодекс Российской Федерации" от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016).

поколений образованными, духовно и физически развитыми, культурными людьми. Президент РФ В.В. Путин в «майских указах» особо выделил проблемы обеспеченности регионов дошкольными и общеобразовательными учреждениями. Государство предпринимает экономические меры для повышения рождаемости населения, как на федеральном уровне, выделяя постоянно индексируемый материнский капитал, так и на региональном уровне, предоставляя в качестве стимулирования рождаемости областной материнский капитал.

В целях мониторинга ситуации и определения тенденций развития, был проведён анализ динамики численности и обеспеченности дошкольными и общеобразовательными учреждениями городских округов и муниципальных образований Свердловской области.

За период 2011-2015гг. количество общеобразовательных организаций (без вечерних (сменных)) уменьшилось на 10%, структура не изменилась: государственных и муниципальных – 98%, частных -2%. Среднее значение численности школ на одно муниципальное образование (М/О) или город составила 14 ед., детских садов 20 ед. Доля М/О или городов, имеющих численность образовательных учреждений ниже среднего значения, составила около 70%, что объясняется концентрацией этих учреждений в крупных городах Свердловской области: Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и Каменск – Уральском.

Лидерство г. Екатеринбурга по числу образовательных учреждений в Свердловской области можно объяснить, во-первых, большой численностью населения практически в 1500000 чел., во-вторых, значительным числом приезжих, которые переселяются в Екатеринбург, в том числе и для получения образования на всех уровнях. Наименьший показатель численности дошкольных учреждений по 2011г. демонстрируют городские округа: Гаринский, Шалинский, Староуткинский, Верхнее Дуброво, Верх - Нейвинский, Махневский МО.

По общеобразовательным учреждениям наименьшие показатели зафиксированы в городских округах: Староуткинский, Верхнее Дуброво, Верх-Нейвинский, причем в первое и последнее число дошкольных и общеобразовательных учреждений оставалось стабильно низким и не менялось на протяжении всего исследуемого периода. Следовательно, как минимум, динамика рождаемости детей оставалась стабильно низкой.

Метод анализа рядов динамики позволил определить, что абсолютный прирост в 2012г. по сравнению с 2011г. остался в большинстве городских округов неизменным, но в г. Екатеринбурге число детских садов выросло на 8,7%, число школ на 18,9%, в Н. Тагиле число детских садов сократилось на 26,1%.

В 2013 г. в Екатеринбурге число детских садов выросло на 8%, а число школ осталось неизменным по сравнению с 2012 г., в Артинском округе число детских садов сократилось на 21,7%, в Ачитском на 92,9%, в Верхотурском округе на 37,5%, в Кировградском на 41,2%, в Н. Тагиле на 15,9% . В Арамильском округе число детских садов выросло на 60%. Число школ в Гаринском округе сократилось на 25%, в Пышминском округе на 58,6%, в Волчанском на 33,3%, в Карпинске на 22,2%.

В 2014 г. в большинстве округов произошло сокращение числа детских садов по сравнению с 2013 г.: в Артинском округе - на 72,2%, в Красноуфимском на 30%, в Пышминском на 25%, в Туринском на 40%, в Н. Тагиле на 82,6%, в Среднеуральске на 25%. Количество школ в 2014 году по сравнению с 2013 годом осталось практически неизменным во всех округах и городах.

В 2015 г. продолжилось сокращение числа детсадов в Свердловской области по сравнению с 2014г.: в Ревде на 42,9%, Серове на 38,1%, Ивдельском на 33,3%, Красноуфимске на 28,6%, Тавдинском округе на 27,8%, Талицком на 27,3%, Полевском на 22,7%. Число школ также продолжало сокращаться: в Красноуфимске на 17,4%, в Алапаевске на 15,4% в Ивдельском округе на 22,2%, в

Североуральском округе на 25%. В Шалинском городском округе число дошкольных учреждений за весь рассматриваемый период увеличилось на 300%, в Верхнем Дуброво – на 100%, по сравнению с начальным уровнем ряда. В Ачитском городском округе число дошкольных учреждений после 2012 г. сократилось до 1, как и в Нижней Салде.

Для выявления и подтверждения зависимости количества школ от числа детских дошкольных учреждений (ДОУ), был проведён корреляционно-регрессионный анализ. Резкие отклонения от среднего значения были исключены из анализа, для повышения достоверности результатов: г. Екатеринбург - 380,6 ДОУ и 188 школ, г. Н. Тагил – 57 ДОУ и 64,2 школ. В. Дуброво – 1,8 ДОУ и 1 школа, В. Нейвинский, Староуткинск – 1 ДОУ и 1 школа, Махнево – 1 ДОУ, 3 школы, Пелым – 2 ДОУ и 2 школы, Бисерть – 4 ДОУ и 3 школы.

Модель имеет вид:

$$\hat{Y}_x = a + bx, \text{ где:}$$

\hat{Y}_x – результат (теоретическое значение, выравненное по фактору x);

a, b – параметры уравнения;

x - фактор влияния.

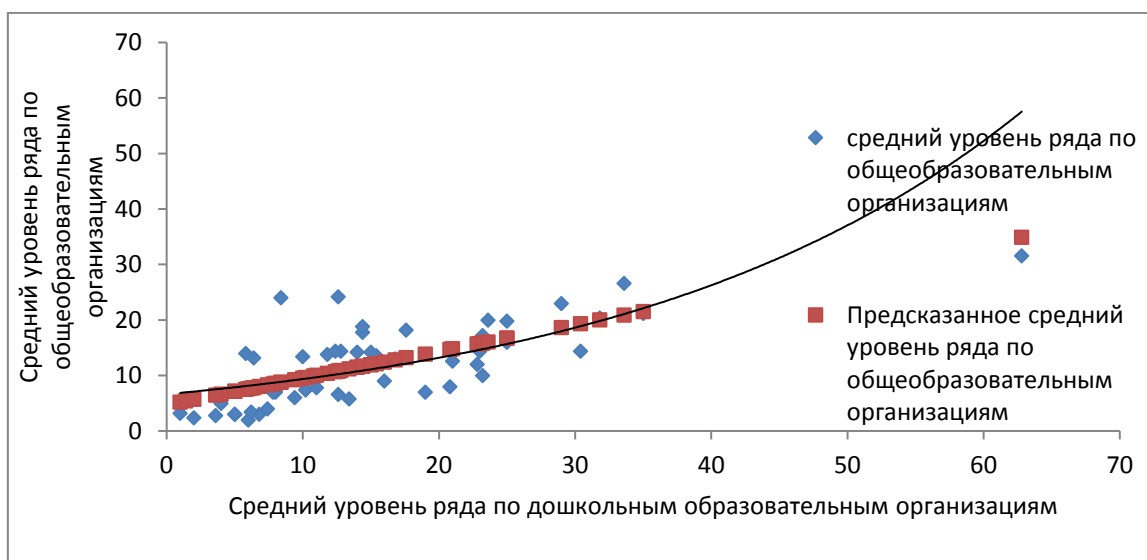

Рис.1. График экспоненциального приближения зависимости среднего уровня по общеобразовательным организациям от ДОУ¹

Получены следующие результаты (рис.):

Оптимальный: количество школ = $14,75 + 0,480 \times \text{количество садиков}$.

Худший: количество школ = $12,5 + 0,360 \times \text{количество садиков}$.

Лучший: количество школ = $16,98 + 0,590 \times \text{количество садиков}$.

При увеличении садиков на 1 шт. количество школ может возрасти на 1,8%. В неучтенную дисперсию 26-45% могут входить все остальные факторы, среди прочих, количество детей, не посещающих детсады по спектру причин.

Статистическая значимость коэффициентов регрессионной модели, построенной на 55 репрезентативных наблюдениях, подтверждает при нулевой гипотезе Р-значение $< 5\%$, в нашем случае $F=0,00$, следовательно, данным расчетам можно доверять при нормальной вероятности в $0,95\%$, наличие прямой тесной связи и зависимости количества школ от детских садов на $55-74\%^2$.

¹ Составлено авторами по данным: Официальная статистика / Свердловская область / Социальная сфера. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/sphere/

² Регрессионная статистика: Множественный R =0,742267462, R-квадрат =0,550960986, Нормированный R-квадрат =0,542488551. Стандартная ошибка 4,695459959, Наблюдения 55

На основе полученных данных можно сделать вывод, что на периферии Свердловской области наблюдается стабильная нехватка детских дошкольных и общеобразовательных учреждений. Сложившуюся ситуацию можно объяснить небольшой численностью населения (в среднем 9800 чел. на одно М/О). В большинстве таких городов численность населения продолжает снижаться, а значит, существует большая вероятность того, что школы и детские сады в этих районах будут закрываться, а учащиеся из этого района будут направлены в более крупный районный центр.

Следовательно, периферийным районам, при реализации программ оптимизации детских дошкольных и общеобразовательных учреждений, должно уделяться особое внимание и каждый конкретный случай необходимо выделять в адресный целевой проект, учитывающий весь комплекс сопутствующих процессу оптимизации факторов. Особое внимание к этим проектам обусловлено их высокой социальной значимостью, т.к. они прямо влияют на социально-экономическую и политическую мотивацию населения.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

*Комарова О.В., к.э.н.
УрГЭУ, Екатеринбург*

Проблемы развития малого и среднего предпринимательства (МСП) как основы развития рыночной экономики не только теоретического, но и практического плана общеизвестны: формирование критериев малого и среднего предпринимательства, формирование системы государственной поддержки МСП, доступность финансовых ресурсов, высокие административные барьеры и др. Одной из ключевых проблем государственной поддержки малого и среднего предпринимательства является неравномерность и неоднородность его развития в регионах РФ.

Анализ динамики малых предприятий с 2010 по 2016 годы показал: нет ни одного региона в Российской Федерации, в котором бы тенденция ключевых показателей – количества малых предприятий (включая микропредприятия) и среднесписочной численности занятых без внешних совместителей – была бы стабильно растущей. Проведя анализ динамики указанных показателей, мы выделили следующие тенденции:

- в 17 регионах из 83, несмотря на рост количества малых предприятий, наблюдалось постоянное падение занятости; наибольшие темпы падения занятости наблюдались в Республике Алтай, Республике Коми, Ненецком автономном округе, Карачаево-Черкесской Республике;

- только в Московской области наблюдались положительные темпы роста и количества малых предприятий и среднесписочной занятости;

- в остальных регионах тенденция повторяет общероссийскую: в 2010-2014 годах наблюдается замедление темпов роста указанных показателей, в 2016 году на фоне роста количества малых предприятий (31,69% по РФ) отмечается падение среднесписочной занятости (6,8% по РФ), при этом региональные показатели могут быть как выше общероссийских, так и ниже их.

Исследований региональных систем поддержки довольно много, но, как правило, они не выходят за рамки традиционного подхода. Так, Алещенко В.В., отмечая неравномерность развития малого предпринимательства в регионах и не соответствие уровня государственной поддержки, заключает, что «действующая схема федерального софинансирования региональных программ поддержки субъектов МСП ... ведет к консервации сложившейся ситуации и не может стимулировать поступательное развитие сектора в целом»¹.

Буров В.Ю. также указывает на проблемы финансирования сектора МСП: «решение задачи внедрения технологических инноваций при низком уровне финансовой самостоятельности территорий и их высокой дифференциации развития, низким уровнем развития сектора МП едва ли возможно в существующих современных условиях на региональном уровне»².

Уже довольно длительное развитие российской экономики в условиях рынка отчетливо подтверждает, что одной из ключевых проблем развития является не создание рыночных отношений и экономических механизмов, сопряженных с рыночной системой, а формирование адекватных и использование сложившихся институтов. Институциональные идеи проникли в сферу развития малого и среднего предпринимательства сравнительно недавно. Например, А.Виленский рассматривает систему государственной поддержки МП как государственную институциональную политику, которая «предназначена для обеспечения максимально возможной реализации его позитивных функций в национальном хозяйстве и социальной сфере»³. Беспятных Н.Н. рассматривает институциональную матрицу, формирующую среду функционирования малого бизнеса, как «взаимосогласованную систему экономических, политических и идеологических институтов, обеспечивающих во взаимодействии с базовыми институтами рынка эффективное развитие малого предпринимательства»⁴. Во всех исследованиях в основе формирования институциональной политики, институциональной структуры, матриц, контуров лежит понятие института. Кроме того, приведенные подходы к анализу институциональной сущности государственной поддержки малого предпринимательства подтверждают неоднозначность, неоднородность, многоступенчатость и полиморфность не только практического функционирования самого института, но и теоретической трактовки данной категории.

Важным этапом в формировании и развитии института государственной поддержки МСП является получение общей картины развития того или иного института региональной экономики. Одним из инструментов данного анализа является построение институционального атласа как необходимого этапа «стратегического планирования развития регионов и хозяйствующих

¹ Алещенко В.В. Государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в России: пространственные проблемы // Пространственная экономика. 2015. № 1. С. 123-134.

² Буров В.Ю. Малое предпринимательство в пространственном развитии региона // Вестник БГУ. 2015. № 2. С.78-83.

³ Виленский А. Макроэкономические институциональные ограничения развития российского малого предпринимательства/ А.Виленский. Ин-т эк-ки РАН. М.: Наука, 2007. 237 с.

⁴ Беспятных Н.Н. Институциональные факторы эффективного развития малого предпринимательства. Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2004. 26 с.

субъектов, так как обеспечивает многофакторную системную характеристику институциональной структуры развития конкретной экономической системы»⁵.

Изменение природы малого и среднего предпринимательства во многом определяет развитие института государственной поддержки данного сектора экономики. Структура института государственной поддержки МСП включает: нормативно-правовую базу; программы поддержки малого предпринимательства; государственный аппарат и инфраструктуру поддержки (как рыночную, так и общественную)⁶.

Таблица 1.

Структура института государственной поддержки МСП в некоторых регионах РФ, 2017 г.

Регион РФ	Государственный аппарат (органы исполнительной власти), ед	Инфраструктура поддержки, ед.						Программы поддержки МСП	Нормативно-правовая база
		Центр/Агентство по развитию МСП	Бизнес-инкубатор	Экспортный центр	Технопарк	Фонды/Кредитные организации	Консультационные центры		
Липецкая область	10	1	9	...	5	102	15	+	...
Калужская область	20	8	3	1	1	2	...	+	2009
Псковская область	5	...	2	1	13
Свердловская область	10	1	4	3	+	2008
Красноярский край	11	1	1	1	+	2008
Кировская область	12	1	3	1	...	5	...	+	2007

В таблице представлены показатели структуры института государственной поддержки МСП в регионах с высоким уровнем развития малого предпринимательства: данные не позволяют получить полную целостной картины о системе поддержки МСП в регионе, более того затруднено обращение и использование информации интернет-порталов.

Выборочный анализ систем поддержки МСП в регионах показал, что не существует единого механизма поддержки МСП, что приводит к росту неэффективности данного направления государственной политики, несогласованности действий структур поддержки. Анализ интернет-порталов развития малого предпринимательства в регионах не позволяет получить представление о системе поддержки малого и среднего бизнеса и носит формальный характер.

Несмотря на наличие общего механизма воздействия института государственной поддержки на развитие малого бизнеса, в каждом регионе возникают особенные специфические черты формирования данного института, что оказывает влияние на уровень развития малого и среднего предпринимательства региона. Сложность анализа института государственной поддержки МСП связана с его многоуровневостью и неоднородностью. Рассмотрим особенности регионального уровня института государственной поддержки МСП.

⁵ Попов Е.В. Территориальная модель институтов развития предпринимательства / Е.В. Попов, М.В. Власов, М.О. Симахина // Журнал экономической теории. 2010. № 2. С.19-38.

⁶ Комарова О.В. Институт государственной поддержки малого предпринимательства и проблемы его развития в России. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО « Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2007. 128 с.

Ключевой проблемой развития института государственной поддержки МСП является определение целей его функционирования, которое в дальнейшем определяет и его эффективность, и методы развития малого и среднего предпринимательства. Если в качестве цели выбирается решение проблем малого бизнеса, то подобная система государственной поддержки МСП заведомо обречена на неэффективность, поскольку проблемы малого предпринимательства при массовости данного сектора требуют от государства, прежде всего, больших финансовых затрат, они индивидуальны и требуют уникальных способов решения.

Использование институционального подхода позволяет конкретизировать цели системы государственной поддержки МСП: целью функционирования института государственной поддержки МСП является не обеспечение финансовой и других конкретных видов поддержки малых и средних предприятий, а минимизация транзакционных издержек данного сектора экономики. Транзакционные издержки малых и средних предприятий, как правило, вызваны: внешней асимметрией информации в отношениях экономических субъектов (государства и бизнеса, малого и крупного бизнеса и др.), государственным вмешательством и контролем регулирующих органов экономической деятельности. Кузьмин Е.А. в качестве оценки институциональной среды предлагает использовать не транзакционные издержки, а транзакциоёмкость, которая «отражает воздействие институционального поля, где транзакционные издержки в идеале являются платой за стабильность и поддержание «правил игры»», поскольку даёт возможность продемонстрировать «эффекты трения», тормозящие или ускоряющие экономическое развитие⁷. При рассмотрении в качестве оценочного показателя транзакциоёмкости экономики, в качестве цели следует выдвигать снижение транзакционных издержек малого и среднего предпринимательства.

Выбор цели института государственной поддержки МСП во многом определяет структуру и соотношение элементов в нём. Поскольку транзакционные издержки формируются в рамках конкретного взаимодействия, то очевидно, что роль местного уровня института государственной поддержки МСП возрастает. Поэтому институт государственной поддержки МСП должен иметь пирамидальную структуру:

- федеральный уровень определяет «правила игры», формирует формальные институты поддержки и базовую государственную инфраструктуру поддержки МСП;
- региональный уровень реализует программные методы, выполняя координирующие функции в институте государственной поддержки МСП, прежде всего, учитывающие ресурсные и технологические особенности развития территории;
- местный уровень обеспечивает низкий уровень транзакционных издержек в системе «малое предпринимательство – государство».

Таким образом, характеристикой института государственной поддержки МСП является противоречивый характер институциональной структуры, что обусловлено необходимостью обеспечения, с одной стороны, соподчиненности всех направлений государственной политики и

⁷ Кузьмин Е.А. Теоретическое и эмпирическое исследование транзакционных издержек в экономике: транзакциоёмкость экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. № 1. Том 13. 2013. С. 29-37

государственной поддержки малого предпринимательства, а с другой стороны, сбалансированности рыночной, государственной и общественной инфраструктуры.

В целом эффективность института государственной поддержки МСП зависит от следующих факторов:

- уровня развития нормативно-правовой базы деятельности малого предпринимательства и способов ее реализации;
- степени снижения транзакционных издержек: времени государственного вмешательства, уровня контроля со стороны регулирующих органов, эффективности обмена информацией внутри регулирующих органов, асимметрии информации в отношениях субъектов, использования ограниченного или чрезмерно широкого набора инструментов поддержки МСП;
- производства определенного типа общественных благ, т.е. доступности всех видов государственной поддержки для всех субъектов малого предпринимательства;
- соответствия института государственной поддержки малого предпринимательства базовым институтам общества.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

*Корабейников И.Н., к.э.н.
Корабейникова О.А., к.э.н.
ОГУ, Оренбург*

Современный этап экономического развития характеризуется переходом к постиндустриальному обществу. Необходимость сохранения устойчивости и конкурентоспособности предполагает активное вовлечение региональных экономик в данный процесс. Новая организационная парадигма основана на том, что Интернет и иные информационные системы охватывают все виды отношений: производственные, финансовые, экономические, социальные и иные. Данный процесс приводит к перераспределению эффектов от неравномерного распределения производительных сил посредством синергизма и возможности быть вовлеченными в производственные отношения вне зависимости от географического нахождения. Выигрывают те регионы, которые в большей мере вовлечены в сетевые эффекты распространения и использования средств информатизации. Теоретические и практические аспекты влияния информатизации на развитие территориальных систем рассмотрены в трудах следующих учёных: В.И. Балуты, Е.Г. Борщева, Д.И. Блюменау, В.Н. Бугорского, А.А. Корюшкова, С.И. Майорова, Н.В. Макаровой, И.С. Мелюхина, А.И. Микешина, А.А. Миролубова, Т.В. Моисеевой, Д.Ю. Полукарова, А.И. Ракитова, Р.В. Соколова, В.Л. Тамбовцева, А.В. Хорошилова и др. При этом во многих исследованиях делается акцент на глобальности РИУ и частности проявления региональных особенностей.

Базисом для регионального развития в условиях постиндустриального общества становится построение информационно-экономического пространства (ИЭП). Проанализировав теоретические аспекты развития информационно-экономического пространства мы пришли к необходимости формулирования данного явления. «Информационно-экономическое пространство» – это эволюционирующая территориально обусловленная устойчивая система программно-технических средств, экономических субъектов и информационно-экономических отношений между ними, ориентированная на создание условий для удовлетворения информационных потребностей посредством реализации информационно-экономического процесса.

ИЭП обладает рядом свойств, которые не позволяют его в полной мере отнести не к экономическому пространству не к информационному, а выделить как отдельное явление:

- придание новых качеств наблюдаемым явлениям общественного развития без дополнительных значимых капиталовложений, но с использованием новой информации и знаний;
- формирование новых форм и способов производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг на основе использования информации и знаний;
- формирование новых продуктов и услуг, существование которых невозможно вне ИЭП (к примеру, информационных продуктов и информационных услуг);
- катализация процессов материального и нематериального производства, распределения, обмена и потребления на основе удовлетворения постоянно растущих информационных потребностей общества, отдельных сообществ и людей;
- внедрение информационных процессов в экономические, что приводит к значительному повышению их эффективности без значимых дополнительных капитальных вложений;
- внедрение экономических процессов в информационные, позволяющие активизировать их развитие посредством повышения финансовой, экономической, инвестиционной и иной заинтересованности участников, а также придать экономический смысл, оценку и сопоставимость информационным процессам и др.

Обобщенная характеристика ИЭП представлена на рисунке 1. Нами были классифицированы регионы РФ по уровню развития ИЭП посредством их кластеризации на основе использования следующих параметров: число пунктов коллективного доступа (ПКД), имеющих выход в сеть Интернет, всего, ед.; число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет, тыс. ед.; число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих услуги доступа в Интернет, тыс. ед.; наличие квартирных телефонных аппаратов сети общего пользования на 1000 человек населения (на конец года), шт.; число подключенных абонентских устройств подвижной радиотелефонной связи на 1000 человек населения (на конец года), шт.; число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения (на конец года), ед. и др.

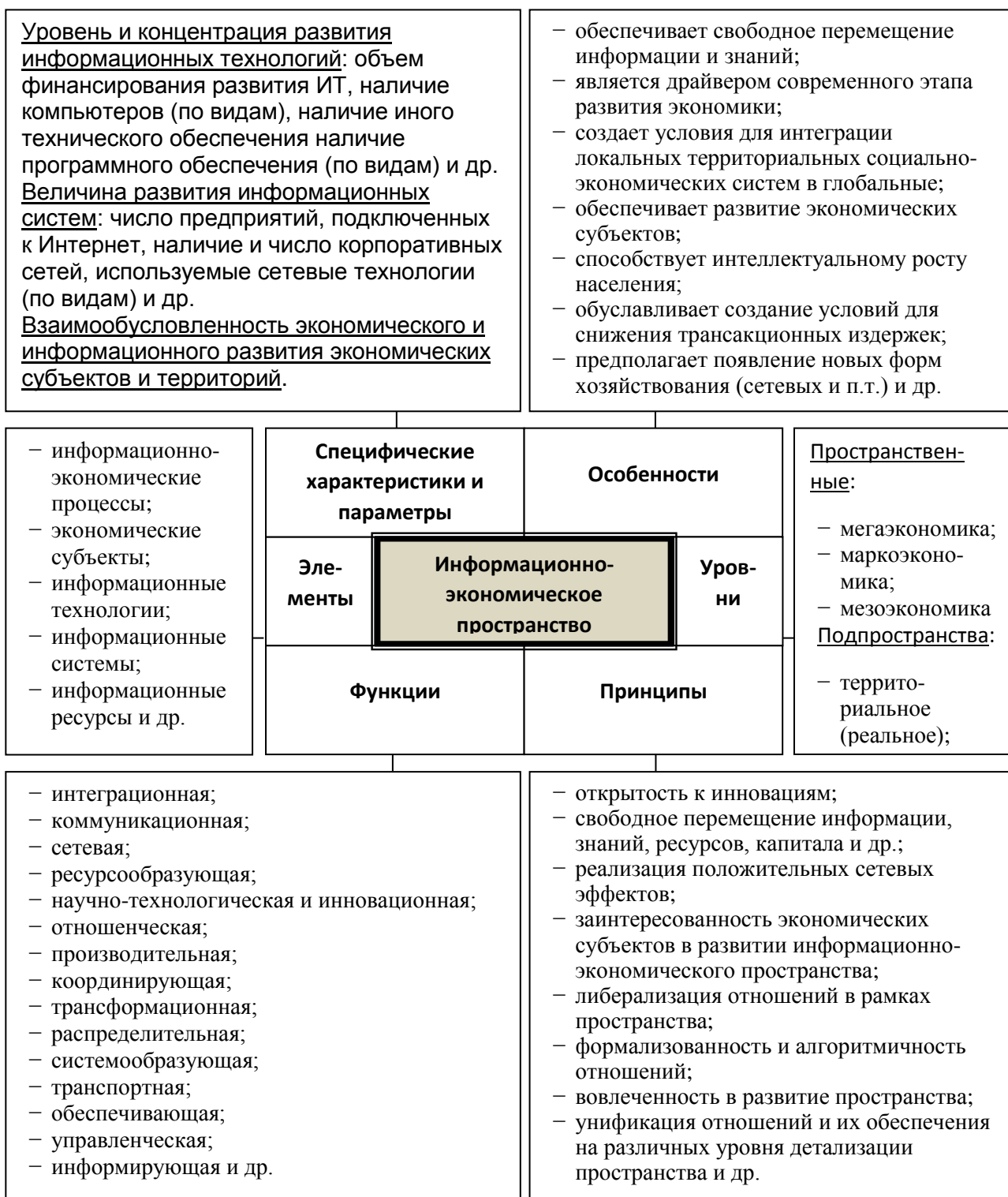

Рис.1. Характеристика информационно-экономического пространства

Проведенная классификация субъектов РФ по уровню развития ИЭП позволила выявить, что г. Москва и Московская область (1 кластер) значительно опережает другие регионы, как по абсолютным, так и по относительным показателям (см. табл. 1).

Таблица 1

Социально-экономическая характеристика регионов в разрезе кластеров по уровню развития ИЭП

Номер кластера	Объем ВРП, млн. руб.	Объем инвестиций в основной капитал, млн. руб.	Численность населения, тыс. чел.
Валовое значение параметров в кластерах			
1 кластер	14183790,60	2071867,00	19428,00
2 кластер	4807223,60	1374602,00	12422,00
3 кластер	19280976,10	5682231,00	54250,00
4 кластер	10663911,00	2878247,00	39822,00
5 кластер	5654605,80	2044153,00	16175,00
Доля значений параметров в кластерах относительно валовых значений в РФ, %			
1 кластер	25,98	14,75	13,67
2 кластер	8,81	9,78	8,74
3 кластер	35,32	40,44	38,18
4 кластер	19,53	20,48	28,02
5 кластер	10,36	14,55	11,38

Второй кластер составляют г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, а также Краснодарский край, которые являются лидерами в развитии ИЭП. В третьем кластере находятся регионы со средним уровнем развития ИЭП: Волгоградская область, Ростовская область, Республика Дагестан, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан и др.

Оренбургская область входит в состав третьего кластера (регионы с уровнем развития ИЭП ниже среднего) вместе со следующими субъектами: Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область и др. В группу с низким уровнем развития ИЭП входят регионы: Костромская область, Орловская область, Тамбовская область, Республика Карелия, Республика Коми, Мурманская область, Новгородская область и др.

Стоит отметить, что в субъектах РФ с высоким и очень высоким уровнем развития ИЭП проживает 22 % населения, в данных регионах производится 34 % ВРП, объем инвестиций составляет 25 % от общероссийского валового объема.

Значительная доля населения проживает в регионах с низким и очень низким уровнем развития ИЭП – 28 % и 11 % соответственно. При этом в данных регионах производится 20 % и 10 % ВРП соответственно.

Проведенный анализ показал, что на долю 1 и 2 кластеров приходится 28 % активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет, а также активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих услуги доступа в Интернет (см. табл. 2). При этом затраты на приобретение вычислительной техники в субъектах 1 и 2 кластеров составляют 37,6 % и 18,07 % соответственно от общих затрат по данному направлению. Затраты на приобретение программных средств системы в субъектах 1 и 2 кластера составляют 45,2 % и 10,6 % затрат по данному направлению.

Таблица 2

Роль и место регионов (в рамках кластерного деления) в развитии
ИЭП в РФ

Номер кластера	Число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет, тыс. ед.	Число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих услуги доступа в Интернет, тыс. ед.	Затраты на приобретение вычислительной техники, млн. руб.;	Затраты на приобретение программных средств системы, млн. руб.;
1 кластер	4690,10	19271,40	71747,90	66935,20
2 кластер	2407,70	11215,80	34463,10	15659,70
3 кластер	9451,40	37050,20	52781,00	39749,10
4 кластер	5890,50	27089,20	18205,60	14951,10
5 кластер	2053,50	10820,70	13494,00	10925,50
Доля кластера в развитии ИЭП в РФ, %				
1 кластер	19,15	18,28	37,63	45,16
2 кластер	9,83	10,64	18,07	10,57
3 кластер	38,59	35,14	27,68	26,82
4 кластер	24,05	25,69	9,55	10,09
5 кластер	8,38	10,26	7,08	7,37

Было определено, что развитие ИЭП будет характеризоваться результатом изменений посредством комбинаций шести факторов: обеспечение изготовления новых благ для потребителя экономическими субъектами, основанными на новых способах преобразования информации и знаний; развитие новых способов нематериального производства; расширение возможностей и влияния механизмов постиндустриальной экономики за счет освоения новых рынков знаний и информации; проведение соответствующей модернизации экономических систем и управления ими в рамках становления постиндустриального общества; получение новых источников информации на основе модернизации производственных отношений; количественный и качественный рост производительных сил.

РОЛЬ ЭНДАУМЕНТ-ФОНДОВ В РАЗВИТИИ АВТОНОМИИ ВУЗОВ¹

*Кульпин С.В., к.э.н.
УрФУ, Екатеринбург*

Высшая школа России переживает беспрецедентную в своей истории трансформацию, включая радикальное изменение таких институтов как автономия и академические свободы университетов. Менеджерализация управления вузами и усиление контроля государства за деятельностью университетов приводит к ограничению автономии и академических свобод. Современные вузы стараются найти новые механизмы, повышающие их

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-32-00003-ОГОН «Институциональное проектирование развития общественных благ»).

устойчивость и автономию. Одним из таких механизмов в мировой практике является развитие фондов целевого капитала, или эндаумент-фондов.

В статье делается оценка состояния фондов целевого капитала в российских вузах, а также перспективы создания устойчивого экономического механизма развития автономии российских вузов на их основе.

Проблема взаимосвязи эндаумент-фондов и развития автономии исследуется в разных аспектах. Так, Кимбалл Б. и Джонсон Б. изучили историю развития эндаументов в США. Авторы отмечают, в то время как колледжи долгое время имели постоянные государственные субсидии, фонды целевого капитала впервые приобрели значение в высшем образовании США в период с 1890 по 1930 год, поскольку университеты осознали, что их автономия, стабильность и сравнительное преимущество перед конкурентами в значительной степени зависят от размера их финансового капитала².

Исследователи Циклирас А. и др. изучили взаимосвязь между глобальными рейтингами и доходами университетов, в том числе и эндаумент-фондами, и обнаружили положительную взаимосвязь для университетов Великобритании и Канады³.

В статье Мэйера Х. и др. отмечается историческая прогрессивная роль эндаументов, повышающих независимость университетов от государства и их способность проводить инновационные и предпринимательские эксперименты, которые в условиях только государственного финансирования не могут быть реализованы. При этом авторы отмечают обратную сторону данного финансового механизма опираясь на ситуацию в США. Многие вузы, имеющие значительные эндаумент фонды, становятся недостижимыми в плане развития, образуя тем самым экономическое неравенство вузов, близкое к понятию олигархии⁴.

В исследованиях российских авторов уделяется особое внимание современному пониманию автономии университета. Как отмечают Волков А. и Мельник Д., автономию университета следует понимать сквозь призму трех основных аспектов. Во-первых, при автономии университет имеет возможность «самостоятельно определять траекторию своего развития, формировать видение себя и своего влияния на мир». Во-вторых, это академическая свобода, а именно «принципы свободы и преподавания и свободы исследований», которые должны являться основополагающими для современных исследовательских университетов. В-третьих, автономия университета предполагает возможность для студента формировать свою собственную траекторию обучения. При этом авторы статьи отмечают, что в условиях государственного финансирования зависимость от одного источника, а именно от государственных субсидий, снижает самостоятельность вузов⁵.

В рамках данной работы предпринята попытка на основе анализа исследований, отчетов и других публичных документов о деятельности

² Kimball B. A., Johnson B. A. The Inception of the Meaning and Significance of Endowment in American Higher Education // Teachers College Record. 2012. 114(10). Pp. 1-32.

³ Tsikliras A., Robinson D., Stergiou K. Which came first: the money or the rank? // Ethics in Science and Environmental Politics. 2014. 13(2). Pp. 203-213.

⁴ Meyer H., Zhou K. Autonomy or oligarchy? The changing effects of university endowments in winner-take-all markets // Higher Education. 2017. 73(6). Pp. 833-851.

⁵ Волков А., Мельник Д. Автономность и публичность университета [Электронный ресурс] // Вестник. 01.02.2017. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/02/01/675685-avtonomnost-universiteta> (дата обращения: 13.07.2017).

ведущих эндаумент-фондов университетов России провести оценку роли фондов в развитии автономии вузов страны. Для достижения этой цели были сформулированы следующие гипотезы:

- эндаумент-фонды в условиях усиления роли и влияния государства на университеты и ограничения их автономии будут демонстрировать медленный и убывающий рост и концентрироваться в ограниченном числе элитных университетов страны;
- существующая ограниченная практика взаимодействия российских университетов с сообществами, бизнесом и стейхолдерами, низкий уровень реализации третьей миссии вузов формирует крайне узкий пул доноров;
- эндаумент-фонды российских университетов обеспечивают преимущественно цели и интересы доноров и наиболее влиятельных стейхолдеров, а не собственные стратегии развития и автономии.

Для проверки гипотез были собраны и проанализированы материалы о деятельности 27 университетских эндаумент-фондов, сделаны сравнительные расчеты по ряду показателей и индикаторов деятельности, проведена экспертная оценка полученных данных. По итогам проведенного анализа мы сформулировали ряд предложений по направлениям дальнейших исследований в этой сфере. На рисунке 1 представлена динамика развития 10 ведущих фондов.

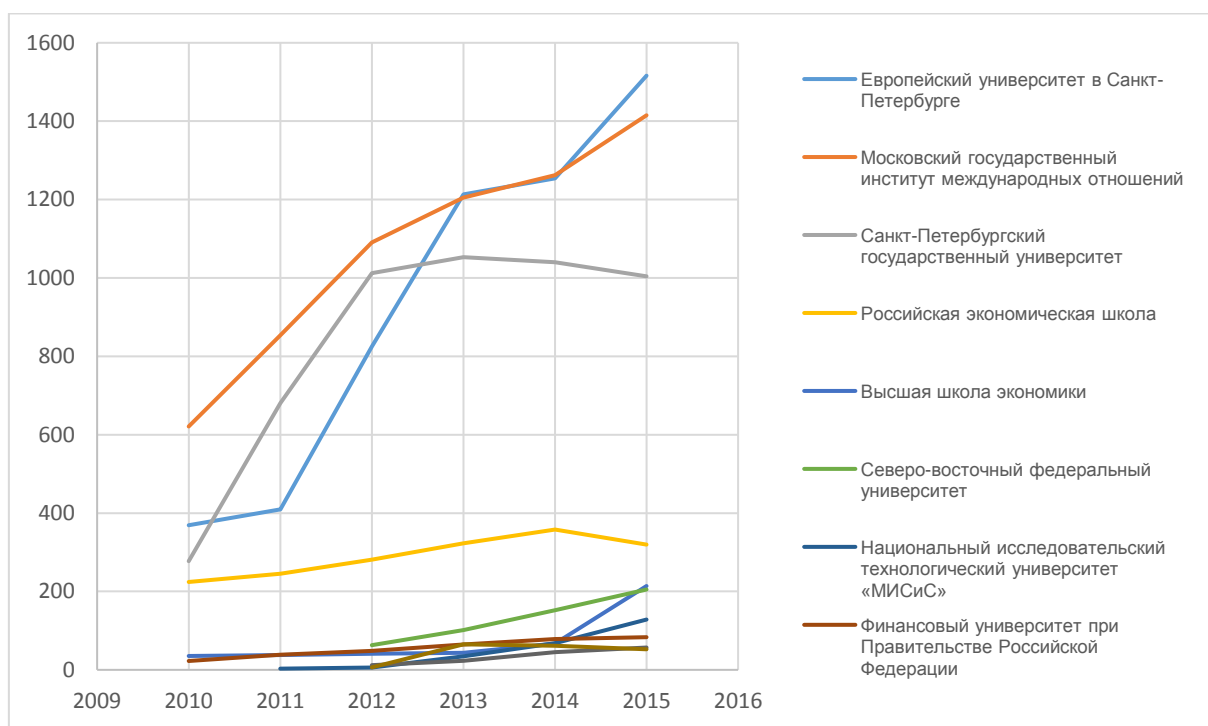

Рис.1. Динамика развития 10 крупнейших эндаумент-фондов вузов в России, млн. руб.

С целью выявления региональных аспектов развития эндаумент-фондов была проведена группировка размещения фондов в федеральных округах России по их количеству и объему привлеченных средств (рис. 2 и 3).

Анализ полученных данных в целом подтверждает выдвинутую гипотезу об ограниченных возможностях развития эндаумент-фондов в условиях

усиления государственного регулирования и контроля деятельности университетов. Только два фонда демонстрируют устойчивый рост. При этом наиболее динамично развивается фонд частного университета, анализ стратегии которого показывает наибольшую ориентацию на поддержку автономии вуза.

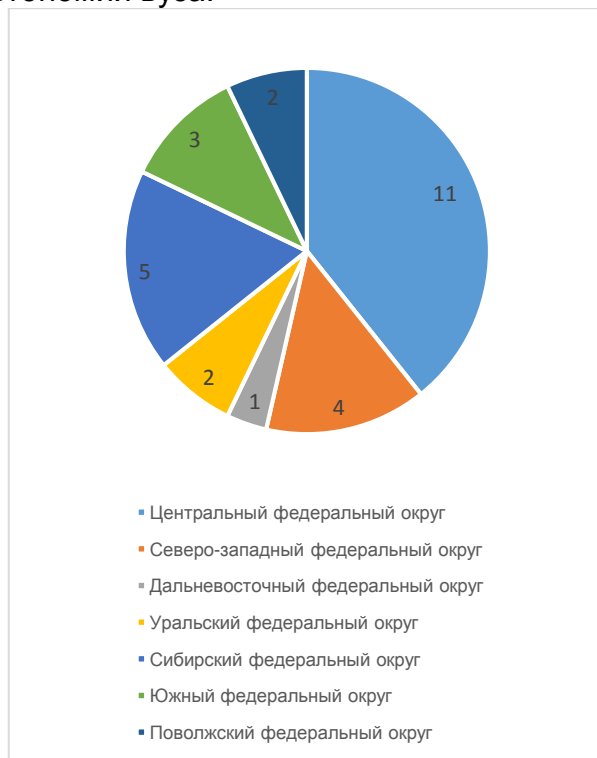

Рис.2. Количество фондов в разбивке по федеральным округам

Рис.3. Общий объем фондов в разбивке по федеральным округам, млн. руб.

Сравнение динамики развития фондов в России показывает неоднородность темпов по годам. Это объясняется не только ситуацией в экономике, но и вниманием государственной власти к этой теме. Снижение интереса органов управления страной к эндаумент-фондам привело к резкому падению динамики их развития в 2013-2014 году. Более высокие показатели динамики развития фондов российских университетов объясняются их низким стартовым уровнем.

Данные территориального регулирования фондов также подтверждают их зависимость от административного и финансового ресурса территорий: более богатые фонды размещаются в двух столицах страны: городах Москва и Санкт-Петербург.

Для проверки второй гипотезы проведен анализ структуры доноров российских эндаумент-фондов, а также сравнение их со структурой доноров фондов американских университетов (рис. 4).

Ограничениями в анализе данной гипотезы было то, что многие российские эндаумент-фонды не раскрывают структуру спонсоров. В этой связи, рассмотрены кейсы нескольких ведущих эндаумент-фондов, предоставляющих такую информацию (таблица 1).

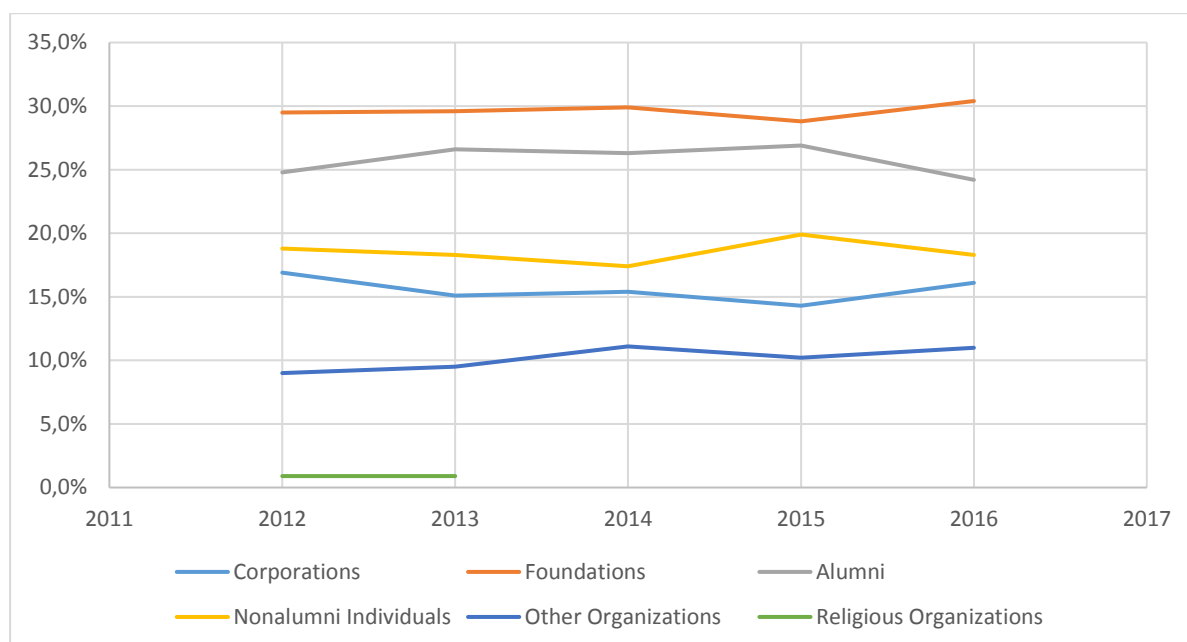

Рис.4. Динамика пожертвований вузам в США по категориям доноров

Таблица 1

Категории доноров российских университетов

Категории доноров	ВУЗы, %		
	МГИМО	СПбГУ	СВФУ
Физические лица – выпускники	47,2	45,2	-
Физические лица, не являющиеся выпускниками	6,8	9,5	-
Коммерческие организации	43,2	42,3	93,7
Фонды	2,3	2,4	6,3
Религиозные организации	-	-	-
Некоммерческие организации	-	-	-

Собранные статистические данные подтверждают гипотезу о слабых связях российских университетов со своими ключевыми стейкхолдерами. Основными донорами являются крупные предприятия и госкорпорации, подверженные давлению со стороны государства. Независимые доноры – невыпускники, фонды, некоммерческие организации – практически не участвуют в формировании эндаумент-фондов университетов.

Для оценки последней гипотезы, проведен анализ политик и структуры расходов фондов, а также сравнение их с индикаторами оценки уровня университетской автономии, разработанный в рамках проекта оценки автономии европейских университетов¹.

¹ Estermann T., Nokkala T., Steinel M. University Autonomy in Europe II. The Scorecard (Rep.). 2011. URL: http://www.eua.be/Libraries/publications/University_Autonomy_in_Europe_II_-_The_Scorecard.pdf?sfvrsn=2 (дата обращения: 13.07.2017).

Из проанализированных документов отчетливая фокусировка политик вузов расходования средств эндаументов на поддержку автономии отмечена только в одном негосударственном университете. Остальные вузы либо не заявляют своих политик в этой области, либо приводят самые широкие перечни направлений расходования (таблица 3).

Таблица 3

Направления расходования средств эндаумент-фондов

Статьи расходов	СПБГУ	СВФУ	МиСИС
Административные расходы	3,7%	6,0%	0,0%
Продвижение вуза	-	-	0,9%
Финансирование научных мероприятий	-	9,8%	-
Развитие инфраструктуры вуза	-	30,0%	5,5%
Обеспечение условий обучения и исследований	-	14,7%	-
Финансирование социокультурных мероприятий	-	-	0,8%
Поддержка студенческих проектов и инициатив	0,3%	0,7%	0,7%
Стипендии студентам и социальная поддержка сотрудников	68,5%	8,1%	1,8%
Развитие образовательных программ	17,4%	-	-
Академическая мобильность сотрудников и обучающихся	10,0%	35,6%	-

Проведенный анализ в целом подтверждает ограниченность вложений вузов из средств фондов в развитие своей автономии и преобладание стремления решать за счет этих ресурсов самый широкий спектр проблем вуза.

Исследование доказывает начальный зачаточный характер формирования эндаумент-фондов российских университетов как одного из механизмов развития их автономии. В рамках проведенного исследования был проверен ряд гипотез, в целом, получивших подтверждение. Вместе с тем, нельзя не отметить, что по ряду причин, прежде всего, низкого уровня публичности деятельности эндаумент-фондов и недостаточного раскрытия информации о них, ряд выводов носит предположительный характер и нуждается в дополнительном анализе.

НОВЫЕ ИНСТИТУТЫ ТРАНСАКЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСПЛАНТАЦИИ

*Марущак И.В., к.э.н.
ВолГУ, Волгоград*

На современном этапе экономики России ее системными чертами являются сырьевая ориентация (энергоносители составляют около 70% отечественного экспорта) и гипертрофированное участие низкоэффективного государства. В ситуации падения цен на нефть (только в 2014 г. она снизилась почти вдвое, с более чем 100 долл. за баррель до примерно 55 долл.) и введения

режима международных санкций после присоединения Крыма в 2014 г. эти жесткие структурные и институциональные ограничения проявились в широкомасштабной рецессии. Трансакционный сектор, как и в целом сфера услуг, которая еще в 2013-2014 гг. с полным основанием рассматривалась экспертами в качестве одного из главных драйверов развития экономики, в настоящее время находится в рецессии. Хотя отечественные ученые неоднократно акцентировали внимание научной общественности на необходимости институционального анализа и развития трансакционного сектора¹.

Фактором, усиливающим негативную динамику трансакционных индустрий, является полное отсутствие государственной поддержки. Тогда как АПК и промышленность постоянно находятся в фокусе экономической политики, трансакционный сектор (как и сфера услуг в целом) не только не получает дополнительных бюджетных ресурсов и стимулирующих мер, но и «не имеет практически никакой выгоды от колебаний валютного курса и импортных ограничений, не может работать “на склад” и жестко зависит от состояния потребительского спроса, который продолжает падать».

Однако мировой опыт демонстрирует, что ведущие развивающиеся страны, прежде всего Китай и Индия, проводят глубокие реформы сферы услуг и, в том числе трансакционного сектора. Китайские власти задумались о потенциале сферы услуг, особенно трансакционных, лишь в условиях замедления темпов экономического роста и исчерпания промышленностью, базирующейся на трудоемких технологиях, роли главного драйвера развития. На XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в конце 2012 г. было принято решение о признании сервисного сектора более приоритетным направлением государственной поддержки, чем промышленность. Это связано с созданием сервисными индустриями большего количества рабочих мест, чем промышленностью, при гораздо меньшей экологической «нагрузке». В частности, подверглись изменению налоговые и регулятивные инструменты, ранее обеспечивавшие поддержку промышленности. Так, либерализация контроля над процентными ставками по депозитам стимулирует переток капиталов из более капиталоемких промышленных индустрий в менее капиталоемкие сервисные индустрии. Кроме того, были ликвидированы барьеры на пути частных инвестиций в сферу услуг (в частности, в финансовые индустрии), обеспечив доступ частного капитала и конкуренцию на рынках, ранее подконтрольных государственным монополиям. Далее, была проведена приватизация государственных активов в трансакционных и иных сервисных индустриях, не имеющих стратегического значения, в частности, в недвижимости². Важным фактором реформ сферы услуг стала также политическая воля руководства Китая: новые генеральный секретарь

¹ См.: Попов Е.В. Трансакции. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 679 с.; Фролов Д.П. Аксиоматика, гипотетика и будущее теории трансакционных издержек // Журнал экономической теории. 2012. № 2. С. 83-93; Фролов Д.П. **Институты и трансакционные издержки: преодоление квазикузианской парадигмы** // Вопросы регулирования экономики. 2011. Т. 2. № 4. С. 5-23; Фролов Д.П. **Онтологическое расширение теории трансакционных издержек** // Alma mater. Вестник высшей школы. 2012. № 7. С. 57-65; Фрейман Е.Н., Третьякова Е.А. Формирование модели влияния трансакционного сектора на экономику региона // Журнал экономической теории. 2017. № 2. С. 144-156.

² См.: Rutkowski R. Service Sector Reform in China. PIIE Policy Brief № PB 15-2. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2015. 13 p. URL: <https://piie.com/publications/pb/pb15-2.pdf>. P. 1-2.

Центрального комитета КПК Си Цзиньпин и премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян являются убежденными сторонниками рыночной экономики, о чем свидетельствует и предпринятая ими широкомасштабная кампания по борьбе с коррупцией в госсекторе китайской экономики. Но главный урок, который могут извлечь другие развивающиеся страны, и Россия из реформы сферы услуг в Китае состоит в необходимости осознания властями губительной заикленности государственной экономической политики на промышленности. Так, субсидирование промышленных предприятий на протяжении длительного периода привело к дестимулированию частных инвестиций в сервисные индустрии и проекты.

Основные меры по развитию сферы услуг в Китае включают: снятие контроля над процентной ставкой по депозитам коммерческих банков, что привело к росту стоимости кредитов для промышленности; устранение контроля за ценами на энергетическом рынке, что повысило издержки производства в энергоемких промышленных отраслях; введение налога на загрязнение окружающей среды и повышение ставок налогов на использование природных ресурсов, что повысило себестоимость продукции энергоемких и экологически-грязных производств; введение свободного (плавающего) курса юаня, что повысило цены на экспортируемую промышленную продукцию; отнесение инвестиций в сферу услуг к вычетам из налога с продаж³. Кроме того, в течение 2013-2014 гг. были оперативно ликвидированы многие административные барьеры для частных и иностранных инвестиций в сферу услуг, функционировавшие в многолетнем режиме, в том числе в области банковской индустрии, платежной индустрии, внешней торговли, коммуникаций и др. Именно за счет ускоренного роста сферы услуг и транзакционного сектора Китай планирует к 2050 г. достичь уровня США по объему ВВП в расчете на душу населения.

Сфера услуг в Индии является крупнейшим и наиболее быстро растущим сектором экономики с самой высокой производительностью труда. Индия, в отличие от подавляющего большинства развивающихся стран, совершивших переход от аграрной к индустриальной экономике, сразу перешла к сервисной экономике. Это было связано с развитием глобального аутсорсинга в области ИКТ-индустрии, что в связи с наличием относительно дешевой и квалифицированной рабочей силы привело к быстрому развитию в Индии подсектора услуг, связанных с ИКТ⁴, связанных как с высокими компетенциями (разработка программного обеспечения и др.), так и с низким уровнем навыков (индустрия колл-центров). Однако динамика занятости в сервисных индустриях отстает от темпов их роста, создавая специфический эффект роста без роста занятости (jobless growth)⁵, причем более 80% занятых в сфере услуг находится в ее неформальном сегменте. В Индии отсутствует системная политика развития сферы услуг, а многочисленные, слабо скоординированные регуляторы (различные для разных сервисных индустрий, в том числе государственные

³ См. подробнее: Lardy N.R., Borst N. A Blueprint for Rebalancing the Chinese Economy. PIIE Policy Brief № PB 13-2. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2013. 16 p. URL: <https://piie.com/publications/pb/pb13-2.pdf>; Lardy N.R. Markets over Mao: The Rise of Private Business in China. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2014. 154 p.

⁴ См.: Chanda R. Globalization of Services: India's Opportunities and Constraints. New Delhi: Oxford University Press, 2002. 256 p.

⁵ См.: Banga R. Critical Issues in India's Service-led Growth. Indian Council for Research on International Economic Relations (ICRIER) Working Paper Series № 171. New Delhi: ICRIER, 2005. 38 p. URL: <http://icrier.org/pdf/WP171.pdf>. P. 1.

органы, независимые структуры и профессиональные ассоциации) оказывают преимущественно негативное влияние на рост сервисного сектора⁶. Большинство нормативно-правовых актов устарело, регулятивные механизмы сопряжены с высокими транзакционными издержками, существуют значительные административные барьеры на пути привлечения прямых иностранных инвестиций. Индийский экспорт услуг сконцентрирован лишь в нескольких подсекторах⁷. Начатая после вступления Индии в ВТО институциональная реформа сферы услуг проходила с огромными сложностями: сказывался дефицит политической воли; многие заявления и концепции годами оставались не оформленными в виде нормативно-правовых документов; реформа привела к многосторонним конфликтам стейкхолдеров различных сервисных индустрий – государства и частного бизнеса, государства и независимых регуляторов, крупного и малого бизнеса, национального и иностранного бизнеса, индийских профессиональных ассоциаций и иностранных регуляторов⁸.

Главной проблемой сферы услуг в Индии является отсутствие секторно-специфичной государственной политики, аналогичной по своим функциям промышленной или сельскохозяйственной политикам⁹. В основном меры государственной поддержки направлены на промышленность и АПК, тогда как сервисные индустрии предоставлены сами себе. Отсутствует единый регулирующий орган для сферы услуг, более того, отдельные индустрии (например, розничная торговля) вообще не имеют регулятора, тогда как другие имеют несколько регуляторов с конфликтующими интересами. Эксперты отмечают необходимость выработки экономической политики для сферы услуг как системы, сочетающей специфичные элементы, каждому из которых соответствуют особые барьеры, возможности и стратегии развития. Но эти стратегии для различных сервисных индустрий все же должны быть скоординированы в рамках единой национальной стратегии развития сферы услуг¹⁰. Приватизация фирм, либерализация и дерегулирование рынков услуг не означают отказа от регулирования как такового, напротив, требуют нового типа регулирования, основанного на лучших мировых практиках, обеспечивающего прозрачность и конкурентность, открытость и отсутствие дискриминации, учитывающего эволюционирующий характер сферы услуг и ее тесную взаимосвязь с другими секторами. Особое значение имеет управление восприятием реформ разными группами стейкхолдеров, в том числе иностранных, что обычно остается за рамками внимания и порождает негативные ожидания.

⁶ См.: Mukherjee A. The Service Sector in India. ADB Economics Working Paper Series № 352. Mandaluyong City: Asian Development Bank, 2013. 22 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30285/ewp-352.pdf>. P. 2.

⁷ См.: Basu K., Maertens A. The Pattern and Causes of Economic Growth in India // Oxford Review of Economic Policy. 2007. Vol. 23. № 2. P. 143-167.

⁸ См.: Gupta P. Coherent Approach to Trade and Regulation of Services: Lessons from India. UNCTAD, 2016. 8 p. URL: http://unctad.org/meetings/en/Presentation/c1mem4_2016_p203_Country%20paper_India_en.pdf. P. 5-6.

⁹ См.: Banga R. Critical Issues in India's Service-led Growth. Indian Council for Research on International Economic Relations (ICRIER) Working Paper Series № 171. New Delhi: ICRIER, 2005. 38 p. URL: <http://icrier.org/pdf/WP171.pdf>. P. 31.

¹⁰ См.: Mukherjee A. The Service Sector in India. ADB Economics Working Paper Series № 352. Mandaluyong City: Asian Development Bank, 2013. 22 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30285/ewp-352.pdf>. P. 12.

Опыт Китая и Индии применительно к транзакционному сектору можно рассматривать как случаи (кейсы), соответственно, сфокусированной и расфокусированной (стохастичной) транзакционной политики. В Китае власти осознали важность системной политики развития сервисного сектора и, в том числе, сектора транзакционных услуг, и применили комплекс мер и инструментов стимулирования межотраслевого перетока капитала в сервисные индустрии. Напротив, в Индии регулятивная реформа сервисного сектора происходила бессистемно и хаотично, в основном полагаясь на рыночные стимулы, что привело к фрагментированности развития сферы услуг и недостаточности ее влияния на создание новых рабочих мест. Уроки трансплантации подобных институтов могут быть крайне значимы и полезны для России.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИОРИТЕТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ¹

*Морозов В.В., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Разработка и реализация современной стратегии модернизации и устойчивого развития экономики Российской Федерации предполагает качественное совершенствование системы управления инвестиционными отношениями на всех иерархических уровнях, придание им приоритетной инновационной направленности. Определяющая роль в совершенствовании государственной системы управления инвестиционными процессами принадлежит регионам, на уровне которых сегодня решаются многие инвестиционные и инновационные проблемы регионального развития.

Интеграционная модель качественного совершенствования регионального механизма управления инвестиционной деятельностью строится на сочетании эффективной территориальной структуры органов управления инвестиционными отношениями и развитой региональной системы инвестиционных институтов кластерного типа с внедрением прогрессивных, преимущественно неадминистративных форм и методов управления инвестиционными процессами. В основе построения данной модели лежит принцип чёткого разграничения полномочий в области управления инвестиционными процессами между различными иерархическими уровнями, с концентрацией большинства этих функций на уровне регионов - в федеральных округах и субъектах Федерации.

В соответствии с этим подходом, современная региональная система органов управления инвестиционной деятельностью должна строиться по функциональному принципу и вертикальному интегрированному иерархическому типу и основываться на сочетании традиционных государственных федеральных и территориальных органов управления с использованием системы территориальных и коммерческих инвестиционно-

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 15-02-00587.

финансовых институтов, различных функциональных и региональных объединений, других элементов территориальной инвестиционной инфраструктуры. Базовыми элементами современной региональной системы управления инвестиционной деятельностью, с одной стороны, является региональная, вертикально интегрированная иерархическая система органов управления инвестиционной деятельностью территорий. А с другой стороны – разветвлённая региональная сеть инвестиционно-финансовых институтов, объединённых в региональную инвестиционную инфраструктуру кластерного типа.

Все инвестиционные институты и другие хозяйствующие субъекты, образующие инвестиционно-финансовую инфраструктуру региона можно условно подразделить на три основные группы. В первую основную группу объединяются непосредственно территориальные (региональные и муниципальные) инвестиционно-финансовые институты, как наиболее важные для обеспечения инвестиционного развития территорий. Ко второй группе относятся уполномоченные на выполнение определенных государственных функций территориальными органами власти независимые инвестиционные и финансовые институты. Государственные функции, выполнение которых берут на себя эти институты, определяются положениями договора, заключаемого с соответствующими территориальными исполнительными органами власти.

Третью группу образуют независимые коммерческие инвестиционно-финансовые институты и другие хозяйствующие субъекты, самостоятельно определяющие и регулирующие свою хозяйственную деятельность. Причем деятельность этих хозяйствующих субъектов может быть как непосредственно инвестиционного профиля, так и другой направленности, но призванная обеспечивать эффективное функционирование регионального инвестиционного комплекса.

Особую роль и функцию в системе региональных органов управления инвестиционной деятельностью и составе региональной инвестиционно-финансовой инфраструктуры реализуют достаточно немногочисленные сегодня, но активно развивающиеся в отдельных субъектах Федерации и муниципальных образованиях территориальные инвестиционные институты. В их число входят различные виды универсальных и специализированных банков, инвестиционные компании и фондов, кредитные учреждения и союзы, страховые компании, консалтинговые, венчурные и лизинговые фирмы, ипотечные конторы, инвестиционные биржи и т.д. Основным отличием этих институтов от аналогичных коммерческих организаций является непосредственное финансовое и организационное участие в их создании территориальных органов управления. А главным их достоинством является то, что, создаваясь по акционерному принципу и функционируя на основе полной самокупаемости, они обеспечивают возможность территориальным административным органам внеадминистративного управления инвестиционной деятельностью хозяйствующих субъектов разных форм собственности, финансируемой за счет различных источников.

В целях повышения эффективности функционирования регионального инвестиционного комплекса большинство разрозненных производителей, инвесторов и инвестиционно-финансовых институтов, функционирующих в его рамках или имеющих с ним устойчивые интеграционные связи, целесообразно объединить в единую региональную инвестиционную инфраструктуру кластерного типа, построенную на гармоничном сочетании коммерческих и

территориальных структур и институтов. В состав такой региональной инфраструктуры могут входить как региональные, так и функциональные инвестиционные кластеры, нацеленные на решение инвестиционных проблем коммерческого и регионального характера.

Региональный инвестиционный кластер формируется на добровольной основе, путем подписания комплекса соглашений о взаимодействии, с учётом взаимных хозяйственных интересов входящих в их состав хозяйственных структур и инвестиционных интересов региона в целом. В качестве функциональной основы регионального инвестиционного кластера выступают региональные и муниципальные универсальные и специализированные инвестиционные банки, а также территориальные инвестиционные компании. В составе регионального кластера эти территориальные институты призваны не только мобилизовать, перераспределять и эффективно использовать для инвестиционной деятельности в регионе финансовые ресурсы, привлечённые из различных источников, но и осуществлять организационную и координационную деятельность с другими, как входящими в состав регионального кластера, так и действующими вне его рамок инвестиционно-финансовыми институтами.

В крупных территориальных системах региональный инвестиционный кластер может строиться на органическом сочетании инвестиционных кластерных систем горизонтального и вертикального типа, обеспечивающих в своей структуре эффективное функционирование инвестиционно-финансовых институтов различных форм собственности. Функциональная структура регионального инвестиционного кластера может в определённой степени видоизменяться в зависимости от масштабов, экономических задач и особенностей функционирования территориальной системы.

Вертикально-функциональную структуру регионального инвестиционного кластера образует региональная сеть территориальных инвестиционно-финансовых институтов, предприятий и организаций инвестиционно-строительного комплекса и других хозяйственных структур, объединённых на договорной основе единством производственных задач и экономических интересов и призванная обеспечивать активное протекание инвестиционного процесса и эффективное использование мобилизуемых для этой цели инвестиционных ресурсов в рамках данной территориальной системы.

Кластерные инвестиционные системы горизонтального типа, классифицируемые как производственно-технологические, должны строиться преимущественно по технологическому принципу и обеспечивать активное протекание всего инвестиционного цикла процесса воспроизводства основных фондов, начиная от стадии предпроектного обоснования и подготовки бизнес-проекта и заканчивая реализацией готовой строительной продукции. В состав горизонтального производственно-технологического инвестиционного кластера входят предприятия, организации и функциональные структуры, призванные обеспечивать активное протекание процесса проектирования и строительства новых или реконструкции действующих производств и объектов, а также снабжать эти объекты совершенным оборудованием, новой техникой, прогрессивными технологиями, материалами, организационными решениями и т. д. Структуру производственно-технологического инвестиционного кластера формируют предприятия и организации различных форм собственности, но объединяемые согласующимися экономическими интересами, а также определённой технологической общностью и функциональной направленностью в производственном процессе.

Горизонтальная производственно-технологическая структура регионального инвестиционного кластера призвана обеспечивать непосредственно процесс создания или расширенного воспроизводства основных фондов на новой технической и технологической основе, внедрение прогрессивных форм и методов организации производства и труда. Состав входящих в неё предприятий и организаций может быть достаточно разнообразен. Однако её деятельность должна носить ярко выраженный активный характер и обеспечивать ускоренное инновационное обновление производственной базы и рост экономического потенциала региона.

В основе современного регионального механизма управления инвестиционной деятельностью лежит комплексный подход к совершенствованию форм и методов регулирования инвестиционной активности территорий и хозяйствующих субъектов. При этом основные принципы, формы и методы управления, используемые сегодня региональными органами и инвестиционно-финансовыми институтами, должны серьезно измениться. В настоящее время приоритет в региональном управлении инвестиционными процессами отдается законодательным, координационным и регулирующим, преимущественно экономическим методам .

Ведущую роль во внедрении прогрессивных форм и методов управления инвестиционными отношениями играет формирование эффективного федерального и регионального законодательства, регулирующего процесс инвестиционной деятельности. При этом в федеральном законодательстве отражаются наиболее общие принципы, регламентирующие протекание инвестиционной деятельности в масштабах всего Российского государства, на различных иерархических уровнях управления. А региональное инвестиционное законодательство призвано регулировать инвестиционную деятельность территориальных органов управления и субъектов хозяйствования в рамках отдельных территориальных систем, с учетом специфических особенностей их экономического функционирования и развития.

Следует отметить, что инвестиционная деятельность является комплексным и многогранным процессом, тесно взаимосвязанным с другими сферами экономической деятельности. Поэтому его эффективность в значительной степени определяется и регулируется положениями различных законодательных актов хозяйственного, бюджетного, налогового и других видов гражданского права.

Приоритетным направлением совершенствования финансового, бюджетного и налогового законодательства в целом сегодня является придание бюджетным и налоговым отношениям инвестиционной направленности, определение законодательных основ формирования эффективного механизма финансирования и управления инвестиционной деятельностью, внедрения прогрессивных форм и методов государственного стимулирования инвестиционной активности производителей.

Основными в пакете законов, регулирующих инвестиционную деятельность в масштабах субъекта Федерации, являются собственно закон об инвестиционной деятельности, осуществляемой в данном субъекте Федерации, определяющий сущность, базовые принципы и основные направления инвестиционной политики территорий, и ряд законов, регламентирующих отдельные стороны инвестиционной деятельности в рамках территориальной системы. Структура этих законов определяется специфическими особенностями

развития и приоритетами экономической и социальной политики субъекта Федерации.

Другим приоритетным направлением совершенствования форм и методов регионального управления инвестиционной деятельностью является развитие и совершенствование системы комплексного прогнозирования экономических процессов на основе сочетания моделирования экономического развития территорий и комплексного целевого планирования совершенствования отдельных производственных систем. Такая региональная система основывается на разработке и реализации ряда целевых инвестиционных программ территориальной направленности. Использование современных методов экономико-математического моделирования и прогнозирования позволяет вывести процесс формирования комплексных целевых инвестиционных программ развития территорий на качественно новый уровень. Стержневой среди этих целевых программ призвана стать комплексная региональная программа инвестиционных приоритетов инновационного развития территорий.

Третьим перспективным направлением совершенствования форм и методов управления инвестиционной деятельностью является внедрение прогрессивных видов организации процессов инвестирования. Среди них можно назвать такие виды инвестирования как лизинговые операции, ипотечное кредитование жилищного строительства, синдицированное кредитование и т. д. Отечественный и зарубежный опыт показывает, что внедрение новых видов, форм и методов ведения инвестиционных операций, при соответствующей их подготовке, обеспечивает прекрасные результаты в рамках любой экономической системы.

Ещё одной приоритетной экономической формой управления инвестиционной деятельностью в перспективе может стать развитие регионального рынка ценных бумаг. При этом под региональным рынком ценных бумаг искусственно выделяемый сегмент российского фондового рынка, который реализует определённые региональные интересы с помощью своих специфических инструментов – региональных, муниципальных и корпоративных ценных бумаг.

В ближайшей перспективе в российской экономике целесообразно обеспечить активное развитие и совершенствование регионального рынка ценных бумаг за счёт привлечения инвестиционных ресурсов на внутреннем и внешнем финансовых рынках, как посредством субфедеральных, так и корпоративных займов. Однако, в целях достижения значительного роста эффективности использования привлекаемых ресурсов, во-первых, эти заимствования должны осуществляться преимущественно на долгосрочной и среднесрочной основе и направляться, в первую очередь, для инвестирования технологического и инновационного развития производства.

Во-вторых, предпочтение должно оказываться привлечению внутренних ресурсов, в том числе и средств населения, на взаимовыгодной основе. В-третьих, масштабы этого привлечения должны законодательно регламентироваться и контролироваться государством. В-четвёртых, использование этих мобилизуемых регионами и хозяйствующими субъектами финансовых ресурсов должно иметь приоритетный инвестиционный характер. На инвестиции в развитие основного капитала должно направляться не менее 50% привлекаемых территориальной системой заёмных финансовых средств. В-пятых, инвестиционное использование привлекаемых регионами ресурсов

должно осуществляться преимущественно в рамках специальной региональной целевой программы.

Реализация заложенных в предлагаемой интеграционной модели методологических подходов и принципов обеспечит не только прогрессивную основу качественного совершенствования механизма управления инвестиционной деятельностью в региональных экономических системах, но и создаст предпосылки для развития и совершенствования инвестиционных отношений в целом.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ МЕЖДУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМИ СЕКТОРАМИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

*Наумов И.В., к.э.н.
Екатеринбург, УрГЭУ*

В современных условиях развития экономики возрастает роль анализа и прогнозирования социально-экономических процессов в региональных территориальных системах для выявления приоритетных направлений будущего развития, формирования и реализации стратегических проектов и программ. Особенно актуальным становится исследование процессов финансового развития институциональных секторов на территории, а именно сектора финансовых корпораций, к которому относятся банки и другие кредитные учреждения, страховые организации, инвестиционные и управляющие финансовые компании, предприятий сектора нефинансовых корпораций, сектора государственного управления, домашних хозяйств и иностранных учреждений. Исследование основных тенденций их финансового развития необходимо для выявления возможных угроз развития кризисных явлений, а также для своевременного регулирования и устранения финансовых диспропорций в их развитии. Ведь как показала практика зарождения и развития финансово-экономических кризисов последних десятилетий, кризисные явления в экономике, как правило, начинаются именно в финансовой сфере. Поэтому, исследование основных тенденций и закономерностей движения финансовых потоков между финансовыми учреждениями и другими институциональными секторами, выявление и прогнозирование негативных тенденций, изменений установившихся закономерностей в данной области является приоритетной задачей при формировании экономической политики и стратегии развития территории.

Предложенный нами в работе² теоретико-методологический подход к формированию балансовой модели, опирающийся на базовые принципы методологии Системы национальных счетов при распределении финансовых потоков между институциональными секторами, позволяет не только исследовать закономерности движения финансовых потоков между ними, но и смоделировать прогнозные сценарии их перераспределения при изменении

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № №16-36-00113 «Сценарный подход к моделированию матрицы финансовых потоков в региональной территориальной системе»

² Наумов И.В. Теоретико-методологические основы сценарного подхода к моделированию матрицы финансовых потоков в региональной территориальной системе // Журнал «Управленец». 2017. №3 (67). С. 8-17

внутренних и внешних факторов экономического развития региональной территориальной системы. Формирование матрицы финансовых потоков региональной территориальной системы предлагается с использованием подхода «снизу», на основе систематизации и обработки первичной информации бухгалтерского учета кредитных учреждений по данным оборотной ведомости по форме №101 и страховых организаций по формам №1, 4, отражающим все процессы движения финансовых потоков по различным финансовым инструментам (депозитам, кредитам, акциям, долговым ценным бумагам, операциям с наличной валютой и т.д.). В основе используемого подхода к формированию региональной матрицы движения финансовых потоков лежит базовый принцип построения СНС – принцип двойной записи, который предполагает отток финансовых ресурсов от одного институционального сектора и соответственный приток по другому³. То есть, изменения, происходящие по финансовым активам одного институционального сектора, приводят к пропорциональному изменению обязательств других секторов в рамках инструмента, по которому происходит движение финансовых потоков. Отток финансовых активов по сектору характеризуется отрицательными значениями и означает сокращение имеющихся у данного сектора финансовых активов по тем или иным инструментам инвестирования, а с другой стороны – рост (положительное значение) финансовых активов по другим институциональным секторам. В результате такого представления матрицы формируется подробная картина направлений и источников движения финансовых потоков между институциональными секторами.

Представленный теоретико-методологический подход был использован нами для исследования сформировавшихся устойчивых закономерностей движения финансовых потоков между институциональными секторами в Свердловской области. Сформированная матрица позволила выявить три основных этапа финансового развития институциональных секторов в регионе:

- этап стабилизации процессов финансового развития секторов (2010-2011 гг.);
- этап смены установившихся закономерностей в процессах движения финансовых потоков, зарождение и развитие кризисных явлений в экономике (2012-2014 гг.);
- этап финансового «оздоровления» институциональных секторов (2015 г.).

Сформированная матрица финансовых потоков показала, что в 2010 и 2011 гг. наблюдались тенденции стабилизации финансово-экономического положения в регионе после кризиса 2008-2009 года (табл. 1). Сектором финансовых корпораций было привлечено 22,2 млрд руб. на депозиты в 2010 году и 20,5 млрд руб. в 2011 году. Наблюдались незначительные процессы оттока наличных денежных средств от сектора финансовых корпораций, государственные предприятия и предприятия сектора нефинансовых корпораций активно кредитовались как финансовыми учреждениями региона, так и иностранными банками, дебиторская задолженность сектора финансовых корпораций сокращалась. Однако начиная с 2012 года сформировались перемены в движении финансовых потоков между институциональными секторами: проявились негативные тенденции, способствовавшие развитию кризисных явлений в экономике. Так, начиная с 2012 года объем привлеченных средств на счета в банках, страховых организациях и инвестиционных,

³ Наумов И.В. Теоретико-методологический подход к формированию матрицы финансовых потоков региональной территориальной системы // Журнал экономической теории. 2016. №3. С. 171-188

управляющих финансовых компаний сократился почти в два раза и составил 11,4 млрд руб. При этом если в 2010 и 2011 гг. средства на депозиты привлекал в основном сектор нефинансовых корпораций, то есть предприятий производственной и не производственной сфер, то в 2012 году средства на депозитах финансовых корпораций размещали в основном домашние хозяйства. Объем привлекаемых средств нефинансовых корпораций сократился в 7 раз. Такое резкое сокращение размещаемых средств на депозитах нефинансовых корпораций было, по нашему мнению, сигналом начала ухудшения экономического положения в регионе и зарождения кризисных явлений в экономике. Предприятия производственной и не производственной сфер начали активно возвращать средства для стабилизации своего экономического положения, решения проблем, связанных с ростом цен на сырье и материалы, падением спроса на продукцию и т.д. Сигналом ухудшения экономического развития институциональных секторов в регионе являлись и наблюдаемые в 2012 году процессы движения наличных денежных средств. Отток наличных денежных средств из финансового сектора превысил отмеченное в 2010 году значение почти в два раза, а в 2013 году – почти в три раза. Движение финансовых потоков между институциональными секторами по операциям с кредитованием также свидетельствовало о зарождении кризисных явлений в экономике. Начиная с 2012 года сектор финансовых корпораций перестал кредитовать реальный сектор экономики и нефинансовых корпораций, а в 2013 году и сектор домашних хозяйств, резко снизились объемы кредитования государственных предприятий.

Таблица 1

Матрица финансовых потоков между институциональными секторами в Свердловской области за период 2010-2015 гг., млн. руб.

Год	Финансовые корпорации					Гос. управление	Нефинансовые корпорации	Домашние хозяйства	Остальной мир
	ЦБ РФ	Кредитные учреждения	Страховые организации	Другие финансовые организации	ВСЕГО				
Операции по размещению средств на депозитах									
2010	14974	387	432	6454	22247	-256	-16026	-5670	-295
2011	5688	10920	217	3710	20535	935	-15658	-8705	2893
2012	6688	3288	-288	1766	11453	465	-2218	-8731	-970
2013	8752	9109	-637	-4677	12547	-130	-6403	488	-6502
2014	-290	19674	-1190	-3005	15190	378	-8507	-12086	5026
2015	-13331	9879	-966	21996	17578	866	-12060	-5475	-909
Операции по переводу наличных денежных средств									
2010	38	-1493	-468	-1748	-3671	-55	-690	5080	-664
2011	-99	-1902	-570	-1545	-4116	628	-730	4821	-603
2012	100	-4598	121	-1755	-6133	255	-470	7137	-790
2013	-965	-4031	-2125	-1722	-8842	544	-720	9624	-607
2014	5	-3325	-201	-14760	-18281	39754	-11696	86	-9863
2015	-20	-195	687	-3955	-3482	10698	-4301	851	-3766
Операции по кредитованию									
2010	-700	379	-8534	3880	-4974	2357	2422	1733	-1537
2011	-72	-2373	-4787	931	-6300	977	1624	3395	305
2012	1343	2709	-8384	-1086	-5419	1707	-2995	3608	3099
2013	282	1200	-5676	719	-3475	862	-3341	-130	6084
2014	-2238	6575	-2029	3422	5730	141	-392	-6534	1055
2015	67	3372	49125	-9395	43169	-12624	-16300	-10006	-4240
Операции по приобретению и продаже акций									
2010	60	11542	1120	-3723	8998	-4117	-4281	-407	-193
2011	-10	10309	823	-3563	7558	-2791	-3146	-1507	-113

2012	-36	16353	2225	-6143	12399	-5413	-5993	-219	-775
2013	-6	8985	1901	-2750	8130	-4791	-4608	-2528	3797
2014	-45	21687	3340	-10184	14799	-10219	-9817	3907	1330
2015	-37	21204	7634	-8133	20668	-8475	-9513	-500	-2179
Операции с долговыми ценными бумагами									
2010	-561	-325	8981	-4234	3861	-3597	212	0	-477
2011	1054	-9248	4634	-1841	-5402	47	4457	0	898
2012	1085	-2085	7687	-1230	5456	-3552	-3202	0	1298
2013	-956	-114	7388	-3611	2708	-625	-2689	0	606
2014	-1001	-11173	885	2665	-8624	-3565	305	127	11756
2015	2225	-7165	-53081	20716	-37304	16950	17563	-88	2878
Дебиторская задолженность									
2010	0	-90	-1181	324	-948	203	253	392	99
2011	0	61	153	-64	151	6	-141	-29	14
2012	0	683	-1085	242	-160	205	-121	-61	138
2013	0	1928	-1245	284	967	123	-403	-825	138
2014	0	5372	-1395	231	4208	285	-399	-4295	201
2015	0	1817	-2458	578	-63	436	-4	-683	313

Сигналом ухудшения экономического положения в регионе можно и считать проявившуюся в 2012 году негативную тенденцию инвестирования секторами нефинансовых корпораций и государственного управления средств в долговые ценные бумаги иностранных эмитентов. Согласно данным сформированной матрицы финансовых потоков данными учреждениями были приобретены ценные бумаги в размере 1,3 млрд руб., при этом в их структуре преобладали долгосрочные ценные бумаги, без срока погашения (до востребования). Данные средства могли быть направлены на модернизацию производства, повышение его эффективности, улучшение качества выпускаемой продукции, а государственные предприятия могли реализовать важные проекты социально-экономического развития региона, вместо этого были приобретены долговые ценные бумаги с высоким финансовым риском. Сформированная матрица финансовых потоков позволила выявить также и усилившийся начиная с 2012 года рост дебиторской задолженности институциональных секторов перед кредитными учреждениями и сектором финансовых корпораций в целом (табл. 1). В результате в 2012 году сформировалась проблема задолженности кредитных учреждений по оплате труда работников в размере 3,4 млрд руб. и платежам по налогам и сборам перед сектором государственного управления в размере 1,1 млрд руб. Таким образом, сформированная матрица финансовых потоков позволила выявить зародившиеся еще в 2012 году негативные тенденции, впоследствии оказавшие серьезное влияние на развитие финансово-экономического кризиса на территории региона. Финансовое положение банковского сектора и других финансовых учреждений в регионе ухудшилось в 2014 году и для их восстановления Центральным банком РФ были направлены средства в размере 7,6 млрд руб. (табл. 1). Однако значительная часть данных финансовых ресурсов, 7,3 млрд руб., была размещена на длительный срок на депозитах иностранных банков, до востребования. Тенденция оттока капитала зарубеж проявилась по всей стране именно в этот период и банковский сектор сыграл в этом процессе значительную роль.

В 2014 году усилилась зависимость сектора финансовых корпораций, а в частности, инвестиционных финансовых компаний, от иностранной валюты, которая была подвержена сильным колебаниям волатильности. Приобретенная сектором финансовых корпораций иностранная валюта на сумму 18,3 млрд руб. и сектором нефинансовых корпораций – 11,7 млрд руб., сформировали серьезные риски их дальнейшего финансового развития. В этот период обострилась и ситуация с кредитованием институциональных секторов в

регионе, банковский сектор практически перестал выдавать новые кредиты и был вынужден брать кредиты у Центрального банка РФ в размере 2,2 млрд руб. При этом привлеченные средства использовались для кредитования иностранных учреждений (1,1 млрд руб.). Сформированная матрица движения финансовых потоков в Свердловской области позволила выявить угрозы потери финансовой устойчивости сектором финансовых корпораций в 2014 году из-за серьезного оттока капитала зарубеж в виде депозитов (5 млрд руб.), кредитов (1,1 млрд руб.), акций (1,3 млрд руб.) и долговых ценных бумаг (11,8 млрд руб.). В результате отток капитала из сектора финансовых корпораций зарубеж превысил 19,2 млрд руб., что составило 9,1% всей доходной части бюджета Свердловской области в 2014 году. О серьезном кризисе сектора финансовых корпораций свидетельствовал и резко возросший уровень дебиторской задолженности институциональных секторов перед кредитными учреждениями региона (табл. 1). Если в 2013 году размер дебиторской задолженности составлял 967 млн. руб., то в 2014 году он вырос до 4,2 млрд руб. В результате такого распределения финансовых потоков между институциональными секторами в регионе в уязвимом финансовом положении в 2014 году оказались инвестиционные финансовые компании и сектор финансовых корпораций в целом, сектор нефинансовых корпораций и домашних хозяйств, сальдо между расходами и доходами по всем финансовым операциям которых приобрело отрицательные значения (табл. 2). Так, убыток инвестиционных компаний составил 7,2 млрд руб., сектора финансовых корпораций в целом – 10,6 млрд руб., нефинансовых корпораций – 1,4 млрд руб. и домашних хозяйств – 18,9 млрд руб. Убыток от финансовых операций по данным секторам достиг максимальных значений за весь рассматриваемый период времени.

Привлеченные банками в 2014 году депозиты в размере 19,7 млрд руб., доходы от продажи акций в размере 21,7 млрд руб. и полученные кредиты в размере 6,6 млрд руб. (табл. 1) *сформировали достаточный потенциал для восстановления институциональных секторов.*

Таблица 2

Сальдированная матрица
финансовых потоков в Свердловской области, млрд руб.

Год	Финансовые корпорации				Гос. управление	Нефинансовые корпорации	Домашние хозяйства	Остальной мир
	ЦБ РФ	Кредитные учреждения	Инвестиционные финансовые компании	ВСЕГО				
2010	13825	623	5474	19923	-1632	-15934	742	-3099
2011	6570	-133	463	6900	2865	-12307	-893	3435
2012	9184	-176	1091	10099	-1325	-10246	-540	2011
2013	7122	-52	-4611	2458	1045	-15106	8114	3489
2014	-3500	156	-7248	-10592	39424	-19352	-18902	9423
2015	-11083	1088	28639	18644	17476	-15370	-13298	-7452

Привлеченные на депозиты средства были направлены в 2015 году банковским сектором в инвестиционные фонды и управляющие финансовые компании для приобретения долговых ценных бумаг государственных предприятий и предприятий сектора нефинансовых корпораций. Это тенденция, по нашему мнению, являлась индикатором постепенного восстановления экономического положения не только сектора финансовых корпораций, но и производственных предприятий, организаций в сфере обслуживания, которые в результате привлекли значительные финансовые ресурсы для своего дальнейшего развития. Значительную роль в восстановлении финансово-экономического положения сектора финансовых корпораций в 2015 году сыграл

и Центральный банк РФ, который привлек на депозиты банков региона 13,3 млрд руб. (табл. 1). Предположение о начале стабилизации финансового развития институциональных секторов подтвердили и выявленные в 2015 году процессы движения финансовых потоков по операциям с наличными денежными средствами. Финансовые учреждения региона стали меньше вкладывать свои финансовые ресурсы в иностранную валюту, которая отличалась в этот период сильной волатильностью и непредсказуемостью. Если в 2014 году сектором финансовых корпораций была приобретена иностранная валюта в размере 18,3 млрд руб., то в 2015 году – всего 3,5 млрд руб. В результате продажи иностранной валюты доходы получил сектор государственного управления в размере 10,7 млрд руб., домашних хозяйств – 851 млн. руб. и страховых организаций – 687 млн. руб. Произошли изменения и в процессах кредитования институциональных секторов финансовыми корпорациями. Начиная с 2015 года прекратилось кредитование иностранных организаций, наблюдалось обратное движение финансовых потоков как и в 2010 году. В 2015 году размер кредитования сектора страховых организаций достиг максимального за весь исследуемый период значения – 49,1 млрд руб. Данные средства были использованы для приобретения долговых ценных бумаг государственных предприятий и предприятий нефинансового сектора, что способствовало активизации процессов финансового оздоровления данных институциональных секторов экономики. На протяжении всего периода развития кризисных явлений в экономике региона 2012-2014 гг., сектором финансовых корпораций осуществлялись инвестиции в долговые ценные бумаги иностранных организаций и только в периоды финансовой стабилизации (2010-2011 гг. и 2015 г.) активно инвестировались средства в долговые ценные бумаги государственных предприятий и предприятий нефинансовых корпораций. Это позволяет сделать предположение о возможном наступлении этапа стабилизации процессов финансового развития институциональных секторов в регионе, который наблюдался в 2010-2011 гг.

НОВЫЕ ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ И ОБУСТРОЙСТВА ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА¹

*Пахомова Е.О.
Гоосен Е.В., к.э.н.
Никитенко С.М. д.э.н.
ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово*

Одним из ключевых аспектов регионального развития является переход от реализации «трендовых» стратегий развития к поддержке профильных региональных институтов развития, особенно если речь идет о ресурсных регионах. Опыт внедрения кластерного подхода, модели отказа от сырьевой зависимости, создания сети институтов развития показывает, что он не всегда был успешен, но в отдельно взятой отрасли или на отдельной территории эти подходы «ввинчены» в модель роста экономики региона и успешно сбалансированы с другими инструментами. Для регионов ресурсного типа

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект №16-18-10182)

определяющим направлением поиска институтов развития выступает промышленная политика и ее приоритеты. На сегодняшний день поддержка субъектов промышленной деятельности может стать инструментом развития и обустройства территории. Новыми перспективами обладают специальный инвестиционный контракт и фонд технологического развития промышленности.

Специальный инвестиционный контракт (СПИК) появился в рамках закона «О промышленной политике в Российской Федерации» в июле прошлого года. По специальному инвестиционному контракту одна сторона - инвестор обязуется создать либо модернизировать и (или) освоить производство промышленной продукции на территории Российской Федерации, на континентальном шельфе Российской Федерации, в исключительной экономической зоне Российской Федерации, а другая сторона - Российская Федерация или субъект Российской Федерации в течение такого срока обязуется осуществлять меры стимулирования деятельности в сфере промышленности. Основными мерами выступают налоговые льготы.

Принцип налоговых льгот для крупных инвесторов доказал свою эффективность в международной практике применения. Так, в Норвегии, для отстающих регионов в случае если крупный инвестор инвестирует свыше 12 миллионов евро, то он освобождается от уплаты 90% налога (программа действовала до 2006 г). Согласно HIPA (Hungarian Investment Promotion Agency (Венгерское национальное агентство инвестиций)), ставка налога составляет 10% от положительной налоговой базы до пятисот миллионов форинтов и 19% для части выше ста миллионов форинтов (1,6 млн. евро), кроме этого правительство запустило программу «Промышленность 4.0», в котором расширены льготы для компаний, инвестирующих в обучение сотрудников и НИОКР]. В Сербии по данным Агентства по привлечению инвестиций и продвижению экспорта (SIEPA) для крупных инвесторов (минимальная сумма инвестирования 200 млн. евро) предусмотрен 10-летний период налоговых каникул, для слаборазвитых регионов 5-летний период, предоставление налогового кредита по налогу на прибыль юридических лиц на сумму до 80% от общего объема инвестирования в основной капитал, а также 5-летний период налоговых каникул по концессионному соглашению].

При этом, как в Сербии, так и в Норвегии, в отличие от российского СПИК, стоит выделить локализацию проектов в слаборазвитых регионах. В Российской практике, наоборот, при локализации производства отдается предпочтение развитым регионам, где присутствует крупный инвестор.

СПИК в России как институт развития включает в себя соглашение между частным инвестором и органом государственной власти, основанное на взаимовыгодном сотрудничестве, функционирующие в сфере промышленности. Правила заключения специальных инвестиционных с участием Российской Федерации установлены Постановлением Правительства РФ от 16 июля 2015 г. №708. Законом № 44-ФЗ предусмотрен ряд требований к указанному контракту:

- возложение на поставщика-инвестора обязанности по созданию, модернизации и (или) освоению производства определенного товара в Российской Федерации;
- срок действия контракта не может превышать 10 лет;
- минимальный объем инвестиций в создание, модернизацию и (или) освоение производства товара должен составлять не менее 750 млн. руб.;
- страной происхождения товара, являющегося предметом контракта, должна являться Российская Федерация.

Внедрение СПИК выгодно не только бизнесу, государство в результате соглашения также получает ряд выгод. Они все в основном связаны с контролируемым процессом проведения активной и пассивной промышленной политики. Подробнее выгоды бизнеса и государства представлены в таблице 1.

Таблица 1

Выгоды для государства и бизнеса от реализации СПИК

Для государства	Для бизнеса
<ul style="list-style-type: none"> — рост производства промышленной продукции, не имеющей аналогов, в России; — развитие отраслей промышленности, имеющих приоритетное значение; — внедрение наилучших доступных технологий; — создание и освоение производства высокотехнологичной продукции; — локализация производства на территории России в необходимом объеме; — создание объектов промышленной инфраструктуры. 	<ul style="list-style-type: none"> — льготы по налогам, сборам и льготы по уплате таможенных платежей; — льготы по уплате арендной платы за пользование государственным и муниципальным имуществом, в том числе земельными участками; — иные льготы и преференции, установленные законодательством; — гарантии от неблагоприятных изменений действующего законодательства

Порядок заключения СПИК регионального уровня определяется самостоятельно каждым субъектом РФ. По состоянию на 1 мая 2017 г. в 68 субъектах РФ из 85 есть отдельный нормативный акт, определяющий правила и порядок заключения СПИК от имени субъекта. Учитывая, что СПИК возник как инструмент в сфере промышленной политики, то первоначально право заключать СПИК сформировано в региональных законах о промышленной политике. Тем не менее, в 12 субъектах РФ (Республика Калмыкия, Алтайский край, Ставропольский край, Чукотский автономный округ, Москва, Амурская область, Калужская область, Кемеровская область, Курганская область, Ленинградская область, Смоленская область, Ульяновская область) закон о промышленной политике не определяет право участия субъекта в СПИК, его регулирует отдельный нормативно-правовой акт. Возникшая несогласованность в региональных нормативно-правовых актах, на наш взгляд, связана с постоянными изменениями на федеральном уровне и стремлением субъектов РФ как можно оперативнее привести их в соответствие.

Условно внедрение инструмента СПИК можно разделить на два направления: первое – это принятие акта, не определяющего дополнительные условия для заключения СПИК, в таких субъектах правила не содержат новых условий для заключения СПИК, они повторяют федеральные требования (15 субъектов РФ). И второе направление связано с формированием требований к инвестору для участия в СПИК. К ним относятся:

- объем инвестиций,
- количество рабочих мест,
- ежегодная выручка.

В правилах и порядке заключения СПИК прописываются требуемый объем инвестиций, который зачастую меньше, чем требования федерального законодательства (750 млн. рублей), тогда как количество мест и выручка не

регламентируется федеральным законодательством. Объем инвестиций в размере ниже 750 млн. рублей представлен в 36 субъектах РФ, самый минимальный в Республике Хакассия 10 млн. рублей (заключение СПИК в муниципальном образовании г. Черногорск), в размере 50 млн. рублей в 5 субъектах РФ (Алтайский край, Севастополь, Брянская область, Ивановская область, Рязанская область). Увеличенный объем инвестиций заложен в Московской области, там размер инвестиций установлен в размере 1 млрд. рублей, самый максимальный объем инвестиций заложен в размере 1 млрд. 500 млн. рублей в Калининградской области в течение 3-х лет. Необходимо отметить, что в Калининградской области к приоритетным инвестиционным проектам относятся инвестиционные проекты, реализуемые резидентами ОЭЗ. Такие условия позволяют привлечь крупных инвесторов, предоставив им выбор программ поддержки и иные механизмы привлечения инвестиций.

В 7 субъектах РФ (Алтайский край, Республика Коми, Удмуртская республика, Республика Чувашия, Пермский край, Оренбургская область, Саратовская область) содержатся требования к количеству создаваемых рабочих мест, минимальное количество рабочих мест – Республика Алтай и Оренбургская область 50 рабочих мест, максимальное количество рабочих мест, сохраняемых до конца проекта, это Пермский край, Орловская область – 250 мест. В Чувашской республике в г. Чебоксары утверждены дифференцированные требования, в зависимости от размера территории, где будет реализован СПИК:

50 единиц (в случае если инвестиционный проект реализуется на территории муниципального района);

100 единиц (в случае если инвестиционный проект реализуется на территории городского округа (за исключением г. Чебоксары));

150 единиц (в случае если инвестиционный проект реализуется на территории г. Чебоксары).

Еще одной особенностью условий для реализации СПИК в г. Чебоксары является условие сохранения до окончания срока действия специального инвестиционного контракта среднемесячной заработной платы с превышением не менее чем на 10 процентов среднемесячной заработной платы работников в целом по экономике Чувашской Республики по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чувашской Республике – Чувашии за отчетный год. Стоит отметить, что в Приволжском федеральном округе Республика Чувашия находится на последнем месте по размеру среднемесячной заработной платы (по данным за февраль 2016 г.). Таким образом, механизм привлечения инвестиций становится инструментом локализации не только производства, но и человеческого капитала.

В Саратовской области инвестору предоставляется выбор: либо вложение инвестиций в инвестиционный проект в размере не менее 400 млн. рублей или 50 млн. рублей и письменного гарантийного обязательства о создании в ходе реализации инвестиционного проекта и сохранении до окончания срока специального инвестиционного контракта не менее чем 100 новых рабочих мест.

Первый СПИК в России был подписан в рамках XX Петербургского международного экономического форума в июне 2016 года (ПМЭФ -2016), одной из сторон этого контракта стала немецкая компания Claas, занимающаяся производством сельхозтехники в Краснодарском крае. В рамках контракта компания взяла на себя обязательства увеличить уровень локализации и мощность завода, расположенного в столице Кубани, вложив не менее 750

миллионов рублей. Государство со своей стороны гарантировало Claas статус российского производителя.

Там же, на ПМЭФ-2016 был заключен СПИК и с первым российским инвестором, главой минерально-химической компании ООО «ЕвроХим-УКК», Пермский край. Помимо Пермского края на форуме меморандумы о заключении трехсторонних СПИК в отношении крупнейших проектов, реализуемых в этих регионах, были заключены между Минпромторгом и руководителями Ленинградской и Волгоградской областей. Суммарный объем инвестиций по ним составил более 287 миллиардов рублей. В рамках этих СПИК планировалось создание 3750 рабочих мест, а ежегодные налоговые поступления в бюджеты разных уровней должны превысить 22 миллиарда рублей. Начало выпуска продукции на новых предприятиях запланировано начиная с 2018 года.

Однако не во всех регионах СПИК как институт развития смог «прижиться». Где-то инвестора только еще ждут и снижают размер инвестиций, а в ряде регионов уже сложилась практика «квази»-СПИК. Так, в 2016г. Министерство промышленности отклонило российско-чешскую заявку компании MTE Kovosvit Mas. ООО "МТЕ Ковосвит Мас" — СП российской "Группы МТЕ" (50%), чешской Kovosvit MAS и других инвесторов, создано в 2013 году на базе завода "Донпрессмаш" в Азове. Выручка ООО "Ковосвит" за 2015 год, по данным компании, выросла на 33%, до 2,52 млрд. руб., чистая прибыль — на 63%, до 64 млн. руб. Объем уже осуществленных инвестиций в завод — 1,6 млрд. руб. Заявка на тот же проект станкостроения немецко-японской DMG Mori, но только в Ульяновской области, была одобрена.

Другой пример, Волгоградская область, где неформальные решения наоборот локализуют инвестора в своем регионе. Компания «ЕвроХим» была включена в специальный инвестиционный контракт для строительства горно-обогатительного комбината в Котельниковском районе региона. СПИК зафиксировал льготы, которые компания уже давно получила в рамках других соглашений.

Тем не менее, потенциал СПИК для инвестора велик: российский продукт, единственный поставщик, налоговые льготы, для власти – это инструмент привлечения инвестиций, локализация инвестора на своей территории с 10-летней гарантией, рабочие места и отсутствие необходимости бюджетных инвестиций, а также создание добавочного продукта в экономике с последующим развитием обслуживающих отраслей.

СПИК как институт развития обладает сравнительными преимуществами и может стать полноценным институтом при соблюдении следующих условий:

- разработка механизма заинтересованности и привлечения в отрасль инвесторов, готовых принять на себя и выполнить обязательства социально-экономического характера;
- разработка механизма детальной идентификации привлекаемых в развитие определенного вида промышленности инвесторов;
- разработка региональных нормативных правовых актов, регулирующих условия заключения СПИК и типовых форм СПИК для каждого отдельного вида промышленности таким образом, чтобы в конечном счете можно было сравнить достигнутые результаты с заявленными целями (возможно, через механизм оценки регулирующего воздействия или оценки фактического воздействия).

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СЕЛЬСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: РОЛЬ ИНФОРМАЦИИ¹

*Полбицын С.Н., д.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург
Герхардт Э., PhD
HS-Coburg Кобург, Германия*

Уровень жизни населения любой территории напрямую зависит от имеющихся возможностей реализовать свой трудовой и творческий потенциал. Предпринимательская деятельность полагается исследователями как активная сила, позволяющая населению раскрыть свой творческий и трудовой потенциал, что в результате приводит к повышению уровня жизни населения территории.

Особую значимость предпринимательство как активная сила роста благосостояния населения приобретает для сельских территорий. Сельское предпринимательство традиционно воспринимается как в научной литературе, так и в политических документах исключительно как сельскохозяйственное предпринимательство. Подобный подход к направленности сельского предпринимательства подразумевает ограниченность его отраслевой направленности. Более того, в рамках отраслевой ограниченности на сельских предпринимателей накладывается ограниченность в выборе целесообразных видов деятельности по производству сельскохозяйственной продукции. Следующим допущением, ограничивающим возможности и потенциал сельского предпринимательства, является допущение о конкурентности рынков сельскохозяйственной продукции, что, по мнению исследователей, не создаёт, а практически уничтожает предпринимательские возможности для сельских предпринимателей.

В действительности существующая производственная цепочка продовольственных рынков оставляет мало места для предпринимательской инициативы. Действия органов государственной власти, направленные на обеспечение доступности продовольствия для населения, и действия крупных перерабатывающих предприятий, направленные на снижение издержек, приводят к тому, что, с одной стороны, городские жители, как потенциальные потребители, получают доступ преимущественно к однообразным видам продовольствия, не в полной мере удовлетворяющих как по качеству, так и по ассортименту, с другой стороны, сельские жители не видят возможности предпринимательской деятельности по удовлетворению разнообразных продовольственных потребностей городского населения.

С целью выявления основных факторов, влияющих на активность сельских предпринимателей был проведен социологический опрос среди руководителей сельских предприятий Свердловской области с целью выявления основных факторов, сдерживающих предпринимательскую деятельность. Простая случайная выборка составляла 20 человек каждый год проведения опроса.

При проведении опроса интервьюируемым были предложены девять вопросов о значимости различных факторов предпринимательской

¹ Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ИЭ УрО РАН № темы 0404-2015-0025 в ИСГЗ ФАНО.

деятельности, разделенных на четыре группы: стоимостные факторы, факторы, связанные со знанием, рыночные факторы и институциональные факторы. Опросник был составлен таким образом, чтобы указанное разделение не было явным.

Респондентам были предложены три варианта ответа на каждый вопрос о значимости указанного фактора: основной фактор (3 балла), значительный фактор (2 балла), малосущественный фактор (1 балл).

На основании проведенных опросов были сделаны несколько выводов, объясняющих проблемы инновационного развития предпринимателей. Результаты опросов представлены графически на рисунке 1.

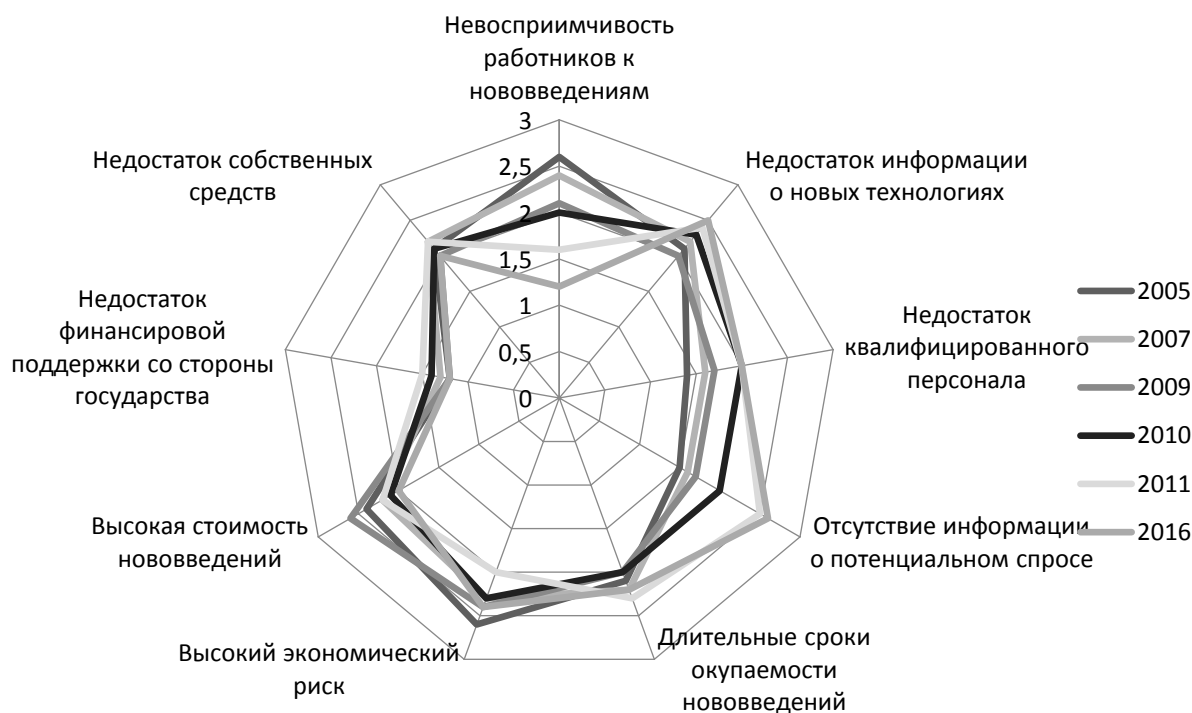

Рис.1. Результаты опросов.

Фактор недостатка информации о новых технологиях практически не изменил своего места значительного фактора. Однако его наполнение претерпело существенные изменения от сентенций «в нашей глуши не найти нужную информацию» до понимания необходимости создания информационной службы на предприятии в ранге собственного подразделения или на принципах аутсорсинга. Актуальность проблемы недостатка информации о новых технологиях определяется руководителями и владельцами предприятий как отсутствие системы формулирования запросов и поиска необходимой информации. Как следствие, ряд опрошенных определили в качестве актуальной проблему отсутствия квалифицированных специалистов в области информации, а не информационных технологий. Когда в качестве альтернативного решения было предложено сотрудничество с научно-исследовательскими организациями, имеющими опыт информационного поиска, большинство респондентов отвергли эту возможность, апеллируя к необходимости сохранения конфиденциальности информации.

Фактор информационного обеспечения, который следует рассматривать как внутренний, пересекается с отсутствием информации о потенциальном спросе. Рост значения этого фактора на протяжении всех лет исследования добавлялся устными комментариями руководителей и владельцев предприятий о неудовлетворенности качеством работы маркетинговых подразделений. До сих пор слабым местом в работе российских маркетологов остается неспособность проведения качественных маркетинговых исследований, позволяющих определить структуру существующего спроса на товар а также тенденции развития спроса в разрезе отдельных социальных групп. Это приводит к невозможности точной фокусировки целевой аудитории, и, следовательно, к увеличению затрат на продвижение товара.

Среди всех форм государственного участия в предпринимательской системе следует особо выделить деятельность государства, направленную на формирование информационной инфраструктуры системы. Имплементация экономического механизма, формирующего распределение информации среди субъектов социально-экономической системы, выполняет роль института определения стимулов поведения экономических субъектов. В контексте рассмотрения вопроса формирования и развития предпринимательской системы следует признать, что информационная инфраструктура, обеспечивающая диффузию информации между участниками системы, является приоритетным экономическим механизмом, формирующим институциональное поле агроинновационной системы.

Для успешной разработки и внедрения новшеств предпринимателями необходимо располагать информацией о научных разработках, об опыте их внедрения. Следует признать, что именно государство должно взять на себя ответственность и обязанность на создание инфраструктуры сбора и передачи информации, создание информационной инфраструктуры, обслуживающей инновационную активность всех элементов предпринимательской системы.

Как нам представляется возможным и необходимым, предлагаемая информационная инфраструктура должна в качестве фундамента иметь систему государственной статистики. Это связано с тем, что органы государственной статистики имеют методологию сбора, обработки и проверки достоверности получаемой информации. Ключевой задачей информационной инфраструктуры должен являться мониторинг социально-экономических процессов, в первую очередь мониторинг потребительского рынка. В настоящее время органы государственной власти и местного самоуправления не отслеживают и не анализируют информацию о состоянии рынка, его сегментации, дифференциации потребительских предпочтений населения.

В рамках информационной инфраструктуры необходимо обеспечить взаимодействие органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, организаций, ведущих государственную, муниципальную и ведомственную статистику, средств массовой информации, хозяйствующих субъектов различных форм собственности и предпринимательских структур, а также населения. Некоторые из вышеперечисленных субъектов выступают в качестве чистых потребителей или поставщиков информации, а другие – одновременно в обоих качествах. Это требование приводит к пониманию, что информационная инфраструктура должна иметь четкую организацию, и, следовательно, единый центр по ее управлению.

Информационная инфраструктура должна в качестве основного источника информации иметь систему мониторинга потребительских рынков. Нам

представляется целесообразным, чтобы ответственным исполнителем за формирование и функционирование системы мониторинга были определены участники образовательного и исследовательского секторов. Это позволит не только качественно обработать первичные данные, но также анализировать и диссеминировать инновационную информацию в рамках предпринимательской системы.

Информационная инфраструктура должна иметь контур обратной связи и вводить различные итерационные «петли» в процесс принятия решений участниками агроинновационной системы: на первой стадии - позволяет уяснить поставленные цели, признать существование проблемы, требующей решения; на второй - играет индикативную роль, обозначая параметры проблемной ситуации; на третьей - реализует «прогнозный» потенциал при поиске и выборе альтернатив; на четвертой - играет интегрирующую и координирующую роль при принятии решения, позволяет сравнивать старую и новую ситуации, желаемые и реальные результаты достижения целей.

Процесс трансформирования информации внутри инфраструктуры предполагает наличие процесса ввода первичных (кадастровые данные, результаты социологических исследований, «включенное» наблюдение), который должен выполняться исследовательскими организациями, и вторичных данных (государственная и ведомственная статистика, сообщения средств массовой информации, федеральные, областные и муниципальные нормативные акты). В ходе анализа и итераций данных организации, входящие в информационную инфраструктуру, «производят» информационный продукт, позволяющий устранить неопределенность в отношении социально-экономических процессов для принятия соответствующих управленческих решений всеми участниками агроинновационной системы.

Данные о процессах изменяются быстро, что обуславливает необходимость формирования динамических информационных рядов в форме комплекса электронных таблиц, их оперативной обработки, в том числе на основании социологического мониторинга, охватывающего, как минимум, такие важнейшие направления как уровень и качество жизни населения, политическое сознание населения и политические рейтинги. Это еще раз подчеркивает важность участия исследовательских организаций в формировании информационной инфраструктуры системы.

Формирование и развитие информационной инфраструктуры предполагает создание информационно-справочных комплексов с открытым доступом, что позволит всем участникам агроинновационной системы получать необходимую информацию, повышать диффузию новшеств и снижать уровень информационной неопределенности при принятии решений участниками.

В настоящее время обмен информацией между различными элементами агроинновационной системы происходит напрямую, что приводит к увеличению времени диффузии информации, потере информации при ее диффузии и, следовательно, снижению эффективности функционирования территориальной агроинновационной системы.

Необходимо помнить, что каждый элемент предпринимательской системы имеет свой собственную вербальную кодификацию, на которой воспринимается вся входящая информация, и на которой излагается вся исходящая информация. Попытки передать информацию, не перекодируя ее в форму, понятную получателю информации, приводит в лучшем случае к потере части

информации, в худшем случае изменению существа передаваемой информации.

Именно поэтому представляется необходимым поставить предлагаемую информационную инфраструктуру на роль посредника в обмене информации между различными элементами предпринимательской системы.

Таким образом, представляя информационную инфраструктуру как узел, через который проходит вся информация, можно достичь двух целей. Во-первых, доступность информации для всех потенциальных пользователей повысится, если вся информация будет проходить через один структурный узел. Во-вторых, обработка всей информации в одном узле позволит обеспечить унификацию методик ее обработки, что благотворно скажется на качестве информации и единообразии ее представления.

В качестве заказчиков и пользователей информационной инфраструктуры целесообразно определить практически всех потенциальных участников предпринимательской системы, кто может быть заинтересован в использовании инновационной информации, т.е. информационная система должна обслуживать все элементы агроинновационной системы. Поскольку каждый из этих элементов имеет собственные ценности, то информация, которую они получают, интересует их только в разрезе осознаваемых ценностей и определяемых на основании ценностей целей, которые каждый элемент стремится достичь.

ПРОБЛЕМА ПОИСКА ИНСТРУМЕНТОВ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА¹

Саблин К.С., к.э.н.

Гоосен Е.В., к.э.н.

Никитенко С.М., д.э.н.

ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово

Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) России играл и играет значительную роль в экономике страны. В 2015 г. ТЭК обеспечивал более 30 % ВВП и консолидированного бюджета страны, 56 % валютных поступлений от экспорта и почти четверть от общего объема инвестиций в национальную экономику. Однако в ближайшее время российский ТЭК может столкнуться с целым рядом проблем.

Снижение мировых цен на энергоресурсы и экономические санкции сильно ударили по сырьевым отраслям и заставили задуматься об изменении места ТЭК. Прежняя модель развития российской экономики за счет добычи и реализации на внешнем рынке природных ресурсов становится неэффективной. Так, по прогнозу экспертов Института энергетических исследований Российской Академии Наук и Аналитического Центра при Правительстве Российской Федерации в перспективе до 2040 г. вклад ТЭК в ВВП может сократиться примерно вдвое: с 31 % в 2015 г. до 13–17 % (в зависимости от сценария) (см. таблица 1).

¹ Работа поддержана грантом РФФИ №17-78-20218 «Пространственная специализация и целостное развитие регионов ресурсного типа»

Таблица 1

Ключевые индикаторы роли ТЭК в экономике России

Показатели	2015	2040		
		Критический сценарий	Вероятный сценарий	Благоприятный сценарий
Вклад ТЭК в произведенный ВВП, %	31	15	14	13
Доли энергетических ресурсов в выручке от общего экспорта товаров, %	56	29	26	22
Вклад энергетического экспорта в ВВП, %	16	7	6	6
Вклад ТЭК в консолидированный бюджет, %	30	18	14	14
Доля капиталовложений в ТЭК в ВВП, %	5	3,9	3,7	3,8

Для современного российского ТЭК характерен высокий износ производственных фондов, технологическое отставание от уровня развитых стран, высокий уровень зависимости от импорта оборудования, материалов и услуг, чрезмерная зависимость от внешних нестабильных энергетических рынков. Представляется, что решение всех этих проблем тесно связано с переходом от экстенсивного использования природных ресурсов к комплексному освоению недр (КОН), с устойчивым социально-экономическим развитием территорий, взаимовыгодным партнерством науки, власти и бизнеса на принципах государственно-частного партнерства (ГЧП).

Существует множество определений ГЧП, что является отражением не только различий в научных концепциях и подходах к нему, но и многообразием практики реализации проектов в конкретных странах и отраслях. В рамках данной работы взято за основу наиболее распространенное определение. ГЧП представляет собой организационное и институциональное объединение государства и частного бизнеса с целью реализации общественно значимых проектов в масштабе всей страны или отдельных территорий. Наряду с «классическими» ГЧП проектами существуют иные формы сотрудничества власти и бизнеса в форме инвестиционных проектов и программ, которые не соответствуют перечисленным выше признакам, но решают сходные с ГЧП задачи. Такие инвестиционные проекты и программы принято называть квази-ГЧП. В рамках ТЭК объектами ГЧП могут выступать месторождения полезных ископаемых, объекты производственной (энергетика, железнодорожный транспорт, автодорожное хозяйство, порты, аэропорты, коммунальные системы и т.п.) и социальной (жилье, общественные здания, объекты сферы образования и здравоохранения и т.д.) инфраструктуры на территориях где ведется добыча и переработка полезных ископаемых.

Рынок проектов ГЧП в России начал формально развиваться после принятия Федерального закона от 21.07.2005 N 115-ФЗ «О концессионных соглашениях». За период с 2005 по 2015 год наблюдался стремительный рост числа проектов и объемов инвестиций. Так к середине 2016 года по данным официального портала «Единая информационная система государственно-частного партнерства в Российской Федерации» (ГЧП-инфо) были приняты

решения о реализации 1339 проектов, из которых 873 проекта уже находятся на стадии реализации. Таблица 2 показывает, что за период 2013-2015 гг. произошел десятикратный рост числа проектов. Показательно, что в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, где сосредоточены основные ресурсодобывающие компании России, рост количества проектов был одним из самых больших (таблица 2).

Таблица 2

Динамика количества ГЧП-проектов в Российской Федерации (2013-2015 гг.)

Округ	Количество ГЧП-проектов по годам			Рост 2014 г. к 2015 г. (раз)
	2013	2014	2015	
Центральный федеральный округ	59	21	292	14
Северо-Западный федеральный округ	46	23	114	5
Приволжский федеральный округ	36	34	342	10
Южный федеральный округ	14	10	61	6
Северо-Кавказский федеральный округ	9	4	28	7
Уральский федеральный округ	25	11	49	4,5
Сибирский федеральный округ	103	24	256	11
Дальневосточный федеральный округ	19	4	143	36
Российская Федерация (всего)	311	131	1285	9,8

Несмотря на то, что большая часть российских проектов – это концессионные соглашения в инфраструктурной и социальной сфере, есть положительный опыт реализации ГЧП-проектов в отраслях, занятых добычей, переработкой и транспортировкой природных ресурсов, например, создание транспортной инфраструктуры для освоения минерально-сырьевых ресурсов юго-востока Читинской области, строительство железнодорожной линии Кызыл – Курагино в увязке с освоением минерально-сырьевой базы Республики Тыва (см. таблицу 3). Доля таких проектов не велика. Они реализуются в рамках крупных программ развития отраслей и регионов и финансируются с помощью Инвестиционного фонда РФ и официально не относятся к ГЧП-проектам. В двух российских официальных базах ГЧП-проектов: Информационном портале ГЧП и официальном сайте Министерства экономического развития, регистрирующем проекты, финансируемые с участием Инвестиционного фонда РФ, содержится информация только о 12 ГЧП-проектах, имеющих отношение к недропользованию, что составляет менее 1% от числа всех ГЧП проектов, зарегистрированных на обоих сайтах. При этом из них только 6 проектов непосредственно можно отнести к сфере ТЭК (таблица 3).

Можно выделить три направления развития ресурсных регионов. Первое направление – это проекты, направленные на создание профильных производств минерально-сырьевой ориентации на основе концессионных соглашений и соглашений о разделе продукции. Примером такого рода ГЧП в России могут служить проекты освоения Эльгийского угольного месторождения, нефтегазовых месторождений Эвенкии. С некоторыми оговорками к ГЧП в сфере ТЭК с участием иностранного капитала можно отнести проекты разработки углеводородного сырья в форме соглашения о разделе продукции: проект

Сахалин-2; проект Сахалин – 1; проект «Харьяга»; проект разработки Самотлорского нефтегазоконденсатного месторождения.

Таблица 3

Российские ГЧП проекты в сфере ТЭК

№	Название проекта	Сроки реализации	Отраслевая принадлежность	Статус проекта
1	Разработка проектной документации для реализации инвестиционного проекта «Комплексное развитие Южной Якутии»	2008-2013	Угледобыча, обогащение, Энергетика	федеральный
2	Создание транспортной инфраструктуры для освоения минерально-сырьевых ресурсов юго-востока Забайкальского края	2007-2016	Обогащение, транспорт	федеральный
3	Комплекс нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов в г. Нижнекамск	2006-2012	Нефтепереработка	федеральный
4	Комплексное развитие Нижнего Приангарья	2006-2015	Транспорт, электроэнергетика, цветная металлургия	региональный
5	Создание комплекса по переработке газа Северного Каспия в этилен, полиэтилен и полипропилен (I очередь)	2011-2015	Переработка газа, энергетическая и транспортная инфраструктура	региональный
6	Строительство железнодорожной линии Кызыл-Курагино в увязке с освоением минерально-сырьевой базы Республики Тыва	2008-2016	Транспорт	региональный

Вторым направлением развития ГЧП в сфере ТЭК являются проекты, ориентированные на создание развитие территорий и объектов производственной и социальной инфраструктуры в ресурсных регионах страны. Здесь формируются условия недропользования в России. К ним можно отнести крупные инвестиционные и инфраструктурные проекты с участием бизнеса и государства, ориентированные на комплексное развитие территорий, создание промышленного производства, ориентированного на потребление и переработку энергоресурсов, а также развитие транспортной и энергетической инфраструктуры. Комплексные мега-проекты: «Урал Промышленный - Урал Полярный», «Комплексное развитие Нижнего Приангарья», «Комплексное развитие Южной Якутии» и др.

Третье направление ГЧП в сфере КОН образуют проекты, направленные на развитие новых производств, ориентированных на создание центров инновационного развития, формирование рынков инновационной продукции и инновационных кластеров в сфере ТЭК. Эти проекты прямо нацелены на создание условий для смены парадигмы недропользования. Таких проектов пока крайне мало во всем мире. По данным IPR Journal в 2016 году в мире инновационных ГЧП проектов с использованием механизмов ГЧП в сфере ТЭК в 2016 году находилось в стадии реализации 68 инновационных проектов, из них 15 в США, 4 в Великобритании, 3 - в Австралии. Большая часть проектов реализуется в энергетике – это строительство современных электростанций, меньше в нефте- и углехимии. Показательно, что в реализации этих проектов на стороне частного инвестора принимают участие крупные машиностроительные компании, которые совместно с научно-исследовательскими организациями и государством создают центры инновационного развития, технологические платформы и др.

Примером попыток реализации третьей группы ГЧП проектов в ТЭК в России могут служить три технологические платформы по добыче природных ресурсов и нефтегазопереработке, утвержденные Правительственной комиссией по высоким технологиям и инновациям в 2011 г.: 22-я - технологическая платформа твердых полезных ископаемых, ориентированная на глубокую переработку и перевооружение отечественных перерабатывающих производств наукоемкими технологиями; 23-я - технологии добычи и использования углеводородов, результатом деятельности которой должны стать разработка и внедрение новых технологий по добыче, подготовке, переработке и транспортировке, бурению скважин; 24-я - глубокая переработка углеводородных ресурсов, предполагающая создание условий для технологической модернизации и повышения конкурентоспособности нефтегазопереработки, промышленности нефтехимического и органического синтеза с использованием процедур форсайта.

Основное отличие ГЧП проектов третьей группы состоит в том, что получателями инвестиций являются не добывающие и перерабатывающие компании, а компании, работающие на ТЭК, формирующие внешние и внутренние рынки сбыта, развивающие его материально-сырьевую, производственную и научную базу, человеческий капитал. Это ограничивает возможности крупных вертикально интегрированных компаний ТЭК аккумулировать у себя все ресурсы и приводит к синергетическому эффекту - вокруг базового ГЧП-проекта создается больше количество конкурирующих между собой узкоспециализированных малых и средних инновационных компаний, создаются условия для развития научной и социальной инфраструктуры. В конечном итоге, это создает условия для перехода к рациональной модели недропользования компаний ТЭК, смены вектора развития ресурсных регионов и разрыва порочного круга «сырьевого проклятия».

***Современная государственная региональная
политика***

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ОСНОВА СТИМУЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ

*Анисимов А.В., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Исследованию проблем структурных изменений в отраслях экономики посвящено достаточно большое количество научных работ. Чаще всего в экономической науке структурные изменения рассматриваются как необходимое условие экономического роста. Другие исследователи акцентируют внимание на преобладающей роли структурной политики в общей системе государственного управления экономикой¹.

Практика реформирования экономики на основе структурных мер подтвердила важнейшую роль антимонопольного регулирования по активизации процессов, направленных на создание новых рынков, конкурентных механизмов в них, возникновение хозяйствующих субъектов. В контексте глобализации и углубления интеграции рынков становится все более актуальным формирование принципов антимонопольного регулирования, ускоряющих процессы структурных преобразований на современном этапе развития экономики.

Полагаем, что антимонопольное регулирование должно быть стимулирующим, побуждать органы государственной власти, органы местного самоуправления совместно с бизнесом определять приоритетные сферы для развития конкуренции. В российской антимонопольной практике эффективным инструментом регулирования служат Стандарты развития конкуренции в субъектах Российской Федерации. Анализ материалов региональных докладов развития конкуренции, размещенных на официальных сайтах органов государственной власти Российской Федерации, показал, что подавляющее большинство регионов успешно разработали и реализуют мероприятия Стандарта. Например, в Тюменской области в рамках мероприятий Стандарта был реализован положительный опыт по подключению объектов капитального строительства к сетям газораспределения, сокращения сроков технологического присоединения и создания условий для подключения новых потребителей. Вместе с тем степень реализации требований Стандарта в регионах является дифференцированной. Так, в ряде регионов в перечни приоритетных и социально значимых рынков вошли не все рынки, предусмотренные Стандартом. Обращает на себя внимание, что имеются «дорожные карты» по развитию конкуренции, в которых по отдельным рынкам запланированы целевые показатели, не изменяющиеся в течение 2 – 3 лет. Согласно Стандарту, размещение информации о деятельности по содействию развитию конкуренции должны содержаться на официальных сайтах органов государственной власти. Однако доступ к указанной информации на ряде официальных сайтов затруднен, информация может быть получена в результате многоступенчатого поиска. В настоящее время актуальным является разработка механизмов достижения

¹ Антонюк В.С., Вансович Э.Р. Теоретические, методологические и методические основы структурной политики субъектов РФ // Экономика региона. – 2013. – № 1. – С. 20 – 32.; Региональная промышленная политика. От макроэкономических условий формирования к механизмам реализации / Татаркин А.И., Романова О.А., Чененова Р.И., Макарова И.В. – М.: ЗАО НПО «Изд-во «Экономика», 2012. – 360 с.

поставленных целей по развитию конкуренции на рынках. Четкое и ясное представление о них отсутствует. Представляется важным использование региональными органами власти положительного опыта по реализации мероприятий Стандарта по развитию конкуренции и на его основе внесения соответствующих изменений в перечень приоритетных рынков. Кроме того, в разработке и реализации мероприятий Стандарта целесообразно использование системных принципов, поскольку важность указанного вопроса возрастает в связи с решениями Правительства Российской Федерации о разработке и реализации национального плана развития конкуренции. Целесообразным представляется разработка модели (блок – схемы) системного подхода к решению задач по разработке и реализации Стандарта развития конкуренции с учетом региональных особенностей.

В настоящее время проблемы несовершенства, неэффективности и «отсталости» от реальных экономических условий законодательства о тарифном регулировании сдерживают развитие экономики, происходит рост тарифов при отсутствии обновления и модернизации инфраструктуры, а затраты регулируемых организаций преимущественно перекладываются на потребителя. Актуальным представляется формирование принципов проконкурентной тарифной политики, которая направлена на сокращение издержек хозяйствующих субъектов, выделение их непрофильных активов, повышение инвестиционной привлекательности, развитие конкуренции в сферах, где осуществляется государственное регулирование цен (тарифов). Единые для всех отраслей деятельности принципы регулирования должны обеспечивать недискриминационное ценообразование, а также создавать экономические стимулы по повышению эффективности инвестиционных проектов в развитие инфраструктуры. Полагаем, что важнейшими принципами проконкурентной тарифной политики являются следующие: использование широкого набора современных методов регулирования, переход к долгосрочному и гибкому регулированию, открытость принимаемых регулятором решений. Практическое применение указанных принципов может способствовать экономической обоснованности принимаемых тарифных решений.

Актуальным в настоящее время является совершенствование регулирования на развивающихся рынках цифровой экономики, обеспечения конкуренции на социально значимых рынках во взаимосвязи с электронными технологиями, внедрение которых обусловило появление новых участников рынка (агрегаторов), а также использование электронных платформ, баз данных. При формировании принципов антимонопольного регулирования цифровых рынков целесообразно учитывать усиление процессов интеграции между услугами передачи данных, телефонии, предоставления видеослужб через интернет, доступа к большим базам данных о потребителях. В этих условиях антимонопольная политика должна, на наш взгляд, основываться на новых принципах, в частности, таких как сетевой нейтралитет, когда провайдеры не отдадут предпочтений одним классам приложений перед другими. Полагаем, что выработка принципов регулирования должна происходить путем понимания сущности и направлений развития цифровых рынков. Глобальность данных рынков предполагает также определение правил их функционирования, формирования стандартов доказывания выявления правонарушений со стороны участников рынка.

ОЦЕНКА УСЛОВИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

*Амирова Н.А.
ПГНИУ, Пермь*

В современной российской экономике отчётливо проявляется перенос центра тяжести управления на региональный уровень. Это обусловлено ростом суверенитета, усилением экономической самостоятельности¹ и становлением основ финансово-бюджетной независимости.

При переходе на рыночные отношения регионы, как самостоятельные экономические субъекты, наделяются определенными функциями, важнейшими из которых являются: создание условий, обеспечивающих развитие в регионе бизнеса; создание системы региональных гарантий и льгот для инвесторов; привлечение инвесторов и совершенствование экономической структуры путем усиления конкурентных позиций региона; развитие торгово-экономических связей². Выполнение регионами указанных функций способствует конкурентоспособности региональной системы.

Идея конкуренции между регионами не является новой, однако на сегодняшний момент нельзя отрицать тот факт, что территории, приобретающие статус самостоятельных хозяйствующих субъектов, вынуждены вступать в конкурентную борьбу за различные виды экономических ресурсов (финансовые, предпринимательские, трудовые и т.д.). Конкурентоспособность региона – это свойство региона как экономической системы функционировать и развиваться в рыночной среде, эффективно обеспечивать процессы воспроизводства человека, благ и регионального потенциала, которое может изучаться в разных аспектах и на разных уровнях³.

Структурирование субъектов конкурентной борьбы, факторов и характеристик конкурентоспособности позволяет более четко подойти к анализу этой сложной категории, выявлению резервов и формированию направлений повышения конкурентоспособности (рисунок 1) на основе эффективного использования конкурентных преимуществ⁴ и формированию соответствующей среды.

Как показано на рисунке 1, обеспечение конкурентоспособности региона осуществляется за счет реально задействованных конкурентных преимуществ региона, эффективности их использования и соответствующей конкурентной среды. Поддерживать и повышать конкурентоспособность региона необходимо через условия. Условия благоприятные обеспечивают рост факторов позитивно влияющих на конкурентоспособность региона или сдерживают негативно влияющие факторы. Условия конкурентоспособности региона – это укрупненная

¹ Колмыкова О.Н. Конкурентоспособность как фактор социально-экономического развития регионов // Политическое управление: научный информационно-образовательный журнал. – 2013. – № 3 (06). – С. 63.

² Ощепков В.М. Конкурентоспособность регионов: сущность, современные факторы повышения // Вестник Пермского университета. Серия: экономика / Ощепков В.М., Кузьмина Ю.Д. – 2012. – № 3.1 – С. 10.

³ Там же

⁴ Кузин Т.А. Конкурентоспособность и конкурентные преимущества регионов Юга России // Вестник Адыгейского Государственного Университета. Серия 5: экономика. – 2012. – № 1. – С. 58-59.

группа обстоятельств, база – дающая качественные изменения факторов воздействия на конкурентоспособность региона.

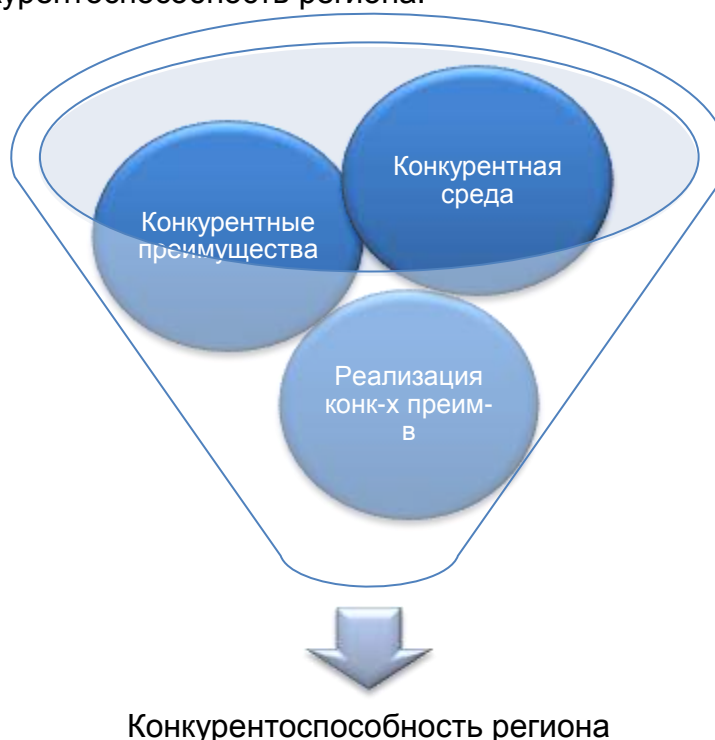

Рис. 1 - Обеспечение конкурентоспособности региона

Воздействуя на факторы способом их моделирования и модифицирования, с целью качественного и количественного изменения необходимо исходить из трансформации условий, из которых эти факторы берут начало. Логическая модель данной взаимосвязи представлена на рисунке 2.

Задача регионального управления состоит в том, чтобы социально-экономическая система сама содействовала формированию конкурентных преимуществ предприятий и организаций, находящихся на его территории, путем создания конкурентной среды и развития соответствующей инфраструктуры.

Наличие конкурентной среды – это первое и главное условие эффективного функционирования рынка. Она обеспечивает такое состояние конкурентных отношений, которые находятся в зависимости от соответствующего периода развития рынка, определяемого либо полной свободой товаропроизводителей, либо наличием барьеров⁵, порожденных монополистическими отношениями на рынке, либо государственным антимонопольным регулированием.

Повышению роли конкурентной среды в экономике способствуют многочисленные факторы: нарастание всех видов конкуренции, включая межотраслевую межрегиональную и международную, ее недооценка в недалеком прошлом, отсутствие действенных механизмов и инструментов, традиций использования конкуренции, а также обоснованной стратегии повышения эффективности экономики.

⁵ Журба М. В. Формирование конкурентной среды региона: Дис... канд. эконом. Наук. - Н. Новгород, 2003, С. 14.

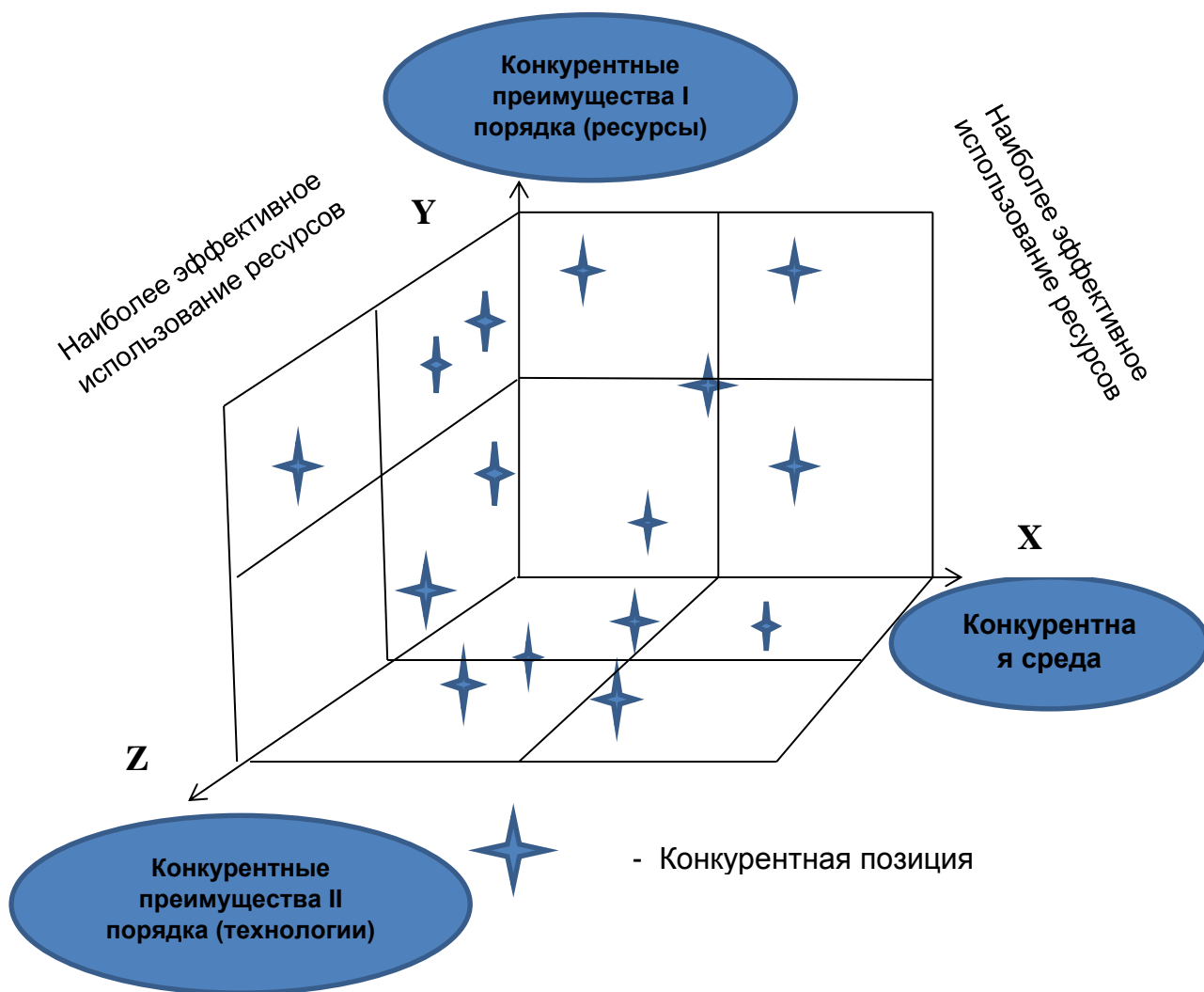

Рис. 2 – Мультикритериальная матрица оценки условий обеспечения конкурентоспособности региона

Конкурентная среда — это конкурентный порядок на основе законодательно закрепленных норм и правил хозяйствования, изменяющиеся под воздействием оперативного мониторинга результатов реализации установленных целей⁶.

Конкурентоспособность регионов в решающей степени зависит от меры воплощения в жизнь их конкурентных преимуществ. Повышение конкурентоспособности региона через эффективное использование его конкурентных преимуществ – не самоцель, а объективно необходимое условие существования региональной социально-экономической системы в конкурентной среде. Ключевым звеном в процессе обеспечения конкурентоспособности регионов является выявление и мобилизация их конкурентных преимуществ.

Конкурентные преимущества - совокупность природно-климатических, ресурсных, социально-экономических, научно-образовательных, технических, информационных, институциональных и прочих условий, имеющих в регионе

⁶ Ленгинович С. Г. Конкурентная среда: методы исследования // Экономическая наука и практика: материалы III междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2014 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2014. — С. 88-91.

и отличающих его от других регионов с позиций перспектив социально-экономического развития⁷.

Конкурентные преимущества региона можно разделить на две группы: 1. первичные (базовые); 2. вторичные (создаваемые).

Первичные конкурентные преимущества складываются из природно-сырьевых ресурсов, неквалифицированных трудовых ресурсов, производственной базы. Конкурентные преимущества второго порядка создаются на принципиально новых общественно-экономических формах и новой технологической основе – использование нанотехнологий, ресурсосбережение, высококвалифицированные кадры, экологически чистые производства и т.д.⁸ Первичные конкурентные преимущества являются базой для специализации экономики на традиционных и базовых секторах. Но, закладывая в основу региональной стратегии только первичные конкурентные преимущества, региону трудно завоевать конкурентные преимущества в силу неполного использования данного потенциала. Поэтому только сочетание первичных и вторичных конкурентных преимуществ создает отличительные особенности развития региона.

Оценивать конкурентную позицию регионов предлагается на основе ранжирования регионов по интегральным показателям: существующие конкурентные преимущества первого и второго порядка, а так же уровень развития конкурентной среды. Суть ранжирования заключается в том, что по каждому виду показателей рассматривается место данного региона в пространстве. При этом высшее значение – 1 присваивается лучшему по рассматриваемому показателю региону, за второе место – оценку 2 и т.д. Таким образом, по рангам показателей можно комплексно оценить конкурентную силу региона. Чтобы показатели, используемые для ранжирования, не зависели от размеров регионов и численности проживающего в них населения, используются относительные величины – душевые, долевы, а в ряде случаев – балльные оценки. Определяя место региона по составляющему условию, на матрице (рисунок 1), обозначается его конкурентная позиция.

Таким образом, реализация данного подхода, базирующегося на выявлении конкурентных преимуществ территории первого и второго порядка во взаимосвязи с конкурентной средой позволяет осуществить комплексную количественную оценку, что повлечет за собой формирование новых инструментов управления процессом повышения конкурентоспособности территории. Уровень конкурентоспособности региона будет повышаться за счет эффективного использования конкурентных преимуществ первого порядка, на основе высокого уровня конкурентных преимуществ второго порядка в развитой конкурентной среде (рисунок 3).

Территориальным властям необходимо разрабатывать региональные стратегии, позволяющие осуществлять структурную перестройку экономики на основе перехода от первичных конкурентных преимуществ к вторичным. Так же следует понимать и уметь применять в управлении ключевые термины конкурентоспособности регионов, модели и показатели ее оценки, выбирать направления повышения конкурентоспособности, знать и учитывать тенденции

⁷ Ленгинович С. Г. Конкурентная среда: методы исследования // Экономическая наука и практика: материалы III междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2014 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2014. — С. 88-91.

⁸ Парпиева Н. Р. Формирование конкурентных преимуществ региона // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 7 (49). – С. 100.

развития регионов-конкурентов и возможности сотрудничества с ними – такую возможность дает предложенная в данной статье мультикритериальная матрица.

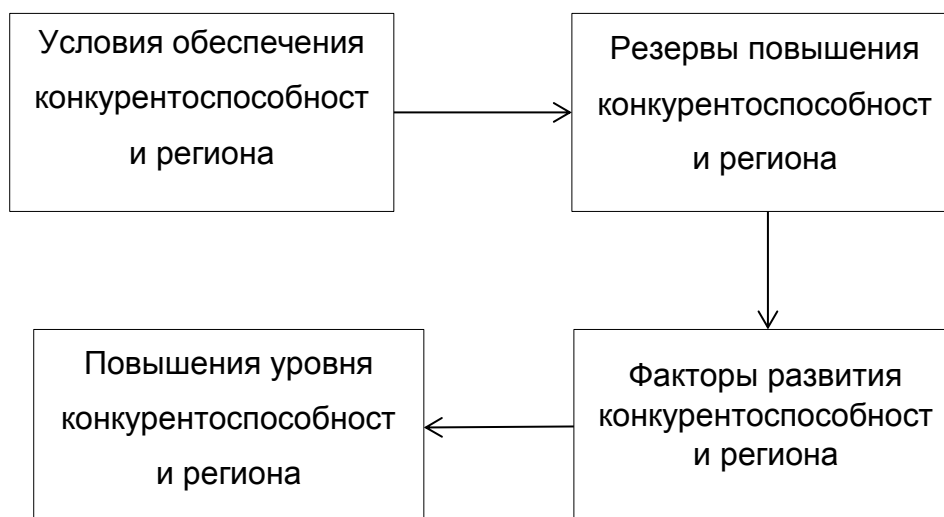

Рис. 3 - Схема повышения уровня развития конкурентоспособности региона

Подводя итоги следует отметить, что региону необходимо, по существу, заново определить свою роль, пересмотрев систему приоритетов и сконцентрировав усилия на тех направлениях, где он может эффективно реализовать свои конкурентные преимущества и тем самым повысить уровень конкурентоспособности.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ТЕРРИТОРИЙ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ¹

*Важенин С.Г., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Основоположником исследования феномена жизнестойкости принято считать профессора Миннесотского университета в Миннеаполисе Нормана Гармези. Весомый вклад в разработку данных проблем внес профессор Массачусетского технологического университета Йосси Шеффи². Секретам жизнестойкости и выявлению качеств и элементов живучести организации посвятил свою работу Дайано Л. Кутю. Представляется удачным толкование жизнестойкости, предложенное профессором И. Чернявским: «Жизнестойкость –

¹ Доклад подготовлен в рамках исследований, проводимых при финансовой поддержке Гранта РГНФ (проект № 16-02-00016 «а») «Сущность, особенности и последствия конкуренции за доверие».

² Шеффи Й. Жизнестойкое предприятие. Как повысить надежность цепочки поставок и сохранить конкурентное преимущество. М.: Альпина Бизнес Букс. - 2006. – 301 с.

это способность организационной структуры противостоять угрозам, быстро восстанавливаться»³.

Достаточно близким и схожим по контексту с понятием жизнестойкости бизнеса является понятие жизнестойкость территории. Жизнестойкость территории определяется нами как процесс и результат ее взаимодействия с другими территориями в конкурентном экономическом пространстве⁴. Жизнестойкость территории формируется в результате успешной адаптации к изменяющимся условиям и проявляется в ситуации вызова, угрозы, кризисных явлений. Жизнестойкость – это способность преодолевать препятствия, барьеры, компенсировать потери, связанные с несовершенством институциональной среды, негативными ситуациями, криминализацией экономики, стихийными бедствиями. Кроме того, жизнестойкость рассматривается и как способность к восстановлению конкурентного иммунитета территории после различного рода сбоев, деструктивных процессов в развитии страны, отдельных регионов.

Сложность изучения феномена жизнестойкости заключается в том, что «жизнестойкость – это качество, о наличии которого узнаешь лишь после того, как пришлось им воспользоваться»⁵. Территориям требуется учиться выживать и поддерживать свои конкурентные позиции еще до того, как в этом возникнет необходимость, и без четкого понимания, какие именно угрозы и когда они появятся. Можно предположить, что жизнестойкость зависит от умения минимизировать риски при ведении конкурентной борьбы в экономическом пространстве за те или иные ресурсы, активы. Дело в том, что жизнестойкость территории не означает ее неуязвимость, скорее это способность восстанавливать функционирование и конкурентоспособность после негативных явлений, вызванных деструктивными ситуациями или чрезвычайными происшествиями, способность идти наперекор обстоятельствам, умение находить нетривиальные решения и возвращаться к «дострессовой компетентности».

Уязвимость территории, подрывающая ее жизнестойкость, характеризуется многими, причем изменчивыми факторами, которые вряд ли возможно свести в какой-либо единый показатель «ожидаемой уязвимости». Тем не менее, для классификации возможных сбоев и других деструктивных ситуаций представляется перспективной разработка карты уязвимости территории, состоящей из восьми квадрантов: 1) финансовая уязвимость, 2) стратегическая уязвимость, 3) уязвимость в отношении стихийных бедствий и опасных случайностей; 4) операционная уязвимость; 5) информационная уязвимость; 6) коррупционно-криминальная уязвимость; 7) репутационная уязвимость и 8) демографическая уязвимость.

Финансовая уязвимость – широкий спектр макроэкономических и внутренних финансовых проблем: от возникновения дефицита бюджета до колебания обменного курса валют и изменения цен на топливо и сырье, от ошибок в финансовой отчетности и до сбоев в финансово-кредитной инфраструктуре и т.п.

³Чернявский И. Концепция жизнестойкости // Экономист. - 2008.- № 5. - С. 71-77.

⁴ Важенина И.С., Важенин С.Г. Жизнестойкость территорий в конкурентном экономическом пространстве // Регион: экономика и социология, - 2015 - № 2. – С. 175-199.

⁵ Кутю Д. Секреты жизнестойкости // Управление бизнесом в бурные времена. М.: Альпина Бизнес Букс. - 2006. – 243 с.

Стратегическая уязвимость – негативные события, которые можно предотвратить или минимизировать, избрав правильную стратегию: от погрешностей планирования до сезонных колебаний потребительского спроса, от появления новых конкурентов за рубежом до протестных выступлений населения, снижения рейтинга конкурентоспособности и т.п.

Уязвимость в отношении стихийных бедствий и опасных случайностей возникает в результате суровых климатических условий, пожаров, наводнений, землетрясений и других природных катаклизмов, а также вследствие техногенных факторов и неосторожных действий людей (аварии, катастрофы) и т.п.

Операционная уязвимость – все, что связано с вероятностью возникновения экономического ущерба вследствие, например, «высоких» административных барьеров, сбоев в системе поставок и сбыта, от дефицита кадров до присвоения или растраты имущества и т.п.

Информационная уязвимость определяется сбоями в бизнесе вследствие запоздалой, неполной или искаженной информации о ситуации на рынке, поведении конкурентов, об изменениях в законодательстве; также информационная уязвимость вероятна вследствие вирусных или хакерских атак, сбоев ИТ-систем и т.д.

Коррупционно-криминальная уязвимость порождается, прежде всего, «заигрыванием» с органами государственной власти и управления, сращиванием власти и бизнеса с криминальными структурами; она связана с масштабностью теневой экономики, высоким уровнем правонарушений, включая экономические преступления, а также с умышленным вредительством, внутренним и международным терроризмом.

Репутационная уязвимость вероятна как в связи с неадекватным позиционированием территории в экономическом пространстве, так и с взаимоотношениями с целевыми аудиториями (жителями, инвесторами, представителями бизнеса, туристами и т.д.), властными структурами, СМИ, включая нарушения деловых и этических норм, утрату доверия к власти и бизнесу и т.п.

Демографическая уязвимость определяется неблагоприятной демографической ситуацией в регионе, вызванной, в том числе, миграционными процессами, ростом смертности населения и снижением рождаемости, сложившейся половозрастной структурой населения территории и т.п.

Решить проблему потери жизнестойкости территории по причине того или иного сбоя только методами антикризисного управления вряд ли возможно, поскольку «лечение» в этом случае происходит «в пожарном режиме», а восстановление утраченной жизнестойкости территории сегодня не гарантирует, что завтра она снова не подорвется. Необходим целый комплекс действий, позволяющих заранее выделять и оценивать риски и уровень уязвимости территории. Кроме того, требуется выработка совокупности превентивных мероприятий, цель которых – не допустить потери жизнестойкости территории.

В России предпринимались попытки сохранить ряд стагнирующих, теряющих жизнестойкость регионов путем их объединений. 1 декабря 2005 года появился Пермский край, в который вошли Пермская область и Коми-Пермяцкий АО. Новый Красноярский край, объединивший Таймырский Долганово-Ненецкий и Эвенкийский АО, образовался 1 января 2007 года. 1 июля 2007 года путем слияния Камчатской области и Корякского АО образовался Камчатский край. 1 января 2008 года в Иркутскую область вошел Усть-Ордынский Бурятский АО. В

Забайкальский край 1 марта 2008 года объединились Читинская область и Агинский Бурятский АО.

Проанализировав результаты объединений данных регионов, сотрудники Института современного развития подготовили доклад «Объединение регионов: за и против» пришли к выводу, что «суммарно они имеют нулевой эффект»⁶. Этот проект власти не повысил управляемость территорий, не решил назревшие социально –экономические проблемы, тормозящие их развитие и снижающие жизнестойкость территорий. Эксперты не нашли экономического эффекта всех объединений. Адекватная региональная политика – это не только управление по вертикали, но и связь по горизонтали между регионами через совместные инфраструктурные проекты, развитие межрегиональной кооперации. Не случайно, В.Н. Лексин среди многочисленных российских рисков для стабильного функционирования государства и регионов особо выделил риски, обусловленные разорванностью экономического и социального пространства – крайне слабыми хозяйственными и социальными связями между большинством регионов и муниципальных образований⁷.

В конкурентном экономическом пространстве жизнестойкость территории все более зависит от ее умения сотрудничать и завоевывать доверие, так как риски, разделенные с другими конкурирующими территориями, минимизируют возможные потери. Чем с большим числом экономических агентов (субъектов РФ, городов, компаний) сотрудничает территория, тем выше ее жизнестойкость, хотя с увеличением числа партнеров на конкурентном рынке могут увеличиваться и риски.

Территориям приходится все больше сотрудничать с другими регионами, компаниями в достижении своих целей. Поэтому у ряда экономистов и практиков возникла идея: нельзя ли получить выгоду от сотрудничества и с конкурентами, раз уж они все равно существуют и никуда не исчезнут (или, по крайней мере, разделить с ними риски). Особенно привлекательным представляется объединение преимуществ сотрудничества с выгодами от конкуренции⁸. Сотрудничество может стать основой для формирования стратегического преимущества, платформой для снижения уязвимости и повышения жизнестойкости территорий в конкурентном экономическом пространстве. Диалектика экономического развития показывает, что существование и даже процветание конкурентов может быть выгодным. Иногда лучший способ добиться успеха – это дать возможность преуспеть другим.

Конкурентное сотрудничество компаний и особенно территорий в российской экономике по-прежнему редкое явление. Потенциал конкурентного сотрудничества остается недооцененным либо же вообще не востребованным. Но уже приходит понимание того, что конкурентное сотрудничество — это неизбежность, которую надо не только признать, но и максимально реализовать

⁶ Городецкая Н., Скачкова К. Это была попытка управлять территорией страны как корпорацией // «Коммерсант». - № 61 от 08.04.2010.

⁷ Лексин В.Н. Региональная действительность и региональные исследования // Регион: экономика и социология. - 2014. - № 2. - С. 7-38.

⁸ Важенин С.Г., Важенина И.С. Конкурентное сосуществование территорий: необходимость и возможность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2012. - № 29. – С. 2-10.; Волков С.К. Кооперация регионов как фактор повышения конкурентоспособности близлежащих территорий // Маркетинг в России и за рубежом. - 2014. - № 3. – С. 103-107.; Жихаревич Б.С. Стратегическое планирование как фактор стимулирования региональной конкуренции // Регион: экономика и социология. – 2011. - № 1. – С. 3-14.; Тарануха Ю.В. Стратегия поведения в современной конкуренции // Маркетинг в России и за рубежом. - 2014. - № 2. – С. 68-84.

в целях снижения своей уязвимости и повышения жизнестойкости территорий в конкурентном экономическом пространстве.

Среди наиболее результативных мер поддержки конкурентного сотрудничества территорий все заметнее заявляют о себе проекты, ориентированные на участие территорий в совместных стратегических проектах, альянсах, а также проекты, включающие совместную реализацию целевых программ. В мире, в том числе и в России, известны случаи успешного сотрудничества в разработке и реализации межрегиональных стратегических проектов нескольких конкурирующих территорий. Например, в Уральском фармацевтическом кластере, созданном в Свердловской области, объединены 25 предприятий Свердловской и Челябинской областей. А в строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали «Екатеринбург – Москва», проектируемой по инициативе Свердловской области, выразили намерение участвовать Владимирская и Нижегородская области, республики Татарстан и Башкортостан. В октябре 2013 г. открыта трасса Ивдель – Ханты-Мансийск, которая даст мощный импульс развитию двух крупнейших регионов Уральского федерального округа (Югра и Свердловская область), принимающих участие в ее строительстве. 6 ноября 2014 г. Югра официально соединилась с Томской областью. Регионы, ранее разделенные водной преградой – рекой Вах, связал новый мост. Мост через реку Вах обошелся в 8,9 миллиардов рублей. Его пропускная способность составляет 5,5 тысяч единиц транспорта в сутки. В строительстве объекта участвовали бюджеты нескольких регионов ХМАО, ЯНАО и Тюменская область (по программе «Сотрудничество»), а также средства Томской области. Мостовой переход считается одним из основных объектов Северного широтного коридора – автомобильной дороги «Пермь – Серов – Ханты-Мансийск – Сургут – Нижневартовск – Томск», способствующий активному сотрудничеству непосредственно 5-ти субъектам Российской Федерации.

Механизмом, способствующим повышению жизнестойкости проблемных территорий России (в т.ч., моногородов), может стать *Комплексная программа региональной аграрно-промышленной кластеризации*, концепция которой разработана авторами⁹. Реализация подобной программы может стать предпосылкой выхода России и ее отдельных территорий из кризиса за счет оптимизации структуры экономики, ее диверсификации, роста аграрного и перерабатывающего производств, легкой промышленности, увеличения численности занятых, стимулирования внутреннего спроса и т.д. В условиях экономических санкций программа позволит решать проблему импортозамещения.

Нельзя оставить без внимания и то, что становление конкурентного сотрудничества территорий немислимо без должного доверия как в экономике соперничающих территорий, так и непосредственно во взаимоотношениях между самими регионами и муниципалитетами. Доверие стимулирует экономическое взаимодействие, обеспечивает стремление к сотрудничеству и выполнению принятых на себя обязательств. Известный экономический социолог М. Грановеттер утверждает, что экономическая деятельность часто загнана в угол из-за отсутствия доверия¹⁰. Для рыночной экономики, особенно периода ее глобализации, взаимное доверие является важнейшим фактором,

⁹ *Важенина И.С., Важенин С.Г.* Алгоритм конструирования аграрно-промышленных кластеров в модернизируемой экономике // Экономика региона. – 2010. - № 1. – С. 129-136.

¹⁰ *Грановеттер М.* Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2004. - Том VII. - № 1.- С. 76-88.

обеспечивающим возможность функционирования сложнейшей сети контрактов и партнерств.

Повышение жизнестойкости территорий несомненно строится не только на платформе развития их конкурентного сотрудничества. Жизнестойкость территорий непосредственно зависит и от институциональной среды для бизнеса в регионе, и от мобильности экономики на данной территории, и от репутационной зрелости территории в конкурентном экономическом пространстве.

Следует согласиться с утверждением, что в России при несовершенной институциональной среде и неразвитости федерализма, предусматривающего экономическую и политическую автономию регионов, большинство территорий оказываются просто не в состоянии участвовать в глобальной экономике, привлекать инвестиции, а, в конечном счете, сохранять свою жизнестойкость¹¹. Уязвимость территорий, сопровождаемая депрессивностью и безынициативностью многих регионов, но это не только и не столько следствие дефицита тех или иных ресурсов, а в значительной степени «продукт» слабой институциональной «поддержки».

ОСОБЕННОСТИ И ПРИМЕРЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УФО¹

*Важенина И.С., д.э.н.,
Важенин С.Г., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Сотрудничество регионов и муниципалитетов постепенно превращается в реальность. Этот процесс набирает силу и уже имеет своим результатом конкретные проекты. Глобализация и рост мобильности экономики, усиливающаяся территориальная конкуренция, нарастающая зависимость экономики от инноваций, рост ее уязвимости в связи с учащением кризисов, чрезвычайных происшествий, других деструктивных событий объективно формируют потребность регионов и муниципалитетов в сотрудничестве².

¹¹ Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Конкурентоспособность российских регионов: хорошие институты или хорошая география? // *Общественные науки и современность*. 2013. № 6. С. 5-14.

¹ Доклад подготовлен в рамках исследований, проводимых при финансовой поддержке Гранта РГНФ (проект № 16-02-00016 «а») «Сущность, особенности и последствия конкуренции за доверие».

² Важенин С.Г., Важенина И.С. Идентификация и оценка территориальной конкуренции // *Экономика региона*. - 2012. - № 1. – С. 29-40.; Волков С.К. Кооперация регионов как фактор повышения конкурентоспособности близлежащих территорий // *Маркетинг в России и за рубежом* – 2014. - 3 – С. 103-107.; Жихаревич БС. Стратегическое планирование как фактор стимулирования региональной конкуренции // *Регион: экономика и социология*. – 2011. - № 1. - С. 3-14.; Лексин В.Н. Региональная действительность и региональные исследования // *Регион: экономика и социология*. – 2014. - №2. – С.7-38.; Павлов К.В. Межрегиональная экономика как перспективное направление исследований // *Региональная экономика: теория и практика*. – 201. – № 7. – С. 42-52.; Ускова Т.В., Лукин Е.В. О перспективах развития региона на основе межрегионального сотрудничества // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2016. - № 3. – С. 60-79.; Полтерович В.М. От социального либерализма к философии сотрудничества // *Общественные науки и современность* – 215. - № 4. – С. 182-187.

Сотрудничество не исключает конкуренцию и не замещает ее полностью. Оно дополняет конкуренцию, и вместе они будут выступать движущей силой развития экономики регионов и муниципалитетов в обозримом будущем.

Все территории характеризуются различным экономическим потенциалом, они отличаются объемами и специфичностью имеющихся ресурсов и активов, в том числе особенностями пространственного положения, инвестиционного и предпринимательского климатов, сложившимися имиджем и репутацией в экономическом пространстве и т.д., что определяет их возможности и ограничения конкурентного сотрудничества.

К сожалению, на сегодняшний день в России преобладают консультационные по своему характеру формы межрегиональных и межмуниципальных связей, не оказывающие существенного влияния на результативность социально-экономических процессов, повышение жизнестойкости территорий. В Российской Федерации наряду с аномально высокой территориальной дифференциацией сохраняется и очень высокая территориальная дезинтеграция. Интеграционные связи регионов, по оценкам Торгово-промышленной палаты РФ, примерно в 2 раза ниже, чем в Евросоюзе.

Актуальность формирования институтов конкурентного сотрудничества территорий определяется рядом причин, среди которых:

- проблемы и ситуации, требующие от конкурирующих регионов и городов скоординированных действий;
- наличие у конкурирующих территорий общих интересов (например, в создании и эксплуатации инфраструктурных объектов, в реализации совместных производственных проектов (например, участие в кластерах), в разработке и внедрении современных технологических новаций и т.д.);
- совместная борьба с различного рода преступлениями, в том числе в экономической сфере;
- оптимизация соотношения «конкурентных затрат» и полученных выигрышей.

Однако приходится констатировать, что потенциал конкурентного сотрудничества остается недооцененным либо же вообще не востребованным. Тем не менее, уже приходит понимание того, что конкурентное сотрудничество территорий – это неизбежность, которую надо не только признать, но и максимально реализовать в целях повышения устойчивости и достижения стабильности развития в конкурентной экономике. Результаты наших социологических опросов в регионах и муниципалитетах Уральского федерального округа в 2013 и 2016 гг. свидетельствуют о том, что 2/3 респондентов (представителей органов власти, бизнеса и научного сообщества) не исключают одновременного существования сотрудничества и конкуренции территорий.

Перспективы сотрудничества в значительной степени будут определяться способностью территорий преодолеть или смягчить влияние факторов, тормозящих сегодня процесс формирования этого феномена. Как показал опрос, особого внимания заслуживают в данном случае такие факторы как: низкий уровень интеграционной зрелости, значительные различия в экономическом потенциале и отсутствие достаточных стимулов к экономической интеграции/партнерству регионов и городов.

Акцентируем внимание на том факте, что только 4% всех респондентов считают, что территории готовы к сотрудничеству и 37% - скорее готовы, чем нет. Комплексную готовность территории к сотрудничеству, которая делает

возможным включение данной территории в процессы эффективного межтерриториального взаимодействия, мы называем интеграционной зрелостью. Становление интеграционной зрелости, к сожалению, происходит в условиях сохраняющегося низкого качества управления, что определено, прежде всего, неэффективными институтами и недостаточной квалификацией управленческих кадров всех уровней. Негативное воздействие также оказывает и отсутствие реального федерализма, без которого невозможны действенные партнерские отношения территорий в конкурентной экономике.

Феномен конкурентного сотрудничества территорий характеризуется определенной противоречивостью, поскольку оно имеет как позитивные результаты, так и негативные последствия, не учитывать которые было бы стратегической ошибкой. Среди *позитивных результатов* сотрудничества лидируют такие как: рост инвестиционной привлекательности территорий-участниц, снижение административных барьеров, повышение устойчивости экономики и жизнестойкости территории в целом. Наши исследования выявили и наиболее *вероятные негативные последствия* сотрудничества территорий: дополнительные затраты на его организацию и поддержание, формирование иждивенчества в развитии отдельных территорий, сохранение высокой дифференциации в развитии территорий.

Реальная готовность территорий к сотрудничеству во-многом определяется избранной *формой сотрудничества*, ее адекватностью стоящим целям и имеющимся ресурсам, а также активам региона/муниципалитета. Наши исследования позволили ранжировать формы сотрудничества территорий по степени их перспективности в современной конкурентной экономике. Безусловным лидером стали совместные бизнес-проекты, далее (по мере снижения перспективности по оценкам респондентов) расположились кластерные образования, договора о сотрудничестве, агломерации и стратегические проекты³.

Результативность конкурентного сотрудничества территорий определяется не только их стремлением к установлению взаимовыгодного партнерства, выбором наиболее подходящих форм сотрудничества, но и *действенной поддержкой подобных стратегических проектов федеральными и региональными органами власти*. Результаты соцопросов зафиксировали, что приоритетными являются такие меры как: построение необходимой инфраструктуры сотрудничества, формирование институтов /норм, правил/ конкурентного сотрудничества, организация федеральных конкурсов проектов сотрудничества регионов и муниципалитетов.

Конструирование сотрудничества территорий – это продолжительный, сложный и противоречивый процесс, который предполагает обязательный учет ряда основополагающих свойств сотрудничества⁴.

Во-первых, *сотрудничество формируется постепенно (вращивается), а не появляется мгновенно*. Сотрудничество не возникает без усилий, его нельзя купить или получить в готовом виде.

Во-вторых, *сотрудничество требует от контрагентов взаимных усилий*. Сотрудничество основывается на взаимности, его суть - в построении взаимоотношений.

³ Важенина И.С., Важенин С.Г. Алгоритм конструирования региональных аграрно-промышленных кластеров в модернизируемой экономике // Экономика региона. - 2010. - № 1. – С.129-36.

⁴ Важенина И.С., Важенин С.Г. Конкурентное сосуществование территорий: необходимость и возможность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. - № 29. – С. 2-10.

В-третьих, *сотрудничество связано с риском*. Всегда существует возможность разрушения (прекращения) сотрудничества. Формирование сотрудничества влечет за собой риск, и если один из партнеров не готов принять на себя риск, то, скорее всего, не удастся реализовать и сотрудничество.

В-четвертых, *сотрудничество включает (предполагает) добровольное ограничение экономических интересов партнеров в целях достижения консенсуса*.

В-пятых, *сотрудничество основывается на институциональном и нормативно-правовом сопровождении*.

В-шестых, *сотрудничество немыслимо без доверия во взаимоотношениях между партнерами во всех сферах общественной жизни, включая экономику*.

Все возможные взаимодействия между территориями-партнерами базируются на преимущественном использовании либо *материальных, либо нематериальных активов*. Они по-разному влияют на результаты сотрудничества и получение соответствующего конкурентного преимущества, но во всех случаях это влияние непреложно. Подчеркнем и то, что практически всегда сотрудничество предполагает использование одновременно материальных и нематериальных активов территорий, однако преобладание одних над другими зависит от конкретных проектов и механизмов их реализации.

Материальные активы являются определяющими там, где есть возможность совместного осуществления территориями-партнерами некоторых видов деятельности в силу наличия общих производств, каналов реализации, покупателей и т.д. При этом конкурентные преимущества возникают, если такое ведение деятельности способствует снижению общих издержек на величину, превосходящую затраты на организацию сотрудничества.

Нематериальные активы выступают на первый план, когда требуется, например, реализация совместных имиджевых проектов или передача управленческих навыков и знаний, технологий, патентов, лицензий и т.д. от одних территорий другим⁵. Такие взаимосвязи способствуют получению конкурентных преимуществ через использование объединенных имиджево-репутационных «бонусов» или общих знаний и технологий в осуществлении определенных видов деятельности, что влечет за собой рост показателей эффективности и результативности.

Использование взаимосвязей всегда предполагает некоторые затраты, так как каждая территория, участвующая в совместной деятельности с другой, должна определенным образом модифицировать свои установки и сложившуюся практику. *Издержки* в связи с осуществлением *сотрудничества* можно разделить на три группы:

- Затраты на координацию и контроль за действиями контрагента;
- Затраты на выработку компромиссного решения;
- Затраты на «потерю гибкости».

Затраты на координацию могут быть разными в зависимости от того, о каких видах совместной деятельности идет речь. Координация требует затрат времени, труда, а возможно, и денежных затрат.

Затраты на компромиссное решение – гораздо более важный вид издержек на сотрудничество. При осуществлении того или иного вида

⁵ Важенина И.С. Бренд территории: сущность и проблемы формирования // Маркетинг в России и за рубежом. 2012. - № 2. – С. 91-101.

деятельности совместно несколькими территориями требуется выбрать единые методы и способы работы, но выбранный метод часто оказывается далеко не оптимальным хотя бы для одного из партнеров. Тот факт, что территории, участвующие в совместной деятельности, должны чем-то жертвовать, является неоспоримым. Затраты на выработку компромиссного решения могут быть небольшими, но могут оказаться настолько существенными, что сведут «на нет» все выгоды совместного осуществления.

Третий вид затрат – это *затраты при потере гибкости*. Потеря гибкости может быть двух разновидностей: 1) потенциальные сложности, возникающие при попытке ответить на действия конкурентов и 2) барьеры для выхода из осуществляемого вида деятельности (с соответствующего рынка).

Можно привести примеры развивающегося сотрудничества территорий. Среди перспективных проектов сотрудничества регионов и городов можно выделить, например, создание «Большого Екатеринбурга». На расширенном заседании правительства Свердловской области в августе 2016 года принято решение о разработке проекта, цель которого – формирование Екатеринбургской агломерации. В числе предполагаемых участников агломерации – Екатеринбург, Арамилы, Березовский, Верхняя Пышма, Среднеуральск, Сысерть, Белоярский, Дегтярск. Предполагается, что образование «Большого Екатеринбурга» позволит снять определенные противоречия, возникающие между муниципалитетами, и одновременно облегчит решение ряда социально-экономических проблем. Например, ежедневная деловая и досуговая миграция делают пространство разных близлежащих городов единым. Руководство муниципалитетов все чаще сталкивается с ситуациями, когда удовлетворение разнообразных потребностей горожан становится общим вопросом для двух и более территорий.

Интересным может стать обсуждаемый проект «Уральское созвездие», продвижением которого занимается Правительство Свердловской области при поддержке Полномочного представительства Президента РФ в Уральском федеральном округе. Данный проект должен объединить все столицы регионов УрФО и Пермского края.

В настоящее время при поддержке правительств Челябинской и Свердловской областей также ведутся предпроектные работы создания Уральской скоростной магистрали между Челябинском и Екатеринбургом, которая станет реальным воплощением конкурентного сотрудничества двух областей.

Известны случаи успешного сотрудничества в разработке и реализации межрегиональных стратегических проектов нескольких конкурирующих территорий. Например, в Уральском фармацевтическом кластере, созданном в Свердловской области, объединены 25 предприятий не только из Свердловской, но и Челябинской областей. А в строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали «Екатеринбург – Москва», проектируемой по инициативе Свердловской области, выразили намерение участвовать Владимирская и Нижегородская области, республики Татарстан и Башкортостан. В октябре 2013 г. открыта трасса Ивдель – Ханты-Мансийск, которая даст мощный импульс развитию двух крупнейших регионов Уральского федерального округа (Югра и Свердловская область), принимающих участие в ее строительстве.

Удачным проектом формирования конкурентного сотрудничества территорий можно считать реализацию межрегиональной программы

«Сотрудничество». В целях развития программы 25.06.2013 был подписан дополнительный договор между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого АО. Тем самым действие первоначального договора, заключенного еще в 2004 г., продлено до 31.06.2020. Подписанный документ стал одним из важных условий сохранения устойчивого социально-экономического развития трех регионов, его действие развивается по 11 направлениям, среди которых наиболее перспективным является развитие инфраструктуры, прежде всего транспортной.

Понимание и использование *потенциала сотрудничества* делают регионы более гибкими и способными своевременно реагировать на вызовы и изменения мировой и национальной экономики, а также превзойти конкурирующие регионы не только по результатам деятельности, но и по уровню компетенций, что *создает условия конкурентного превосходства в будущем*. Сотрудничество территорий позволяет создавать дополнительные ценности для регионов и городов в рамках взаимодействия.

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА: РОЛЬ ИННОВАЦИЙ И ИНВЕСТИЦИЙ

*Вечкинзова Е.А., к.э.н.
КУ Болашак, Караганда
Горидько Н.П., к.э.н.
ИПУ РАН, Москва*

Последние тенденции экономического развития в Республике Казахстан свидетельствуют о необходимости пересмотра промышленной политики. Рост производительности замедлился, достигнув самого низкого уровня за последние годы. Отраслевая и географическая мобильность способствовали сохранению положительной динамики рынка труда и сокращению бедности. Рост сектора услуг в городах обеспечивает создание рабочих мест и сокращение безработицы.

В настоящее время страной принят курс на переход к новым концепциям территориального развития - умная специализация¹. Политика умной специализации направлена на проблему фрагментации и дублирования инноваций, что в конечном итоге приводит к отсутствию эффективности научных исследований из-за невозможности иметь критическую массу знаний.

Авторы считают, что инновационная политика не может быть одинаковой по отношению к регионам, которые отличаются своим инновационным профилем, способностью и специализацией. Сегодня региональное развитие зависит от баланса между обучением персонала, исследованиями, промышленными и бизнес-стратегиями.

Исследования, проведенные авторами, показывают снижение эффективности кластерной модели за счет ряда проявлений слабых

¹ Laura de Dominics, "Smart Specialisation and regional opportunities" 2nd Annual Conference INTERREG IVC Mini-Programme "Brain Flow" OECD Synthesis Report on Innovation Driven-Growth in Regions: the Role of Smart Specialisation (2013)

инновационных особенностей. Кластеры могут не совпадать с наиболее перспективными направлениями инновационного развития².

Традиционные отрасли доминируют в доступе к ресурсам в кластерной модели. Кластерный подход часто ограничивает межрегиональную связь и порождает приоритет продвижения доступных предметов на создание новых. Целью исследования было определить те регионы, в которых совместные инвестиции вносят наибольший вклад в экономическое развитие, поддерживая исследования, разработки и инновационную деятельность в определенных областях специализации

Для перехода к инновационному пути развития важно выяснить, какую роль играют инновационные факторы в развитии промышленных регионов Казахстана. Некоторые из этих регионов развиваются за счет интеллектуальных усилий, для других - основой являются сами нововведения, а другим не хватает как научных разработок, так и их практической реализации.

В основу кластеризации регионов ранее были положены различные принципы как то: обеспеченность транспортной инфраструктурой³, эффективность использования факторов производства⁴. Во втором случае определялась эластичность ВРП по каждому из трех изучаемых факторов производства (труду, капиталу и информации) путем построения для каждого региона однофакторных производственных функций типа Кобба-Дугласа без свободного члена.

В данном исследовании в качестве признаков кластеризации взят мультипликатор ВРП регионов Казахстана по одному из двух стоимостных факторов: внутренним затратам на научные исследования и разработки и инвестициям в основной капитал. При этом мультипликатор был определен как отношение прироста объема ВРП к приросту каждого из факторов:

$$m_I = \frac{\Delta Y}{\Delta I}; \quad m_K = \frac{\Delta Y}{\Delta K},$$

где m – мультипликатор ВРП по определенному фактору;

ΔY – приращение объема ВРП за исследуемый период;

ΔI – приращение внутренних затрат на исследования и разработки за исследуемый период;

ΔK – приращение инвестиций в основной капитал в исследуемом периоде.

С целью определения изменения позиции региона в динамике мультипликаторы определялись исходя из приращений за два временных промежутка: 2012-й год по отношению к 2009-му и 2015-й год по отношению к 2012-му. В итоге по регионам Республики Казахстан авторы получили значения, приведенные в таблице 1.

² А.Зинченко. «Smart специализация»: Концепция развития регионов в Европе <http://www.researchclub.com.ua/journal/135>

³ Горидько Н.П., Рослякова Н.А. Факторы развития российских регионов: роль инноваций и транспортной инфраструктуры: Монография / Под ред. Р.М. Нижегородцева. – М.: Национальный институт бизнеса, 2014. – 440 с.

⁴ Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М., Цукерман В.А. Инновационные векторы экономического роста северных регионов: возможности, оценки, прогнозы – Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН, 2013. – 199 с.

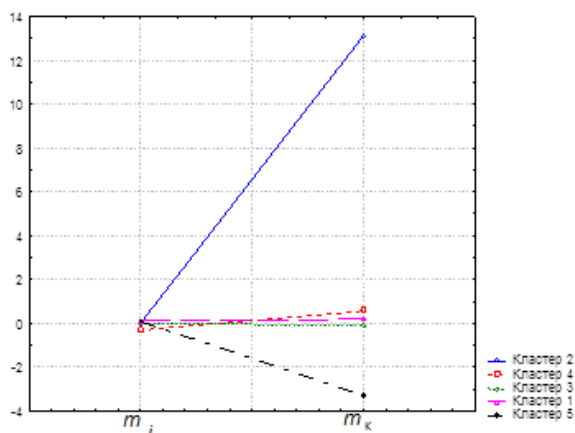
Таблица 1

Мультипликаторы ВРП регионов Республики Казахстан по затратам на НИОКР и инновации и инвестициям в основной капитал

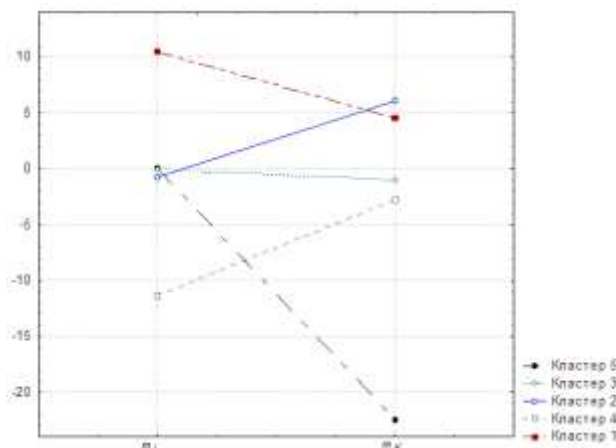
Регион	2012-2009 гг.		2015-2012 гг.	
	m_I	m_K	m_I	m_K
Акмолинская обл.	-0,08	-0,09	0,48	6,03
Актюбинская обл.	-0,08	-0,19	-3,00	-1,11
Алматинская обл.	0,11	-0,08	10,45	4,63
Атырауская обл.	0,01	-0,01	-0,10	0,71
Западно-Казахстанская обл.	-0,04	-0,04	1,66	1,03
Жамбылская обл.	-0,03	-0,04	-0,17	12,48
Карагандинская обл.	0,01	13,13	1,45	-4,57
Костанайская обл.	-0,03	-0,36	0,85	-5,90
Кызылординская обл.	0,08	-3,29	-11,39	-2,74
Мангистауская обл.	0,02	-0,09	0,10	-21,00
Южно-Казахстанская обл.	0,02	-0,05	0,68	4,15
Павлодарская обл.	-0,31	0,57	-0,93	1,26
Северо-Казахстанская обл.	0,29	0,32	-4,84	4,39
Восточно-Казахстанская обл.	0,00	0,13	-0,13	1,81
г. Астана	0,00	0,12	0,15	3,30
г. Алматы	0,00	-0,06	0,02	-23,85

Как видим, для различных регионов в разные периоды времени по отдельным показателям характерны как положительные, так и отрицательные значения мультипликатора. К примеру, увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки в Карагандинской области на 1 тг с 2009 по 2012 год приводили к росту ВРП на 0,01 тг, а с 2012 по 2015 год – на 1,45 тг, т.е. отдача от такого рода затрат значительно возросла, регион становится более эффективным в части расходования средств на указанные цели. Но при этом рост инвестиций в основной капитал на 1 тг с 2009 по 2012 год давал приращение ВРП на 13,13 тг. В следующий период этот показатель снизился, более того, стал отрицательным, т.е. 1 тг приращения инвестиций в основные средства приводят к падению ВРП на 4,57 тг. Это может быть вызвано различными причинами, которые необходимо анализировать отдельно, это может быть просто сжатие инвестиций, при котором ВРП продолжал рост за счет других факторов, в т.ч. инновационных, технологический уровень основных средств, в которые происходит инвестирование и т.д.

На основании данных, приведенных в таблице 1, была проведена кластеризация регионов с помощью ППП Statistica по методу k-средних, в результате чего получены различные кластеры для двух временных периодов (рис. 1: а) 2012-2009 гг., б) 2015-2012 гг.). Значения k-средних см. в таблицах 2 и 3.

а) 2012-2009 гг.

б) 2015-2012 гг.

Рис. 1. График к-средних мультипликаторов ВРП для регионов Республики Казахстан

Таблица 2

Значения к-средних факторных мультипликаторов ВРП за 2012-2009 гг. для регионов Республики Казахстан

Переменная	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
m_I	0,10	0,01	-0,01	-0,31	0,08
m_K	0,19	13,13	-0,10	0,57	-3,29

Таблица 3

Значения к-средних факторных мультипликаторов ВРП за 2015-2012 гг. для регионов Республики Казахстан

Переменная	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
m_I	10,45	-0,74	-0,02	0,06	-11,39
m_K	4,63	6,07	-0,97	-22,42	-2,74

Итак, в результате кластеризации были выделены следующие группы регионов:

- I. Промышленные (Кластер 2), в которых инвестиционный мультипликатор ВРП высокий, а мультипликатор затрат на исследования и разработка мало отличается от нуля. В первом из исследуемых периодов этот кластер составляла Карагандинская обл., во втором (с более низкой отдачей от инвестиций в основной капитал) – 5 регионов: Акмолинская, Жамбылская, Южно-Казахстанская, Северо-Казахстанская области и г. Астана.
- II. Стагнационные (Кластер 3). В них ни расходы на науку, ни инвестиции не приносят должной отдачи, мультипликатор ВРП по этим затратам отрицательный, но мало отличительный от нуля. В первом периоде в эту группу вошли большинство регионов Казахстана: Акмолинская, Актюбинская, Алматинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Жамбылская, Костанайская, Мангистауская, Южно-Казахстанская обл. и г. Алматы. Во втором периоде группа сократилась за счет перемещения в Кластер 2 Акмолинской, Жамбылской и Южно-Казахстанской областей, по видимому, в них инвестиции в основной капитал стали более эффективны; выделения в отдельный кластер (Кластер 1 на рис. 1б)) Алматинской обл.; выделения в отдельный Кластер 5

- Мангистаустской обл. и г. Алматы. В то же время в кластер вошли ранее промышленная Карагандинская обл., Павлодарская обл.
- III. Рецессионный (Кластер 5), где отдача от факторов преимущественно отрицательна и вложение денег в любой вид деятельности приводит только к уменьшению валового выпуска в регионе. Этот кластер стабильно занимает лишь одна Кызылординская обл. и, судя по показателям, её положение со временем только усугубляется.
 - IV. В период 2012-2009 гг. отдельный Кластер 4, названный авторами неинновационным, занимала Павлодарская обл., которая в дальнейшем еще более ухудшила свои позиции по отдаче от внутренних затрат на научные исследования и переместилась, как было сказано ранее, в разряд стагнационных регионов. Впрочем, в этом регионе заметно увеличение отдачи от инвестиций в основной капитал.
 - V. В тот же период явно выделялась группа потенциально растущих регионов (Кластер 1, рис. 1а)): Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская обл. и г. Астана. Как было сказано выше, два из этих регионов реализовали свой промышленный потенциал и переместились в кластер 2, а Восточно-Казахстанская обл. присоединилась к группе стагнационных регионов.
 - VI. В 2015-2012 гг. в Кластер 1 выделилась Алматинская обл. за счет значительного роста мультипликатора по двум изучаемым факторам, данную группу авторы назвали быстрорастущей.
 - VII. В то же время значительно снизилась отдача от инвестиций в основной капитал в Мангистаустской обл. и г. Алматы, они составили отдельный – антипромышленный Кластер 4 (рис. 1б).

АДАПТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ РЕГИОНА НА ПРИНЦИПАХ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

*Гребенкин А.В., д.э.н.
Блинков И.О.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Реализация региональной промышленной политики предполагает высокий уровень мультисубъектности, т.е. самоорганизации экономических агентов. Самоорганизация на базовом уровне проявляется, прежде всего, как феномен адаптации к рыночным условиям. Промышленные предприятия выбирают партнеров (поставщиков сырья и полуфабрикатов), устанавливая с ними взаимовыгодные отношения, образуя тем самым сетевые структуры. Адаптивное управление в таких сетях – это «взаимоприлаживание» агентов с целью получения синергетического эффекта.

В экономической науке традиционно выделяли два механизма межфирменной координации: рыночный и иерархический. Относительно недавно был сформулирован новый механизм координации субъектов на промышленных рынках – смешанный, или гибридный.

¹ Статья подготовлена в соответствии с планом НИР ИЭ УрО РАН "Разработка и обоснование теоретической концепции мультисубъектной промышленной политики на основе резонансных эффектов в условиях новой индустриализации" № 0404-2015-0014 в ИСГЗ ФАНО

Рыночный механизм представляет собой переговорный механизм координации, при котором независимые экономические субъекты взаимодействуют между собой с целью достижения личных целей посредством заключения формальных контрактов, которые призваны регулировать их отношения. При этом каждый контракт может быть разорван в пользу более выгодного предложения, имеющегося на рынке. Следовательно, важной составляющей механизма, регулирующего поведение экономических агентов, является конкуренция.

В иерархических структурах используется принципиально иной механизм управления, основанный на вертикальной властной пирамиде, выстроенной по принципу подчинения. Основным инструментом, связывающим эту структуру и делающим ее устойчивой, являются отношения собственности на активы.

Смешанные механизмы координации основаны на симбиозе в различной степени рыночных и иерархических механизмов. Организации, использующие смешанный механизм координации, являются результатом трансформации двух крайних типов организации взаимодействия, возникающие по двум диаметрально противоположным направлениям².

С одной стороны, смешанная форма организации может возникнуть путем более интенсивного сотрудничества экономических агентов в рамках обменов, изначально координировавшихся рынком. В результате устанавливаются более длительные контрактные отношения, сохраняющие автономность сторон, но предполагающие создание специфических мер предосторожности, препятствующих оппортунистическому поведению участников и обеспечивающих адаптацию к изменяющимся обстоятельствам рынка.

С другой стороны, смешанная форма организации может возникнуть как результат трансформации внутренних функций, когда отдельное предприятие вынуждено реагировать на вызовы растущей внешней динамичности. Процесс трансформации может означать как переход к рыночному механизму координации, так и возникновение стабильных долгосрочных взаимоотношений.

О. Уильямсон, анализируя деятельность гибридных организаций, выделил три основные формы управления взаимодействием: (1) с позиции силы; (2) на основе достоверных обязательств; (3) посредством щадящего (мягкого) воздействия³. Силовой подход основан на доминировании одной из сторон, как правило, крупной фирмы, диктующей в безапелляционной манере условия сделки более слабым участникам отношений и не дающей определенных гарантий в случае прекращения отношений в условиях возникновения непредвиденных обстоятельств. Подобный подход является неэффективным с позиции инвестиций в специфические ресурсы и стратегий специализации, основанных на взаимодополняемости, порождает разнообразные упущенные выгоды, вызванные рисками и недоверием.

Следующие две формы организации межфирменных взаимоотношений рождаются отсутствием «недоброжелательности», открывающей двери для развития потенциала сотрудничества. Достоверные обязательства используются в целях смягчения эффектов потенциальных и реальных угроз, а подход, основанный на щадящем воздействии, обеспечивает гибкость взаимоотношений к непредвиденным обстоятельствам. В обоих случаях власть заменяется

² Шерешева М.Ю. Межфирменные сети.- М., 2006. – С.135.

³Уильямсон О.И. Аутсорсинг: транзакционные издержки и управление цепями поставок // Российский журнал менеджмента, 2010. – №1. – С.71-92.

доверием, которое обеспечивает устойчивость сотрудничества и получение взаимных выгод.

Из сказанного выше можно заключить, что качество взаимодействия проявляется в разнообразных синергетических эффектах кооперации, вытекающих из комплементарности участников. Достижение данных эффектов становится более вероятно, если организация хозяйственной деятельности между участниками строится на принципах партнерства.

Поэтому из всех существующих организационных источников повышения потенциала адаптации мы выделяем партнерские отношения как эффективную форму взаимодействия, обеспечивающую конкурентное сосуществование промышленных предприятий. Под ними следует понимать межфирменную кооперацию, организованную путем объединения комплементарных ресурсов и компетенций юридически независимых предприятий, что подразумевает разработку механизмов отбора участников межфирменного взаимодействия, которые должны обеспечить выполнение требований соответствия сторон; разработку стратегического и оперативного плана совместного развития; организацию информационного обмена как инструмента согласования действий и обеспечение прозрачности деятельности для ее участников, а также разработку системы межфирменных норм и правил взаимодействия.

Опираясь на подходы к пониманию межфирменного взаимодействия и партнерских отношений, выделим ряд ключевых принципов, уточняющих их содержательную сторону, акцентировав внимание на возможности развития потенциала адаптации промышленного предприятия к условиям нестабильной экономической и социально-политической ситуации.

Межфирменные сетевые отношения базируются на соглашениях между юридически автономными предприятиями, совместно использующими или обменивающимися технологиями, капиталом, товарами или услугами. Их характеризует наличие общих интересов и желания сотрудничать. Большим синергетическим потенциалом обладают партнерские отношения, объединяющие уникальные ресурсы и фирменно-специфические возможности. При этом объединение ресурсов юридически обособленных партнеров имеет смысл только при условии ориентации на долгосрочные отношения.

Организационная деятельность в таких отношениях осуществляется посредством межфирменной координации и сотрудничества, так что ключевые инвестиционные решения должны приниматься совместно. Равноправность участников в принятии решения и распределении выгод является базовой предпосылкой сетевого взаимодействия.

Отношения между предприятиями на принципах партнерства включают в себя элементы совместного планирования, которое может касаться затрат, используемых технологий, стандартов качества, обучения персонала и пр. При этом специализированный орган управления является важным элементом в архитектуре партнерских отношений. Критическим моментом для обеспечения взаимодействия между партнерами является разработка адекватной системы коммуникаций, включая технические каналы обмена информацией.

Принцип справедливости распределения ответственности и вознаграждения является решающим для ориентации партнерства на долгосрочный период взаимодействия. Значимым элементом координационной системы сетевых отношений между предприятиями, обеспечивающим им устойчивое функционирование, является доверие, которое заменяет дорогостоящую систему мониторинга в иерархических (вертикально-

интегрированных) структурах. Данный механизм основывается на репутации, добровольных обязательствах партнеров, межличностном контакте, а также он обеспечивается прозрачной информационной системой внутри сети.

В совокупности описанные выше принципы отражают содержательную сторону сетевых отношений между предприятиями и определяют их преимущества. Прежде всего, такие отношения обеспечивают предприятиям доступ к более разнообразным ресурсам, чем они могли бы иметь в отдельности. Специализация предприятия на определенном этапе производственного процесса создания стоимости, на его ключевой компетенции, способствует росту общей эффективности производства и созданию новой ценности на базе мультипликативных эффектов.

Специфические механизмы координации деятельности партнеров, такие как организация информационного обмена, эффективные социальные связи, механизмы адаптации к непредвиденным обстоятельствам, установление доверия на основе признаваемых всеми участниками норм, правил и ценностей, в значительной степени способствуют снижению издержек коммуникации и контроля. Мотивационные механизмы, ориентирующие на сохранение долгосрочных отношений, позволяют эффективно решать проблему оппортунистического поведения. В качестве такого мотива выступает достижение разнообразных долгосрочных выгод, которые может получить предприятие в результате установления тесных, устойчивых отношений кооперации внутри сетевых отношений. Кроме того, высокая степень открытости между участниками сетевого взаимодействия, являющаяся следствием информационной прозрачности, значительно затрудняет уклонение от обязательств.

Таким образом, авторы считают, что сетевые отношения, построенные на партнерских началах, способны обеспечить эффективную адаптацию к быстро изменяющимся условиям. При этом эффективность достигается за счет объединяющего использования положительных эффектов кооперации собственников взаимодополняющих ресурсов, при сохранении рыночных стимулов, основанных на праве собственности и принципах конкуренции.

На основе подхода Дж. Г. Беннета, предполагающего формирование единого целого пространства факторов через сочетание трех независимых элементов, оказывающих задающее, согласующее и утверждающее влияние на элементы данного пространства, была разработана модель повышения потенциала адаптации промышленного предприятия, в основе которой лежит синергетический потенциал сетевых отношений. Данная модель состоит из трех основных элементов, при взаимодействии которых задающий элемент определяет базовые условия и основные мотивы сетевых партнерских отношений. Согласующий элемент устанавливает регулирующие механизмы внутри сети и трансформирует условия формирования отношений в желаемый результат. Воспринимающий элемент отражает результат функционирования системы сетевых отношений между предприятиями. Под этим результатом следует понимать адаптивность предприятия: к требованиям потребителей; к диверсификации производства; к инновационным технологиям и производству инновационной продукции; к поиску инвестиций; к новым условиям производственной деятельности. При этом особое внимание было уделено проработке согласующего элемента, а именно его институциональным, управленческим и коммуникационным характеристикам, взаимосвязи между ними. Модель наглядно демонстрирует природу возникновения эффекта

синергии, способствующего повышению потенциала адаптации промышленного предприятия.

Подход, лежащий в основе данной модели формирования потенциала адаптации промышленного предприятия, был использован для выявления особенностей системы отношений трех промышленных предприятий Свердловской области (ОАО «Уралбурмаш», ОАО «СИЗ» и ОАО «Артинский завод») с их крупнейшими поставщиками.

Оценка задающего элемента позволила определить характер отношений с каждым из поставщиков, выделив из их числа тех, отношения с которыми характеризуются высоким уровнем взаимозависимости партнеров. Например, наибольшее значение для ОАО «Уралбурмаш» имеют отношения с предприятиями ОАО «Кузнецкий роликовый завод» и ОАО «Кировградский завод твердых сплавов», обладающие высоким потенциалом создания значительного синергетического эффекта.

Оценка согласующего элемента позволила разделить стратегии сетевого взаимодействия с поставщиками по трем типам: рыночное взаимодействие, смешанные стратегии взаимодействия, партнерские отношения. Так, в частности, стратегию построения тесных партнерских отношений ОАО «Уралбурмаш» реализует в отношении ОАО «Кировградский завод твердых сплавов» и ОАО «Кузнецкий роликовый завод».

В целом, стратегии организации сетевых отношений соответствуют ресурсным характеристикам отношений. Для отношений общего характера используются стратегии, основанные на традиционном рыночном обмене; для специфицированных отношений используются смешанные стратегии, предполагающие более тесное взаимодействие партнеров; для отношений, имеющих идиосинкразический характер, выбираются стратегии построения тесных партнерских отношений.

Адаптивность сетевых партнерских отношений к изменяющимся условиям имеет решающее значение, что определяет значимость неформализованных отношений и механизмов разрешения споров. Формальные соглашения являются только рамками отношений, поэтому необходимы дополнительные механизмы адаптивного управления промышленными предприятиями региона на принципах сетевого взаимодействия. Таким образом, сетевая мультисубъектность повышает уровень адаптации промышленных предприятий региона к изменениям внешней среды, тем самым облегчая реализацию государственной региональной промышленной политики, направленной на обеспечение устойчивости бизнеса и нахождение взаимосвязанных сетевых инновационных решений.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА В РЕЙТИНГЕ THE GLOBAL INNOVATION INDEX

*Искаков А.
Университет Нархоз, Казахстан, Караганда*

15 июня 2017 г. в штаб-квартире ООН в Женеве был представлен десятый ежегодный отчет The Global Innovation Index (англ. – Глобальный индекс инноваций, далее - GII)¹.

GII выпускается консорциумом в составе INSEAD (Франция), Корнельского университета (США) и Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ООН) при поддержке ряда международных партнеров, таких как PricewaterhouseCoopers, Strategy& и др. с 2007 г. За годы существования данная система ранжирования стала одним из главных показателей оценки уровня инновационного развития национальных экономик стран мира.

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим положение Казахстана в рейтинге GII-2017 и проанализируем динамику оцениваемых показателей в сравнении с 2012 г. При написании статьи использованы общенаучные методы эмпирического исследования, теоретического познания, логические методы и приемы, а также метод системного анализа, методы сравнений, аналогий, обобщений и т.д.

Прежде чем представить сами результаты исследования, рассмотрим результаты некоторых исследований в сфере инновационного развития и развития инновационных кластеров.

Вечкинзова Е.А. отмечает значимость инновационного предпринимательства как одного из главных факторов инновационного развития². Инновационное предпринимательство выражается в коммерциализации новых идей и технологий, производстве новой продукции и сервисов.

Также в работе Вечкинзовой Е.А. были обобщены результаты исследований таких авторов как Лундвалл Б.-А., Кругман П.Р., Портер М. и Обстерфельд М., а также Зинченко А. и выявлен новый тренд в развитии инноваций в территориальных объединениях – «умная специализация» (сма́рт-специализация). Под «умной специализацией» понимается такой выбор векторов развития региона, объединенные инвестиции в который могут принести наибольший совокупный вклад в экономику. Под вкладом в экономику региона в данном контексте понимается финансирование исследований, разработок и инновационной деятельности в рамках специализации и развитие соответствующей инфраструктуры.

Региональный подход к кластеризации во многом основан в учете региональной специфики по инновационному профилю (специализации), а также уровню потенциала региона. При этом стоит принять во внимание тот факт, что в кластерной модели традиционные для данного региона отрасли экономики изначально доминируют в доступе к рынкам труда, капитала и иных ресурсов.

¹ The Global Innovation Index [Электронный ресурс] // 2017 Report – URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2017-report> (дата обращения: 17.07.2017).

² Вечкинзова Е.А. Индустриально-инновационная инфраструктура территорий: концептуальная модель функционирования // Управленец. 2013. № 6 (46). С. 21-26. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21087746_37848641.pdf (дата обращения: 17.07.2017).

Также кластерный подход может ограничивать развитие межрегиональных (межкластерных) связей и отдавать приоритет развитию существующих субъектов перед созданием новых.

Как отмечают Кох Л.В. и Просалова В. С., при реализации инновационного потенциала через кластерные и иные коллаборационные структуры следует принимать во внимание их долгосрочный характер. В той же работе отмечается, что для эффективного управления инновационными процессами требуется разработка системы оценки инновационного потенциала, позволяющей осуществлять входящий и текущий мониторинг деятельности субъектов инновационной деятельности³.

Прежде всего, следует отметить следующие факторы, оказывающие прямое влияние на предмет и объект настоящего исследования. В рейтинге 2012 г. ранжируются 137 стран, в то время как в рейтинге 2017 г. участвуют только 127. Методология оценки, а именно формулировки критериев многофакторного интегрального индекса различаются в нескольких графах оценки, как на уровне подкатегории, так и на уровне отдельных критериев. В связи с тем, что изучение изменений методологии оценки не является предметом настоящего исследования, в рамках настоящей статьи не рассматриваются значения подкатегорий отдельных, а также подкатегорий, имеющих разночтения в формулировках.

Рассмотрим динамику показателей Республики Казахстан в Global Innovation Index (далее – GII) 2017 г. сравнительно с аналогичными показателями 2012 г. (см. Табл. 1).

Таблица 1

#	Название	Рейтинг 2012	Рейтинг 2017	Динамика
1	Institutions	52	55	-3
1.1	Political environment	83	57	+26
1.2	Regulatory environment	65	54	+11
1.3	Business environment	23	31	-8
2	Human capital & research	85	71	+14
2.1	Education	69	78	-9
2.2	Tertiary education	78	57	+21
2.3	Research & development (R&D)	118	55	+63
3	Infrastructure	58	60	-2
3.1	Information & communication technologies (ICTs)	27	46	-19
3.2	General infrastructure	58	49	+9
3.3	Ecological sustainability	123	94	+29
4	Market sophistication	92	80	+12
4.1	Credit	102	105	-3
4.2	Investment	82	53	+29
4.3	Trade & competition	67	52	+15
5	Business sophistication	116	87	+29

³ Кох Л. В., Просалова В.С. Инновационная деятельность кластеров в России и принципы ее осуществления // Вестник ЗабГУ. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-deyatelnost-klasterov-v-rossii-i-printsipy-ee-osuschestvleniya> (дата обращения: 17.07.2017).

5.1	Knowledge workers	69	58	+11
5.2	Innovation linkages	82	121	-39
5.3	Knowledge absorption	39	89	-50
6	Knowledge & technology outputs	85	88	-3
6.1	Knowledge creation	103	64	+39
6.2	Knowledge impact	54	101	-47
6.3	Knowledge diffusion	97	69	+28
7	Creative outputs	119	95	+24
7.1	Intangible assets	-	99	-
7.2	Creative intangibles	114	-	-
7.3	Creative goods & services	109	107	+2
7.4	Online creativity	85	72	+13

Как мы видим, интегральный показатель рейтинга сформирован из 7 категорий и 49 подкатегорий (включая п. 7.1 и 7.2). Казахстан занял 83 место в 2012 г. и 78 место в 2017 г., что в целом является положительной динамикой и может свидетельствовать о развитии и реализации инновационного потенциала национальной экономики. Однако для более наглядной оценки сопоставим величины среднего значения и медианы балльных оценок всех участников рейтинга за соответствующий год (см. Табл. 2)

Таблица 2

Наименование	2012 г.	2017 г.
Стран в рейтинге, количество	141	127
Казахстан, место в рейтинге	83	78
Казахстан, баллы	31,9	31,5
Медиана, баллы	58,7	24,2
Среднее арифметическое, баллы	36,9	36,93

Табличные значения говорят о том, что в сравнении с 2012 г. в 2017 г. значение медианы оказалось ниже в 2,42 раза, что можно отнести к изменениям методологии оценки и количества стран, включенных в рейтинг. В рейтинг 2017 г. не вошли 16 стран индексированных в рейтинге за 2012 г., из которых 2 находились выше Казахстана в рейтинге, что также способствовало динамике позиций, и добавилась 1 страна, не входящая в рейтинг 2012 г. Все эти страны не входили в первую половину списков.

В 2012 и 2017 гг. позиции Казахстана в рейтинге GII находятся во второй половине рейтингов. Принимая вышесказанное во внимание, утверждение о существенных изменениях позиций выглядит несколько менее аргументированным, рассмотрим относительные значения балльных оценок более предметно (см. Табл. 3).

Таблица 3

Наименование	2012 г.	2017 г.
Позиция Казахстана, баллы	31,9	31,5
Медиана рейтинга, баллы	58,7	24,2
Среднее арифметическое рейтинга, баллы	36,9	36,93
Балльная оценка Казахстана к медиане, %	54,34	130,16
Балльная оценка Казахстана к среднему, %	86,45	85,3

В заключении хотелось бы отметить, что Казахстану следует ориентироваться именно на международные, мировые рейтинги, где уровень конкуренции значительно выше, чем в их региональных аналогах. Лидерство в Центральной Азии в том или ином направлении не может являться существенным достижением для страны и в связи с этим требуется повышать планку.

В дальнейшем, в целях разработки рекомендаций, направленных на корректировку стратегии развития и реализации инновационного потенциала национальной экономики Республики Казахстан, планируется провести работу в части анализ целей, задач и систем ключевых показателей эффективности, действующих программных и стратегических документов, а также их сравнение с действующей методологией оценки GII. Также автором настоящей работы считается целесообразным проведения функционально-институционального анализа программных и стратегических документов, направленных на развитие инноваций, науки, образования и человеческого капитала в Казахстане.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ УРБАНИЗАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

*Карпович Ю.В., к.э.н.
Лепихин В.В.
ПНИПУ, Пермь*

Рост и развитие современными учеными часто используются как слова-синонимы, хотя по существу рост и развитие преследуют разные цели. Так, рост можно рассматривать как расширение размеров территории за счет дополнительного использования земли и других природных ресурсов, увеличения этажности городской застройки, роста численности городского населения региона и пр. С другой стороны, развитие можно рассматривать как улучшение условий жизни посредством роста уровня доходов, совершенствования среды обитания, повышения уровня образования, сохранения культуры, общественной безопасности.

В настоящее время крупные города представляют собой национальные и мировые центры социальной жизни, а рост роли городов в современном мире представляет собой феномен территориальной концентрации глобального контроля над социально-экономическими и политическими процессами и развитием целых регионов. Процессы урбанизации являются результатом концентрации и взаимосвязи экономического, демографического и политического потенциалов определенной территории, поэтому оценка экономического состояния страны или конкретной территории во многом зависит от особенностей и уровня развития процесса урбанизации¹.

¹ Асеева О.Ю. Мониторинг и перспективы развития урбанизации в регионах России// Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 4 (21). С. 298-308.

Сторонники урбанизации как фактора роста городов настаивают на том, что их урбанизация способствует развитию местной экономики². Однако это привлекательное, но ошибочное предположение, поскольку существование «неблагоприятных» для проживания городских районов показывает, что рост не обязательно приводит к развитию.

Как было заявлено Всемирным Банком в новой «проурбанистической» стратегии еще в 2000 году: «Урбанистическое развитие может иметь как положительные, так и отрицательные последствия для окружающей среды, равно как и для социального обеспечения и экономики. Баланс зависит от того, как им управляют»³. Города действительно можно рассматривать как место, где будет происходить экономическое, демографическое, социальное и экологическое развитие общества. Это актуализирует вопрос взаимосвязи и взаимозависимости этих четырех сфер: экономики, демографии, социальной сферы и экологии в свете процессов урбанизации, активно происходящих в большинстве стран мира, в том числе и в России.

Две трети населения Европы живут в городах, доля городского населения в Российской Федерации по данным государственной статистики на конец 2016 года составила 74%. Развитие городов становится приоритетным направлением большинства стран, поскольку города считаются основными движущими силами национального развития и предоставляют возможности для повышения уровня национального здоровья и благополучия.

Изучение динамики и взаимосвязи показателей урбанизации и регионального развития опирается на официальные данные Федеральной службы государственной статистики. Для анализа используются данные за период с 1998 по 2015 годы. В качестве показателя урбанизации выступает доля городского населения по округам РФ (таблица 1), а в качестве показателя регионального развития – динамика ВРП (таблица 2).

Таблица 1

Доля городского населения по округам РФ, %

Федеральный округ	Доля городского населения по округам РФ, %																	
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Центральный федеральный округ	77,9	77,8	79,0	79,5	79,9	79,9	80	80,4	80,9	81,0	81,2	81,4	81,5	81,6	81,7	81,8	81,8	81,8
Северо-Западный федеральный округ	82,1	82,1	82,1	82,2	82,3	82,2	82,2	82,6	82,9	83,0	83,2	83,3	83,6	83,7	83,8	83,9	84,1	84,2
Южный федеральный округ	59,7	59,6	59,4	58,1	57,5	57,1	56	62,3	62,3	62,4	62,4	62,4	62,5	62,5	62,6	62,8	62,9	63,0
Северо-Кавказский федеральный округ	48,9	48,9	48,7	48,9	49,0	49,0	49,1	49,4	49,4	49,3	49,3	49,3	49,2	49,2	49,2	49,1	49,1	49,1

² George Martine (2011) Preparing for sustainable urban growth in developing areas. Population Distribution, Urbanization, Internal Migration and Development: An International Perspective. UN. 6-27 <http://www.un.org/esa/population/publications/PopDistribUrbanization/PopulationDistributionUrbanization.pdf>

³ Guo, L., & Ma, H. (2008). Conflict between developing economic and protecting environment. Journal of Sustainable Development, 1(3), 91-97.

Приволжский федеральный округ	70,6	70,6	70,7	70,8	70,8	70,9	71,1	70,4	70,5	70,5	70,7	70,9	70,9	71,1	71	71,2	71,5	71,6
Уральский федеральный округ	80,2	80,3	80,4	80,5	80,7	80,6	80,5	79,6	79,6	79,7	79,7	79,8	80	80,2	80,3	80,7	80,9	80,9
Сибирский федеральный округ	71,8	71,5	71,4	71,3	71,2	71,1	71	71,2	71,3	71,3	71,9	71,9	72	72,2	72,4	72,5	72,7	72,8
Дальневосточный федеральный округ	75,8	75,8	75,8	75,8	75,9	74,3	73,3	74,4	74,4	74,4	74,6	74,7	74,8	74,9	75,1	75,3	75,5	75,5

Таблица 2

ВРП федеральный округов РФ, тыс. рублей

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Центральный федеральный округ	16,6	31,1	48,2	58,9	75,7	94,2	121,5	164,9	208,8	267,3	331,5	297,8	350,2	417,3	451,5	494,5	536,6	582,0
Северо-Западный федеральный округ	16,6	27,9	40,6	50,2	63,3	78,5	106,7	130,8	160,6	203,0	248,7	251,0	289,6	350,8	383,3	403,6	430,1	490,3
Южный федеральный округ	9,5	16,3	23,4	30,4	37,1	44,2	55,2	67,6	86,4	114,1	144,6	144,0	168,8	200,3	229,2	256,4	255,1	281,1
Северо-Кавказский федеральный округ	6,8	9,9	13,8	18,4	22,4	28,1	35,1	39,1	50,4	62,7	78,9	84,5	94,9	112,6	127,0	146,1	164,0	175,9
Приволжский федеральный округ	13,5	22,2	32,8	41,1	47,5	58,3	74,2	91,6	115,7	143,4	176,9	164,0	190,7	236,2	264,0	284,8	309,0	333,9
Уральский федеральный округ	25,1	41,6	69,3	90,1	107,8	134,7	182,5	254,1	307,4	350,8	398,8	360,9	423,5	521,2	583,2	619,5	662,5	730,6
Сибирский федеральный округ	14,6	22,8	33,7	41,7	49,3	60,7	82,6	99,6	125,7	154,7	178,4	175,8	214,4	249,4	269,2	287,3	317,8	349,5
Дальневосточный федеральный округ	20,4	33,7	44,9	57,7	70,2	84,5	103,2	127,2	155,4	200,1	241,6	273,4	334,9	403,6	431,8	454,1	516,7	572,2

Таблица 3

Корреляция доли городского населения и ВРП

Федеральный округ	Показатель корреляции
Центральный федеральный округ	0,892385
Северо-Западный федеральный округ	0,98872
Южный федеральный округ	0,744365
Северо-Кавказский федеральный округ	0,370826
Приволжский федеральный округ	0,738666
Уральский федеральный округ	0,167609
Сибирский федеральный округ	0,870791
Дальневосточный федеральный округ	0,015179

Проведя корреляционный анализ, можно увидеть, что связь между долей городского населения и валовым региональным продуктом присутствует. Она является прямой и умеренной, свидетельствуя о том, что при возрастании доли населения ВРП также будет расти, однако влияние роста городского населения на ВРП не так велико в таких округах РФ как Северо-Кавказский, Уральский и особенно Дальневосточный федеральные округа. Это свидетельствует о региональных различиях, определяющих факторы регионального экономического роста и о необходимости дополнительных исследований факторов регионального развития и их вклада в ВРП. Результаты таких исследований могут определить основные направления государственной политики регионального развития с учетом мобильности населения, а также политики в области жилья и транспортной инфраструктуры, которая напрямую влияет на привлекательность места проживания, особенно в городах. Эти факторы могут даже иметь определенное влияние на миграцию и мобильность, без ущерба их основным целям обеспечения качественных связей и условий жизни для населения.

О СТРАТЕГИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

*Корсакова Е. А., к.э.н.
УрГЭУ, Екатеринбург*

Переход России к новому качеству экономического роста требует теоретической разработки и практического решения широкого круга экономических проблем. Среди них важное место занимает проблема совершенствования территориального разделения труда.

Темпы экономического роста очень тесно связаны с разделением труда между регионами России. Территориальное разделение труда выступает как фактор экономического роста и средство повышения эффективности функционирования экономики. А снижение темпов экономического роста, эффективности производства вызвано часто недостаточным вниманием к территориальному разделению труда, к размещению производства.

Территория – это географическая основа, на которой развивается общественное производство. Территориальное разделение труда связано с тем, что в пределах одной страны, особенно имеющей такую большую территорию как Россия, не существует набора одинаковых условий необходимых для производства определенных видов продуктов. Это обусловлено различиями в обеспеченности территорий необходимыми средствами производства, природными и трудовыми ресурсами. Поэтому определенные отрасли производства закрепляются за определенными территориями, регионами страны. Так формируется система территориального разделения труда, происходит размещение производства, т. е. складывается определенная пространственная организация производства.

Как особая форма разделения труда, территориальное разделение труда основано на сочетании особенностей каждой территории страны и выражается в разделении труда между экономическими районами. Следствием территориального разделения труда является возникновение пространственных

экономических связей, т. е. связей по обмену продукцией и деятельностью между различными регионами страны.

Территориальное разделение труда связано с объективной необходимостью закрепления видов производства за определенными территориями, имеющими благоприятные сочетания всех видов ресурсов для развития этих видов производства, с целью повышения производительности труда и снижения издержек производства. При выборе варианта территориальной специализации осуществляется соизмерение затрат и результатов в денежной форме. Возникает объективная потребность в такой специализации районов, чтобы совокупные затраты на изготовление продукта и перемещение его по территории страны при данном технологическом укладе были наименьшими. Рациональная территориальная специализация оказывает непосредственное воздействие на снижение издержек производства.

Территориальное разделение труда создает условия для наиболее полного использования благоприятных региональных условий развития определенных видов производств. Реализация всех преимуществ, которыми обладают территории для производства определенной продукции, путем совершенствования территориального разделения труда создает условия для повышения темпов экономического роста не только в регионе, но и в масштабе страны.

Создание предприятий, развитие отраслей промышленности и сельского хозяйства происходит на определенных территориях, обладающих для этого необходимыми ресурсами. Но поскольку обеспеченность регионов ресурсами отличается, то вклад в процесс создания валового внутреннего продукта отдельных территорий не может быть одинаковым.

Отсутствие научно обоснованной стратегии территориального разделения труда приводит к отсутствию гармоничности в развитии районов страны, к неравномерному развитию территорий, что проявляется в гипертрофированном развитии одних территорий и образованию депрессивных регионов, из которых уходит капитал в другие регионы, приносящие высокие прибыли.

В экономической теории и хозяйственной практике не существует универсальных подходов к решению проблемы территориального разделения труда, не существует одинаковых методов и форм территориальной специализации для различных технологических укладов, т. е. единой универсальной стратегии территориального разделения труда. Невозможно тождество стратегии и системы территориального разделения труда периода 20-х годов XX века, периода научно-технической революции, начавшейся в середине XX века, и начала XXI века.

В XX веке система территориального разделения труда России неоднократно подвергалась изменениям вследствие коренных преобразований, происходивших в экономике. В конце XIX – начале XX века формирование системы территориального разделения труда было связано с завершением перехода экономики России к крупному машинному производству. В этой системе произошли серьезные изменения в результате процессов, связанных с социалистической индустриализацией в годы первых пятилеток и Великой Отечественной войны.

В ходе первых пятилеток происходило изменение сложившегося в дореволюционный период территориально разделения труда. К 1940 г. практически более половины объема промышленной продукции было произведено на предприятиях, вновь построенных или полностью

реконструированных. Так, например, на Урале были созданы Уральский завод тяжелого машиностроения, Челябинский тракторный завод.

В годы индустриализации, годы первых пятилеток строились в основном универсальные предприятия с многопредметной специализацией. Например, машиностроительные предприятия имели литейные, метизные, заготовительные, инструментальные, кузнечные цехи т. д. При технологическом укладе, который тогда существовал, создать иную систему территориального разделения труда, иную пространственную организацию производства было невозможно.

При достигнутом технологическом уровне производства в годы первых пятилеток инвестиции шли на развитие предприятий-комбинатов, т. е. основных производств, дающих металл и машины. Такое экономическое и технологическое решение было неизбежно, хотя в дальнейшем это сдерживало развитие межотраслевых производств и препятствовало гармоничному формированию территориально-производственных комплексов. При имеющихся объемах инвестиций проблему территориальной специализации в тот период времени можно было решить только таким образом.

Великая Отечественная война внесла существенные изменения в размещение производства по территории страны, что было связано с эвакуацией предприятий промышленности на Урал и в Сибирь. Вследствие этого произошли глубокие изменения в территориальной специализации этих регионов. Главное место в отраслевой структуре регионов заняло машиностроение.

В послевоенный период крупные изменения в системе территориального разделения труда были связаны с начавшейся научно-технической революцией и осуществлением крупных инвестиционных программ по индустриальному развитию территорий. Сформировавшаяся в эти годы система территориального разделения была подвергнута ломке в результате распада единого экономического пространства СССР и рыночного реформирования экономики.

Потребность в разработке новой стратегии территориального разделения труда в современных условиях в первую очередь обусловлена необходимостью повышения темпов экономического роста, перехода экономики России к новому более высокому технологическому укладу. Переход к инновационному типу экономического роста, существенное повышение темпов экономического роста, эффективности функционирования экономики страны и совершенствование территориального разделения труда представляют собой взаимосвязанный круг проблем.

Новая стратегия территориального разделения труда должна способствовать окончательному устранению негативных последствий ломки системы территориального разделения труда, разрушения пространственных экономических связей после развала СССР, поиску эффективных путей решения проблемы импортозамещения, преодолению последствий экономических санкций, более полной реализации принципа единства территориального и отраслевого управления.

Задача современной стратегии территориального разделения труда заключается в формировании необходимых условий для эффективного размещения производства по территории страны, для наиболее полного использования благоприятного сочетания ресурсов, имеющихся в различных районах страны для развития определенных видов производства, с целью

достижения высоких темпов экономического роста и повышения эффективности функционирования национальной экономики

Важная черта стратегии территориального разделения на современном этапе – создание оптимальной отраслевой структуры хозяйства области, края, республики или крупного экономического района, обеспечивающей высокие темпы экономического роста, высокую эффективность функционирования экономики страны.

Стратегия территориального разделения труда охватывает вопросы, касающиеся теории и практики планирования процессов территориального разделения труда, размещения производства по территории страны. Эта стратегия формулирует текущие и перспективные цели и задачи территориального разделения труда, определяет способы и формы реализации процессов территориального разделения труда, размещения производства, а также объемы необходимых инвестиций и их распределение по регионам и главным направлениям реализации стратегии.

Поскольку стратегия территориального разделения труда является составной частью экономической стратегии государства, то ее содержание должно учитывать требования повышения темпов экономического роста и эффективности функционирования национальной экономики, особенности современного этапа развития экономики страны.

Современная стратегия территориального разделения труда требует гибкой и рациональной специализации. В регионах необходимо создать не случайный набор, а совокупность оптимальных по размерам высокоспециализированных производств, которые обеспечивали бы достижение высокой эффективности. Очень важным является формирование на региональном уровне такого сочетания производств, связанных между собой экономически и технологически, которое бы способствовало их пропорциональному развитию, рациональному использованию побочных продуктов и отходов производства, трудовых и природных ресурсов, экономически обоснованному кооперированию предприятий региона.

Формирование оптимального сочетания высокоспециализированных предприятий в пределах региона, достижение эффективной пропорциональности между ними обеспечит совершенствование и развитие производства на новом технологическом уровне, а это одно из главных условий экономического роста.

В регионе необходимо также обеспечить единство направлений экономического развития предприятий различных отраслей, представленных в регионе, их рациональную территориальную специализацию, а также комплексность развития хозяйства региона, вытекающую из общности природных ресурсов, географического положения предприятий и т. д.

Современная стратегия территориального разделения труда должна учитывать достижения развития науки и техники, способствовать переходу к инновационному типу экономического роста. Создание условий для перехода экономических регионов к новому технологическому укладу требует учета при разработке стратегии территориального разделения труда тех коренных, качественных изменений, которые происходят в системе территориального разделения труда под воздействием развития науки и техники. Для выработки эффективной стратегии территориального разделения труда необходимо глубокое исследование, последовательное изучение направлений влияния инноваций на территориальное разделение труда.

Наука через внедрение технологических инноваций влияет не на какой-то один фактор территориального разделения труда, а на многие, изменяя и преобразуя технологию и взаимосвязи в процессе создания продукта. Это влияние происходит не непосредственно, а через сложную и взаимосвязанную систему факторов.

Изменение в технологической основе производства, т. е. переход к другому технологическому укладу оказывает воздействие на сложившуюся систему территориального разделения труда, на все факторы и условия размещения производства по территории страны. Количественные и качественные изменения в технологии производства усиливают действие одних факторов территориального разделения труда, размещения производства и ослабляют действие других.

Стратегия территориального разделения труда должна опираться на научную основу, чтобы обеспечить переход к более высокому технологическому укладу, как в процессе производства продукта, так и доставки его к месту потребления. Разработка стратегии территориального разделения труда предполагает исследование закономерностей территориального разделения труда, анализ факторов размещения производства и их максимального учета. Необходимым условием выработки стратегии территориального разделения труда является также анализ состояния экономики регионов.

Разработка стратегии предполагает объективную оценку региональных абсолютных и сравнительных преимуществ, связанных с производством определенных видов продукции, анализ состояния промышленных предприятий, которые относятся к отраслям территориальной специализации, анализ их конкурентоспособности и эффективности, а также обоснование вытекающих из этого анализа решений по совершенствованию территориального разделения труда, по размещению производства.

Решение проблемы совершенствования территориальной специализации и комплексного развития хозяйства региона как условие экономического роста объективно требует анализа, изучения территориального сочетания природных ресурсов и перспектив их хозяйственного освоения в рамках региона. Все это необходимо учитывать при определении приоритетов инвестиционной политики в рамках создаваемой стратегии.

Совершенствование территориального разделения труда предполагает реализацию крупных инвестиционных проектов в различных регионах России. Подобные проекты требуют значительных капитальных вложений, поэтому любая ошибка в выработке стратегии территориального разделения может привести к большим необратимым потерям, неоправданным издержкам, снижению эффективности производства, замедлению темпов экономического роста регионов и национальной экономики в целом.

К последствиям неправильных решений, принятых в рамках реализации избранной стратегии территориального разделения труда, следует отнести усиление неравномерности развития отдельных территорий, диспропорций в развитии отраслей и территорий, малых и крупных городов, в использовании трудовых ресурсов, а также недостаточное развитие инфраструктуры различных регионов. Поэтому необходимо создание не просто новой стратегии, а оптимальной стратегии территориального разделения труда. Такая стратегия должна обеспечивать развитие экономических районов с учетом особенностей каждой территории и организации эффективных пространственных связей внутри единого экономического пространства – экономики России.

Разработка оптимальной стратегии территориального разделения труда является сложной задачей. При заданных условиях может существовать несколько вариантов решения вопросов совершенствования территориального разделения труда, несколько вариантов его стратегии.

Для поиска оптимальной стратегии экономическая наука должна использовать метод моделирования, т. е. создания и использование многомерных оптимизационных моделей территориального разделения труда. Трудность построения этих моделей заключается в том, что не все факторы территориального разделения труда, размещения производства поддаются количественному учету.

При выборе стратегии территориального разделения труда критерием ее оптимальности может служить достижение максимальной полезности территориального разделения труда, проявляющегося в размещении производства определенного вида продукта на определенной территории, связанной с получением продукта при наименьших издержках производства при условии сохранения природы, здоровья человека и достижения других высоких показателей социально-экономической эффективности.

ОБОСНОВАНИЕ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ ЕГО СОСТОЯНИЯ В РЕГИОНЕ*

*Литвинцева Г.П., д.э.н.
Бадмаева В.Г.
НГТУ, Новосибирск*

В процессе перехода на инновационный путь развития основополагающим фактором является человек, его способности, компетенции, талант и экономическая продуктивность. Поэтому понятие «человеческий капитал» (ЧК), отражающее совокупность качеств, характеристик человека, определяющих его продуктивность, способность приносить выгоды и блага как себе лично, так и обществу, прочно вошло в категориальный аппарат экономической науки¹.

Формирование и развитие человеческого капитала происходит неравномерно в регионах России, что связано как с возможностями и мотивацией самого человека, так и различиями в имеющихся технологических и социально-экономических условиях территориально-производственных систем².

Обобщение исследований авторов, занимающихся изучением человеческого капитала, позволяет сделать вывод о том, что недостаточно принимать во внимание только элемент «образование» – безусловно важную часть формирования человеческого капитала. В современной инновационной, сетевой, информационно-коммуникационной направленности экономики

* Результаты исследований получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект 26.2024.2017/4.6.

¹ Корицкий А.В. Человеческий капитал как фактор экономического роста регионов России. – Новосибирск: Сибирский ун-т потребительской кооперации, 2010. – 368 с.

² Современная экономика и управление: институты, инновации, технологии: Исследование отдельных аспектов институционального и регионального развития: колл. монография / под ред. Г.П. Литвинцевой, М.В. Хайруллиной. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – Т. 1. – 248 с.

человеческий капитал имеет кроме образования несколько составляющих, таких как капитал здоровья, капитал культуры, капитал мотивации, капитал творчества, капитал благонадежности (или добросовестности)³.

Нужно отметить, что государственная политика, при всех ее усилиях, не оказывает достаточно систематического воздействия на формирование всех элементов ЧК в регионах. В целях обоснования региональной политики формирования человеческого капитала необходима оценка всех его составляющих, сравнение с другими регионами и принятие мер по активизации накопления ЧК в регионе.

Каждый элемент человеческого капитала может быть отражен несколькими показателями, оптимальную совокупность которых определить достаточно трудно, учитывая содержание элементов ЧК и возможность получить статистические данные по ним в динамике в региональном разрезе.

В данном исследовании использован подход к оценке человеческого капитала, основанный на индикаторном методе, т.е. совокупности частных показателей, отражающих состояние ЧК в регионе⁴.

Этот подход был применен для оценки состояния ЧК в регионах Сибирского федерального округа (СФО).

Каждому элементу человеческого капитала были поставлены в соответствие следующие индикаторы:

1) капитал здоровья – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет;

2) капитал компетентности – удельный вес работников со средним специальным и высшим образованием в общей численности занятых, процентов;

3) капитал культуры – численность абонентских устройств для подвижной связи на 1 тыс. чел. населения, единиц;

4) капитал творчества – численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в расчете на 100 тыс. чел. населения, чел.;

5) капитал мотивации – уровень безработицы, процентов;

6) капитал благонадежности – число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения, единиц.

Для нормализации показателей использовались известные соотношения, в зависимости от того, считается ли наилучшим минимальное или максимальное значение показателя. Далее на основе метода свертки рассчитывался интегральный показатель, оценивающий в совокупности все элементы человеческого капитала в регионе.

Расчеты проводились на основе имеющейся официальной статистики России в региональном разрезе⁵.

Полученная интегральная оценка состояния человеческого капитала в двенадцати регионах Сибирского федерального округа представлена на рис. 1.

³ Гурбан И.А., Мызин А.Л. Теоретико-методологический подход к оценке состояния человеческого капитала регионов России // Журнал экономической теории. 2011. № 2. С. 21–31.

⁴ Шепелева Н.А., Акулова А.О. Специфика развития человеческого капитала в индустриальном регионе // Вестник НГУЭУ. 2016. № 4. С. 253–262.

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_14p/Main.htm (дата обращения: 20.05.17).

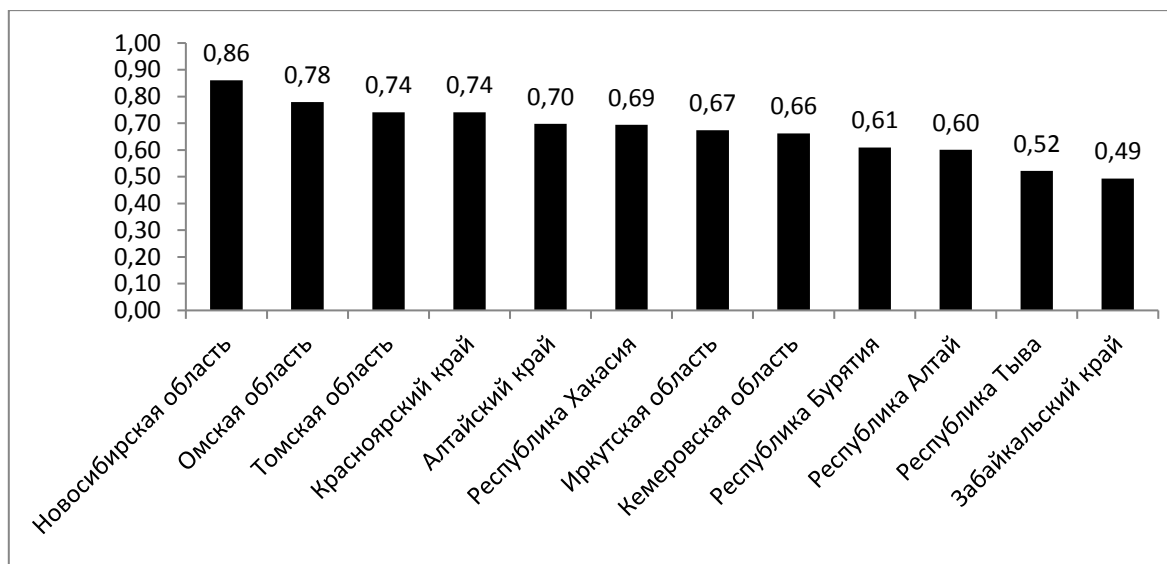

Рис. 1. Показатель интегральной оценки человеческого капитала в регионах Сибирского федерального округа в 2015 г.

Лучшие значения интегрального показателя достигнуты в Новосибирской, Омской и Томской областях. Эти регионы традиционно считаются лидерами социально-экономического развития в Сибирском федеральном округе. Поэтому ведущие позиции этих субъектов РФ в развитии человеческого капитала вполне объяснимы.

Аутсайдером среди регионов СФО является Забайкальский край.

Рассмотрим, какие из элементов человеческого капитала отстают от среднего значения по регионам СФО на примере Новосибирской области и Забайкальского края (табл. 2).

Таблица 2
Значения оценки элементов человеческого капитала в двух регионах СФО

Регион	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Удельный вес работников со средним специальным и высшим образованием в численности занятых, %	Численность абонентских устройств подвижной связи на 1 тыс. чел. населения, единиц	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.	Уровень безработицы, %	Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения, единиц
Медиана (по СФО)	67,92	53,75	1483,05	2322,50	7,85	2261,50
Новосибирская область	70,9	57,0	1845,9	21621,0	6,9	1934,0
Забайкальский край	67,3	47,3	1421,2	495,0	10,4	3075,0

Из приведенных в табл. 2 данных можно увидеть, что Забайкальский край существенно отстает от средних показателей Сибирского федерального округа

по 4 индикаторам капитала. Новосибирская область явно опережает средние показатели. Учитывая данные результаты, необходимо разработать направления развития человеческого капитала региона-аутсайдера – Забайкальского края.

Сравнительный анализ показателей регионов Сибирского федерального округа позволяет выделить основные проблемные моменты развития человеческого капитала Забайкальского края, такие как:

- 1) высокий уровень безработицы;
- 2) недостаточная численность персонала, занимающегося исследованиями и разработками;
- 3) высокий уровень преступности;
- 4) низкая доля работников со средним специальным и высшим образованием в общей численности занятых.

В крае действует стратегия социально-экономического развития Забайкальского края до 2030 г., в ней отражены пять программ, направленных на развитие человеческого капитала⁶, а также действует 31 государственная программа, из них 4 программы направлены на развитие элементов человеческого капитала⁷.

Однако содержащиеся в них цели и задачи в ограниченной степени связаны с развитием ЧК. При этом основные проблемы функционирования человеческого капитала Забайкальского края практически не отражены в данных документах. Наиболее актуальным и необходимым представляется развитие в данном регионе следующих составляющих человеческого капитала: капитала мотивации, капитала творчества, капитала благонадежности, а также капитала компетентности. Предлагаемые направления развития элементов человеческого капитала Забайкальского края показаны в табл. 3.

Таким образом, на современном этапе развития России при всем многообразии подходов⁸ политика формирования человеческого капитала в большинстве регионов комплексно не осуществляется.

Предлагаемые направления развития четырех составляющих человеческого капитала Забайкальского края отличаются от существующих тем, что учтены проблемные аспекты развития ЧК, выявленные в процессе сравнительного анализа индикаторов человеческого капитала регионов Сибирского федерального округа. Апробированная методика и способ разработки рекомендаций могут быть применены для обоснования совершенствования региональных программ развития человеческого капитала.

⁶ Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края [Электронный ресурс] / Правительство Забайкальского края. Режим доступа: http://правительство.зabayкальскийкрай.рф/deyatelnost_pravitelstva/Strategia.html (дата обращения: 23.05.2017).

⁷ Государственные программы Забайкальского края [Электронный ресурс] / Правительство Забайкальского края. Режим доступа: http://правительство.зabayкальскийкрай.рф/deyatelnost_pravitelstva/Strategia.html (дата обращения: 23.05.2017).

⁸ Мельников В.В. Государственное регулирование национальной экономики: учеб. пособие. – М.: Издательство "Омега-Л", 2015. – 338 с.

Таблица 3

Направления развития человеческого капитала Забайкальского края

1. Развитие капитала мотивации	2. Развитие капитала творчества	3. Развитие капитала благонадежности	4. Развитие капитала компетентности
Обеспечение занятости населения	Развитие деятельности исследовательских организаций	Снижение распространения алкогольных, наркотических, игровых и других зависимостей	Развитие профессиональной переподготовки, повышения квалификации в организациях, на рабочих местах
Развитие системы профессионального образования	Поддержка деятельности научных и учебных организаций как исследовательских центров	Преодоление тенденции к маргинализации части жителей	Устранение диспропорции в образовательной системе в соответствии с потребностями рынка труда
Создание новых рабочих мест	Повышение продуктивности использования ЧК, функционирующего в сфере исследований и разработок	Снижение уровня преступности	
Развитие трудовой мобильности		Формирование позитивных трудовых ценностей	

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА И ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ

*Мищенко В.В., д.э.н.
АлтГУ, Барнаул*

Обеспечение эффективной занятости населения в условиях перманентных изменений в развитии рынка труда является одним из важнейших направлений государственной социально-экономической политики в отношении регионов, которые, как известно, существенно различаются между собой. В этой связи особое внимание должно уделяться регионам с трудоизбыточным населением. Одним из таких регионов является Алтайский край, являющийся, в свою очередь, типичным среди ведущих агропромышленных регионов Российской Федерации с точки зрения ее продовольственной безопасности.

Исходя из проведенного анализа статистических данных, структуры и функций действующей системы управления региональным рынком труда и сферы занятости населения можно выделить несколько ключевых проблем,

требующих применения новых методов государственного регулирования или актуализации действующих методов с применением современных инновационных подходов.

1. Дисбаланс спроса и предложения на региональном рынке труда.

В целом, с учетом потребности экономики в кадрах Алтайский край относится к регионам, характеризующимся значительным, но пока недостаточно реализованным трудовым потенциалом. При этом при наличии избытка трудовых ресурсов в крае сохраняется дефицит в квалифицированных кадрах по отдельным специальностям и профессиям в обрабатывающем производстве, добыче полезных ископаемых, строительном комплексе, сфере здравоохранения.

Опираясь на прогноз численности выпускников-специалистов учреждений образования, можно утверждать, что диспропорции по отдельным профессиям (экономические специальности, юриспруденция) продолжают усугубляться, усиливая дисбаланс спроса и предложения по данным специальностям на рынке труда региона. В условиях низкой инвестиционной активности, замедления темпов обновления основных фондов и вложений в инновации, данные диспропорции будут обостряться, создавая дополнительные сложности в трудоустройстве для выпускников.

Дополнительные сложности возникают из-за оттока квалифицированных кадров их Алтайского края в регионы с большим уровнем оплаты труда (при том, что количество выпускников вузов постоянно растет). Фундаментальная причина утечки интеллектуального капитала из трудоизбыточных регионов заключается в том, что по сравнению с другими странами в России велика доля людей с высшим образованием и карьерными амбициями, и одновременно недостаточно высоким является качество трудовой жизни – престиж, заработная плата, социальный статус.

При сохранении трудоизбыточности в регионе в среднесрочной перспективе направления действий на региональном рынке труда должны быть связаны с необходимостью повышения эффективности использования трудового потенциала края, сокращения территориального и отраслевого несоответствия спроса и предложения рабочей силы через развитие системы подготовки кадров необходимой квалификации, создания новых рабочих мест на перспективных рынках, развитие малого и среднего бизнеса. Необходимо также активное организационное участие органов государственной власти в системе координации потребностей работодателей в определённых кадрах и формировании регионального заказа на их подготовку.

Кроме того, в перспективе обеспеченность экономики Алтайского края трудовыми ресурсами будет определяться общими тенденциями демографического развития, характерными для всей страны – сокращением численности населения в трудоспособном возрасте, увеличением среднего возраста. В связи с этим, направления действий на региональном рынке труда должны быть связаны с необходимостью принятия мер по улучшению демографической ситуации, повышению трудовой мобильности населения.

С ограниченной мобильностью работоспособного населения, даже в рамках одного региона, существующий дисбаланс на рынке труда связан достаточно непосредственно:

- в Алтайском крае наблюдается высокий уровень дифференциации локальных рынков труда по спросу, предложению, конъюнктуре и цене рабочей силы;
- в регионе сильны различия по уровню жизни и степени экономической активности населения в различных муниципальных образованиях (при этом количество самих административно-территориальных единиц очень высоко);
- существующие правовые ограничения, связанные с институтом регистрации по месту жительства или нахождения, значительно сокращают возможности даже межмуниципального, не говоря уже о межрегиональном перемещении трудовых ресурсов;
- отсутствуют экономические возможности для привлечения квалифицированных кадров (обеспечение доступным жильем, достойной заработной платой, современным сервисом и т. д.);
- нет координации и системности в деятельности образовательных учреждений в муниципальных образованиях с потребностями локальных рынков труда.

2. Низкий уровень заработной платы.

Одной из ключевых причин недостаточной обеспеченности экономики региона кадрами необходимой квалификации также является уровень оплаты труда. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника Алтайского края в 2016 году составляет менее 57% от среднего показателя по России и две третьих от среднего по Сибирскому федеральному округу. Причём данная ситуация характерна для всего периода новейшей истории региона.

Сложившийся в крае уровень заработной платы обусловлен рядом факторов:

- высокая доля занятых в сельскохозяйственном производстве и бюджетной сфере и менее 15% – в промышленности, где уровень заработной платы выше;
- промышленность Алтайского края в основном представлена обрабатывающими производствами, в которых среднемесячная заработная плата большей части работников находится в диапазоне 15-18 тыс. рублей;
- низкий размер заработной платы у субъектов малого предпринимательства, общее количество которых превышает 90 тыс. единиц;
- недостаточная эффективность хозяйственной деятельности базовых секторов экономики, что обуславливает низкий уровень производительности труда и, как следствие, уровня оплаты труда;
- трудоизбыточность региона сказывается на монополизации условий труда работодателями, не позволяя работникам отстаивать свои права на достойный уровень заработной платы.

Несмотря на наличие комплексной системы социального партнерства в Алтайском крае, социальная ответственность работодателей, особенно в малом бизнесе, остается невысокой. До сих пор отмечаются случаи нарушений трудового законодательства, заключенных соглашений и коллективных договоров. Наблюдается и недостаточное развитие сторон социального партнерства, представляющих интересы работников и работодателей: низкий уровень объединения работников в профессиональные союзы и отсутствие единого объединения, представляющего интересы работодателей края. Кроме

того, инфраструктура рынка труда недостаточно развита и скоординирована с целями социально экономического развития региона.

Решение задачи снижения социальной напряженности, вызванной низким уровнем оплаты труда в условиях масштабного экономического кризиса, требует дальнейшего развития системы социального партнерства, улучшения качества рабочих мест, повышения уровня оплаты труда и обеспечения социального стандарта качества жизни населения.

3. Большой удельный вес неформальной занятости.

Масштабный экономический кризис, увеличение налоговой нагрузки на бизнес вынуждают многих работодателей не только снижать уровень официальной заработной платы, но и принимать работников без соответствующего трудового оформления, формируя тем самым сектор неформальной занятости. Согласно обследованиям населения по проблемам занятости Росстата, доля неформального сектора в общей занятости в целом по стране в 2015 году составила 20,5%, причём за последние 5 лет наблюдается отчётливая тенденция к его росту (для сравнения: в 2010 году – 16,4%, в 2011 году – 18,2%, в 2014 году – 20,1%).

Для Алтайского края характерны сопоставимые с общероссийскими и средними по Сибирскому федеральному округу значения данного индикатора: 2014 год – 21,3%, 2015 год – 18,2% (в Сибирском федеральном округе – 21,7% и 22,4%, соответственно). Сокращение в 2015 году данного показателя и снижение численности граждан, занятых в неформальном секторе с 227,6 тыс. человек в 2014 году до 197,6 тыс. человек в 2015 году стало результатом деятельности региональной рабочей группы по снижению неформальной занятости. Вместе с тем, очевидные положительные результаты работы новой организационной структуры пока не позволяют говорить о качественном, системном переломе тенденции, при которой 1/5 занятого населения Алтайского края не имеет надлежащего юридического оформления своих трудовых отношений.

Негативные последствия высокой доли неформального сектора в структуре занятости очевидны: с одной стороны, он концентрирует беднейшие слои населения, лишая при этом их социальной защиты; с другой стороны, государство теряет значительную часть налогов и платежей во внебюджетные фонды.

Кажущиеся положительные стороны локальной неформальной занятости (общая либерализация рынка труда, большая гибкость и мобильность трудовых ресурсов, сокращение уровня безработицы, вероятный большой размер заработной платы работников и т. д.) сопровождаются увеличением социальных рисков (особенно социальной напряженности, вызываемой полным отсутствием правовой возможности отстаивания интересов работников), снижением авторитета государственной власти – основного регулятора процессов на рынке труда.

Принятый в настоящее время на федеральном уровне и, соответственно, доработанный с учетом региональных особенностей Алтайского края, план мероприятий по снижению неформальной занятости в части реальных действий сводится, в основном, к возложению обязанностей органов местного самоуправления по выявлению фактов незаключения трудовых договоров и обязыванию работодателей легализовать трудовые отношения. Несмотря на положительные результаты, отмеченные выше, данная система имеет один системный недостаток: являясь по сути частью «палочной системы» воздействия на один из элементов социально-экономической жизни, она никак не

стимулирует создание новых легальных рабочих мест, регистрацию новых индивидуальных предпринимателей и малых предприятий, не затрагивает предприятия, работающие в теневом секторе экономики. Таким образом, дальнейшего решения требуют следующие проблемы:

- стимулирование самозанятых граждан к оформлению своей деятельности, уменьшение теневого сектора региональной экономики;
- мотивирование органов местного самоуправления к более взвешенному взаимодействию с работодателями по оформлению трудовых отношений.

Необходимо отметить и общероссийское несовершенство законодательства в сфере регулирования новых форм занятости и организации труда, что при фактической занятости граждан не позволяет им юридически оформить свои отношения. Из-за относительной жесткости российского трудового законодательства, его несоответствия быстро меняющейся ситуации на рынке труда, а также особенностей правоприменительной практики, повсеместно наблюдается нарушение норм законов: так, Трудовой кодекс Российской Федерации, узаконивший дистанционный труд, по-прежнему не отражает все многообразие его видов, а заемный труд даже запрещает, вместо внедрения действенных механизмов защиты трудовых прав работников. Большая доля неформальной занятости в Алтайском крае при одновременной тенденции к снижению официально зарегистрированной безработицы может свидетельствовать как раз о необходимости законодательного регулирования отдельных форм трудовых отношений.

4. Отсутствие комплексной системы мониторинга и оценки состояния спроса и предложения на региональном рынке труда.

Необходимость специального выделения данной проблемы вызвана тем, что она по сути является причиной недостаточной эффективности государственного регулирования процессов, происходящих в настоящее время на рынке труда, что, в конечном итоге, ведет к усилению проблем, описанных выше.

Несмотря на то, что органами статистики и органами исполнительной власти Алтайского края формируется достаточно широкий набор статистических показателей, прогнозов потребности в кадрах, балансы труда на среднесрочную перспективу, сами по себе эти сведения не позволяют выстроить эффективную модель превентивного регулирования сферы занятости.

Как правило, прогнозные модели основываются на нормативном подходе, который базируется на показателях темпов роста экономики, инвестиций по видам экономической деятельности и численности трудовых ресурсов, необходимой для достижения запланированных показателей. При этом прогноз среднесписочной численности занятых в экономике рассчитывается с учетом прогнозов объема выпускаемых товаров и услуг, состояния основных фондов, инвестиций, производительности труда и других факторов. Для определения ежегодной потребности экономики в квалифицированных кадрах численность работников структурируется по уровням образования и видам экономической деятельности с учетом доли ежегодного обновления кадрового состава.

В связи с динамичным изменением внешнеэкономической ситуации и внутренних факторов, влияющих на сферу занятости, при построении прогнозов необходимо формировать прогнозную вилку с оценкой кризисных факторов, способствующих ускоренному высвобождению работников, изменению форм

занятости или расширению неформального рынка труда. Иными словами, необходимы «пессимистичный» и «оптимистичный» прогнозы. Кроме того, целесообразной представляется разработка комплексных показателей мониторинга, учитывающих дополнительные факторы, не отраженные в официальной статистике.

СТРАТЕГИЯ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОРРЕКТИРОВКИ

*Пермякова Н. П., к. э. н.
Курбатова И. А., к. э. н.
УрГЭУ, Екатеринбург*

Высокая степень неравенства в распределении доходов остается одной из наиболее актуальных проблем в современной России. Социальная несправедливость связана с высоким риском разрушения экономической системы, особенно в условиях затянувшегося кризиса. За 2014-2016 годы реальные располагаемые доходы населения в России снизились почти на 10%, снизилась реальная заработная плата. По ряду регионов отмечается еще большее сокращение доходов. К таким регионам относятся, например, Астраханская, Кировская, Смоленская, Тюменская, Челябинская области, Республика Тыва и другие¹.

Неравенство доходов в нашей стране усиливается: коэффициент Джини, определявшийся в 1991г. на уровне 26%, составляет сейчас 42%, существенно превышая данный показатель в странах ЕС, США, Японии. О росте неравенства доходов в России также говорит динамика коэффициента фондов, который изменился с 4,5 в 1991г. до 17,0 в 2015г., в то время как в европейских странах значение этого показателя в пределах 3-7².

Однако, активная перераспределительная политика в настоящее время отсутствует. В стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года соответствующая часть недостаточно проработана. Рост неравенства и дифференциации доходов упоминается на 20-м месте в списке угроз экономической безопасности России. Среди направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности преодоление бедности и неравенства населения только одним пунктом представлено в рамках последнего направления - как одна из задач по развитию человеческого потенциала³.

В региональных стратегиях развития, в соответствующих документах субъектов Федерации проблематика перераспределения доходов представлена в большей мере. В частности, в Стратегии развития Свердловской области обозначена и стратегия перераспределительной политики. Многие субъекты

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

² Курбатова И.А., Пермякова Н.П. Перераспределение доходов в контексте современного экономического кризиса // Проблемы современной науки и образования. 2016. С.29-32.

³ Стратегия экономической безопасности России до 2030 года // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/54497>).

Федерации в последние годы вынуждены конкурировать на внутреннем российском рынке труда с рядом мегаполисов и, прежде всего, с г.Москвой за трудовые ресурсы. Уровень жизни и социальная справедливость в данном контексте является фактором привлечения работников, конкурентным преимуществом региона.Выраженная перераспределительная политика определяет уровень жизни и становится фактором выбора регионов для работы и постоянного проживания.

Дифференциация доходов в России не соответствует критериям социального государства и развитой экономики. Кроме того, высокая степень неравенства всегда играет дестимулирующую роль в экономике. Традиционно в ведущих странах подоходный налог с физических лиц и подоходный налоги в целом выполняют функцию встроенного стабилизатора макроэкономической ситуации благодаря их прогрессивному характеру. Налогообложение доходов физических лиц в России не выполняет перераспределительную функцию и закрепляет социальные диспропорции.

Низкая результативность политики в области доходов делает очевидной необходимость принципиальных изменений с точки зрения конкретных задач и инструментов. Наиболее важными представляются введение прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц и изменение государственного регулирования заработной платы, чтобы обеспечить реализацию ее функций.

Возможности формирования стратегии распределения и перераспределения доходов и заинтересованность в этом на региональном уровне в настоящее время достаточно ограничены. Это связано, прежде всего, с отсутствием прогрессивного подоходного налогообложения. Механизм прогрессивного налога, а в наиболее благоприятном варианте - его распределение между бюджетами разного уровня, стимулирует разработку региональной стратегии перераспределения доходов или участие региона в формировании такой стратегии на федеральном уровне.

В то же время некоторые возможности такого рода у регионов РФ есть, но не используются в полном объеме. В частности, имеется возможность законодательной инициативы. Регионы в большей мере сталкиваются с негативными последствиями неравенства в распределении доходов, чем федеральная власть. Кроме того, поступления от подоходного налога с физических лиц идут в России в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации. Законодательная инициатива со стороны субъекта Федерации может стать инструментом участия в формировании и корректировке стратегии распределения и перераспределения доходов в России.

Регионы с наиболее низким уровнем жизни особенно выигрывают от введения прогрессивного подоходного налогообложения. Они заинтересованы в использовании своего права законодательной инициативы. При этом регионы с наиболее высокой степенью неравенства в распределении доходов существенно выигрывают в случае распределения поступлений от прогрессивного подоходного налога между бюджетами субъекта Российской Федерации и местными бюджетами. Прогрессивный подоходный налог является одним из важнейших институциональных факторов саморазвития территорий разного уровня в рамках федеративных государств.

Усиление неравенства в распределении доходов в современной ситуации падения реальных доходов населения делает особенно актуальным для регионов России введение прогрессивного подоходного налога. Прежде всего

это объясняется ростом социальных обязательств местных бюджетов и бюджетов субъектов Российской Федерации и одновременно ростом долговой нагрузки регионов. В связи с отмеченными особенностями современного этапа российские регионы заинтересованы в изменении подоходного налогообложения на основе общемировых тенденций и опыта наиболее развитых стран.

Существующий пропорциональный налог на доходы в последние три года экономического кризиса в России вновь явно продемонстрировал свои отрицательные стороны. Учитывая, что 70% занятых получают заработную плату ниже средней, то для преобладающей доли работников 13 % в ситуации падения реальных доходов является серьезным изъятием. При этом нарушается один из основных принципов налоговой системы – принцип справедливости.

Отказ от прогрессивного подоходного налога в экономике современной России обосновывается в правительственных и лоббистских кругах тем, что единая ставка упрощает уплату налогов и облегчает налоговое администрирование, а значит - снижает издержки налогообложения. Также используется довод об утечке капиталов за рубеж и в теневой сектор в результате снижения привлекательности отечественной экономики для легального бизнеса. Вывод капиталов за рубеж, усиление этого процесса в кризисные годы, подтверждают, что ожидания эффекта в этом смысле от единой налоговой ставки завышены. В то же время низкая заработная плата препятствует созданию новых высокопроизводительных рабочих мест.

Между тем практически все страны имеют прогрессивное подоходное налогообложение; речь идёт только о степени прогрессии. Преимущества прогрессивного налога в аспекте макроэкономической стабилизации и социальной справедливости перевешивают для большинства государств недостатки, связанные с ростом издержек на налогообложение. Несомненно, стратегия перераспределения доходов нуждается в корректировке с этих позиций.

МАРКЕТИНГОВЫЙ АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ КРЕАТИВНОЙ СРЕДЫ

*Петренко Е.С., д.э.н.
Королева А.А.
ЮУрГУ, Челябинск*

Ведущие мегаполисы мира позиционируют креативные индустрии в качестве ключевого фактора своих маркетинговых стратегий территории. Потенциал креативных индустрий базируется на использовании интеллектуального капитала, что открывает новые возможности и для городов меньшего масштаба. Используя в качестве ключевого ресурса навыки, умения и таланты людей, проживающих на их территории, малые и средние города имеют шансы сформировать собственные высокоэффективные креативные кластеры, если обеспечат жителям особенные условия городской среды.

Одними из первых, определивших тему креативной экономики как социально-экономического явления, были Дж. Хоукинс, Р. Флорида

(«Креативный класс: люди, которые меняют будущее») и Ч. Лэндри («Креативный город»), рассматривающие креативность и творческое мышление как одни из ключевых факторов формирования современного жизненного уклада и необходимого атрибута устойчивого развития новой экономики. Авторы обратили внимание на вклад в развитие экономики ученых, артистов, людей, обладающих творческим мышлением и способностью к генерации оригинальных, нестандартных идей.

Следует отметить, что отличительной особенностью креативной экономики от традиционного экономического представления является то, что главным инструментом в ней выступают знания, ресурсом является информация, а продуктом – инновации. Поэтому, креативная экономика позволяет объединить такие понятия, как «информационная экономика», «экономика знаний» и «инновационная экономика». Креативная экономика – это экономический сектор, в котором производятся, распространяются и потребляются продукты и услуги, связанные с творческой деятельностью.

Посредством креативной экономики формируются новые экономические модели, новые типы социальных отношений, а соответственно и требования к различным методам управления, видам деятельности, а следовательно, и к реализации процесса маркетинга территорий.

Маркетинговый анализ потенциала креативных индустрий городской среды направлен на определение:

- инновационной и инвестиционной привлекательности территориальной единицы;
- формирование положительного имиджа территории среди внешней и внутренней аудитории;
- разработку маркетинговой стратегии развития территории;
- активизацию творческого потенциала человеческих ресурсов;
- создание условий для развития творческих индустрий территории.

Нами был проведен маркетинговый анализ потенциала развития городской креативной среды г. Караганды. Город Караганда, является типичным для постсоветского пространства центром промышленной агломерации, в данный момент находящийся в поиске новой стратегии территориального развития.

Исследование включало анонимный опрос населения, оценку ситуации экспертами, эмоциональное картирование районов города. Первым этапом исследования был пилотный опрос молодежи города, проведенный на данном сегменте, как приоритетном, поскольку именно молодежь является основным человеческим ресурсом креативной экономики. Опрос проводился методом собственно-случайной бесповторной выборки и охватил на периоде пилота порядка 200 человек, что при доверительной вероятности 95% обеспечило погрешность 7%.

Авторы использовали опыт исследований CalvertForum, — исследовательского проекта по изучению творческих индустрий в различных странах мира. Основная задача проекта — «ответить на вопрос о том, какую роль должна играть креативная сфера в развитии регионов России, а также выработать рекомендации по созданию благоприятной инфраструктуры для поддержки креативных инициатив на местах. Помимо анализа состояния и взаимодействия творческих индустрий на локальном уровне, CalvertForum исследует факторы, влияющие на успешное развитие креативной экономики в мировом масштабе». Сравнение данных, полученных по креативным

индустриям российских городов с данными нашего исследования, позволяют провести компаративный анализ креативного потенциала территорий.

В опросе жителей Караганды были учтены факторы, аналогичные российским исследованиям. Методика была расширена за счет включения оценки этнической толерантности, которая является сегодня актуальной в социальной жизни регионов и входит в число обязательных факторов креативной среды.

По результатам опроса были выявлены сильные и слабые стороны г. Караганды (см. табл 1)

Таблица 1

Оценка сильных и слабых сторон г. Караганды

Сильные стороны	Слабые стороны
— Родной	— Мало развлекательных мест,
— Маленький, все знакомы	— Мало мест, где можно хорошо провести время с семьей и друзьями
— Спокойный	— не развито молодежное движение
— Много образованных людей, с высшим образованием	— Дороги
— Толерантность	— Загрязненный
— Уютный	— Отсутствие озеленения
— Расположение улиц	— Проблемы с транспортной инфраструктурой
— Инфраструктура	— Безразличие граждан
— Обустройство центра города	— Низкий уровень культуры
— Развитие спортивных мероприятий	— Развивается только культура потребления: появляются новые магазины, рестораны и кафе, большие парковки и пр.
— Добрые люди	— Благоустройство
	— Неблагоустройство внутри дворов
	— Экология
	— медицина

Уровень благоустройства г. Караганды, а также состояние культурной среды региона респонденты оценили в среднем на «удовлетворительно».

На вопрос о креативных индустриях в Караганде наибольшее развитие было отмечено в сфере:

- Реклама- 66%
- Театр- 47%
- Цирк- 36%
- кино и ТВ- 36%
- выставки- 32%.

Кроме того респонденты отметили новые места креативного формата в Караганде, такие как арт-академии, кинотеатры, кафе, центры робототехники и др.

По результатам опроса нами был составлена диаграмма факторов креативной среды г. Караганды (см. рис.1).Было выявлено, что наибольший балл

занимает «этническая толерантность», а наименьшее значение у «экономической диверсификации», «либерального образования» и «институциональной поддержки административной системы».

Респонденты отмечают качество образования для креативных специалистов весьма низко- на «удовлетворительно».

Рис.1. Анализ факторов креативной среды г. Караганды

Среди основных проблем креативной среды, креативного развития города Караганды лидирующие позиции заняли такие ответы, как:

- отсутствие денег, цены на помещение, дорогостоящая аренда- 51%
- недостаточно креатива- 39%
- нет стимула, незаинтересованность в культурной и креативной эволюции на уровне города и региона - 38%
- нет неформальных образовательных площадок, интересных молодежных кафе, бордшопов, шоу-румов, книжных лавок, музыкальных магазинов и т.д.- 32%.

Несмотря на выявленные проблемы в Караганде все же были отмечены перспективные направления креативных индустрий, такие как «смарт-интертеймент», туризм, искусство, рисование, кулинария, экология.

Для сравнения факторов формирования креативных индустрий в различных городах из оценки Караганды был убран дополнительный фактор «этнической толерантности» и составлен единый график полученных оценок (рисунок 2.)

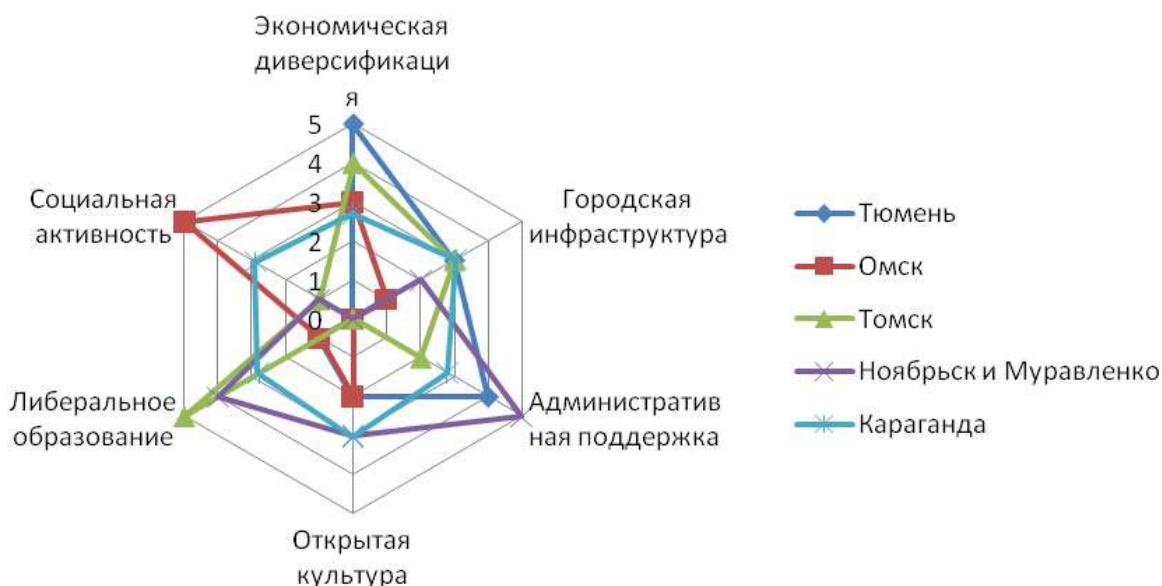

Рис.2. Сравнительный анализ факторов формирования креативной среды

Города, оцененные с точки зрения потенциала креативных индустрий, это – Тюмень, Омск, Томск, Ноябрьск и Муравленко. Все они являются городами старопромышленных регионов и обладают схожими с объектом нашего исследования характеристиками. Различия в их креативном потенциале являются не только отражением специфики региона, но и выражают весь спектр проблем, с которыми сталкиваются индустриальные города при переходе к постиндустриальной экономике.

Чем более выражено влияние фактора в том или ином городе, тем дальше точка, ограничивающая контур города на схеме, находится от центра изображения. Речь не идет о сравнении полученных «портретов» между собой с точки зрения уровня развитости тех или иных сфер городской жизни – проанализированные города слишком различны для того, чтобы подобное сопоставление могло быть «корректным». Схема позволяет дать представление об индивидуальной конфигурации факторов, выявить потенциал города и перспективы, которые перед ним открываются. Если основным драйвером креативного развития Омска является социальная активность, а Томска – либеральное образование, то успехи Ноябрьска и Муравленко в большей степени определяются существующей институциональной поддержкой, в то время, как креативность Тюмени обеспечивается – экономической диверсификацией.

Если сравнивать положение в Караганде по первому и второму рисункам, то явно видно, что драйвером креативного развития Караганды является этническая толерантность. Дальнейший рост связанных с наиболее влиятельными факторами сфер городской жизни – образованием, культурой, экономикой, градостроительной, социальной или политической областями – может вызвать стихийное ускорение «креативизации» среды, но лишь гармоничное развитие всех описанных направлений даст долгосрочный результат и гарантирует формирование успешного креативного сектора в каждом из городов.

Комплексное и последовательное применение целей, инструментов и принципов маркетинга территории в условиях креативной экономики позволит органам государственной и муниципальной власти тщательно продумать

стратегию развития территории, а также спланировать и реализовать действия по реализации этой стратегии.

Креативные индустрии оказывают высокое положительное влияние на развитие территориальной единицы, посредством которых меняется облик городов, улучшается качество жизни граждан, активизируется экономический рост территорий и снижается социальная напряженность. В условиях креативной экономики применение маркетинга территории к управлению развитием территории влечет за собой необходимость проведения новой политики по привлечению и удержанию человеческих ресурсов, в современных условиях это создание рабочих мест, привлекательных для современного горожанина.

В заключении отметим, что в условиях креативной экономики, происходит активное использование инструментов маркетинга для продвижения территорий и формирования имиджа. При использовании инструментов маркетинга к управлению территорией необходимо опираться на теорию и методологию маркетинга территорий. Предложенная концепция маркетинга территорий позволяет на практике применять необходимые принципы и инструменты маркетинга территорий, разрабатывать наиболее эффективные стратегии развития территориальных единиц, обеспечивающих рост конкурентоспособности территорий и благосостояния населения.

Для того, чтобы выявить и развить творческие способности отдельных людей и творческие начинания сообществ, необходима развитая система творческих индустрий. Речь идет не только о предложении качественного и доступного культурного продукта в виде студий детского творчества или специальных программ по творческому развитию для старшего поколения, но и о существенных доработках законодательной базы, статистического учета, но, самое главное, в приоритетном отношении властей к развитию именно этого вида активности общества.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

*Рисин И.Е., д.э.н.
ВГУ, Воронеж*

Федеральным законом Российской Федерации от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в качестве «ядра» стратегии социально-экономического развития субъекта РФ определена региональная социально-экономическая политика.

Предусмотренная названным законом актуализация реализуемых ныне в субъектах РФ стратегий их развития, сопряжена с постановкой новых задач такой политики. Их состав, наряду с избирательной составляющей, отражающей специфику региона (достигнутый уровень развития, имеющиеся у него относительные конкурентные преимущества, потенциал развития), включает и инвариантную. Раскрывая содержание последней, сфокусируем внимание на задачах региональной политики, значимых для любого субъекта РФ.

Предварим позиционирование их состава двумя акцентами. Первый связан с тем, что региональная социально-экономическая политика разрабатывается и реализуется федеральным центром и регионом.

В этой связи, отметим, что предлагаемые ниже задачи имеют отношение к политике, инициатором разработки которой выступают органы государственной власти субъекта РФ.

Второй акцент обусловлен тем, что региональная социально-экономическая политика является сложным феноменом, отличающимся высоким уровнем разнообразия образующих ее видов политики (кластерная, промышленная, научно-технологическая, пространственного развития, инвестиционная и др.).

В этой связи, считаем необходимым сфокусировать внимание на задачах, значимых для каждого из названных видов региональной политики.

По нашему мнению, в составе новых задач региональной кластерной политики оправданно выделить следующие:

1. Расширение состава и повышение уровня разнообразия формируемых и функционирующих в регионах кластеров.

Важно при этом отметить, что ожидаемый при этом эффект не может быть сведен к количеству созданных кластеров. Более значимыми его составляющими являются характер и сферы деятельности формируемых и развиваемых кластеров.

Речь идет о том, чтобы, во-первых, новые кластеры были изначально ориентированы на внедрение прорывных технологий, т.е. имели статус инновационных, во-вторых, процессы кластеризации обеспечивали формирование и реализацию новых конкурентных преимуществ субъектов РФ.

2. Укрепление позиций региональных кластеров в национальном экономическом пространстве, их выход на новые сегменты (продуктовые, географические) мирового рынка товаров и услуг.

3. Ориентация кластерных проектов на использование потенциала межмуниципального взаимодействия.

Деятельность кластеров этого вида востребована для мобилизации неиспользуемых, или слабо используемых ныне ресурсов муниципальных районов и на этой основе – развитие внутрирегиональной кооперации. Такой процесс необходим для укрепления целостности экономики субъекта РФ.

4. Обеспечение приращения экономического потенциала кластеров посредством развития научной и производственной кооперации хозяйствующих субъектов разных регионов.

Иными словами, востребовано появление кластеров, участниками которых становятся коммерческие и бюджетные (вузы, НИИ) организации регионов России, в первую очередь, соседних.

5. Формирование «открытых» кластеров, потенциальными участниками которых могут оказаться зарубежные компании, выступающие не только в роли инвесторов, но и потребителей продукции кластеров, предоставляющие для ее сбыта на зарубежных рынках свои каналы и коммуникации.

Учитывая заметное смещение российских производителей товаров и услуг на новые географические сегменты (преимущественно, азиатские) мирового рынка, предпочтительными участниками таких кластеров могут выступить компании из таких стран, как Вьетнам, Китай, Индия.

Обновление содержания региональной промышленной политики сопряжено, по нашему мнению, с постановкой и решением таких задач, как:

1. Обеспечение опережающего роста наукоемких, высокотехнологичных производств.

2. Создание новых производств, основанных на использовании потенциала пятого и последующих технологических укладов.

3. Создание бизнес-сетей, в которых устанавливаются и устойчиво воспроизводятся на долгосрочной основе различные виды связей

(производственные, сбытовые, финансовые) между крупным, средним и малым бизнесом.

4. Развитие бизнес-сетей, в которых устанавливаются и устойчиво воспроизводятся на долгосрочной основе различные виды связей (финансовые, аутсорсинговые и др.) между промышленным и иными видами бизнеса.

5. Вхождение промышленных предприятий региона в крупные интегрированные структуры макрорегионального и национального уровней, отличающиеся высоким уровнем концентрации капитала, необходимого для инновационного развития.

6. Обеспечение многофункциональной роли производственного персонала в социально-экономической жизни промышленных организаций (развитие систем его участия в собственности, управлении и распределении доходов).

7. Обеспечение устойчивого развития процессов экологизации экономической деятельности промышленных предприятий.

Для региональной научно-технологической политики, на наш взгляд, востребованы постановка и решение таких задач, как:

1. Развитие инфраструктуры инновационной системы, элементами которой выступают предпринимательские и некоммерческие организации, оказывающие широкий спектр услуг по научно-технической подготовке производства, реинжинирингу, трансферу технологий, сертификации продукции и производства.

2. Трансформация действующих в регионе технопарков с целью формирования производственной структуры, способной обеспечить полный цикл инновационного процесса от разработки и экспертизы новшества до выпуска образца товарного продукта и его реализации.

В этой связи необходима более глубокая интеграция научных и образовательных организаций в жизнедеятельность технопарков, превращение этих организаций в якорные структуры. Расширение поля деятельности технопарков связано также с их превращением в центры технологического трансферта и обучения предпринимателей.

3. Повышение уровня разнообразия форм взаимодействия участников инновационной системы региона.

Учитывая достижения зарубежной практики, востребовано дополнение технопарков кооперационными соглашениями, участниками которой могут стать исследовательские структуры опорных вузов региона, отраслевые научно-исследовательские институты, ведущие предприятия реального сектора экономики, цель которых — передача технологий из государственного научного сектора в частно-предпринимательский производственный сектор.

Полагаем, что применительно к современной политике пространственного развития субъекта РФ значимы задачи, состав которых включает следующие:

1. Обновление социально-экономического профиля муниципальных образований.

2. Поддержка предпринимательской инициативы в муниципальных образованиях, развитие малого предпринимательства на селе.

3. Обеспечение высокой пространственной мобильности трудовых ресурсов, выравнивание условий обеспечения занятости на всей территории региона.

4. Развитие транспортной инфраструктуры, обеспечение транспортной доступности всех населенных пунктов.

5. Развитие телекоммуникационной инфраструктуры, устранение цифрового неравенства и обеспечение доступности качественных услуг связи на всей территории области.

Для инвестиционной политики, на наш взгляд, востребована постановка таких задач, как:

1. Формирование условий, благоприятствующих инвестиционной деятельности в экономике, в т.ч. индустриальном секторе (дебюрократизация процедур предоставления разрешительных документов инвесторам; внедрение дистанционных форм взаимодействия инвесторов и органов власти; создание и эксплуатация региональной геоинформационной системы, основанной на решении задач, оперирующих пространственной информацией и др.).

2. Внедрение системы территориального маркетинга, обеспечивающей эффективное позиционирование на национальном и мировом рынках перспективных инвестиционных проектов, региональных производителей и выпускаемой ими конкурентоспособной продукции.

3. Диверсификация сфер реализации инвестиционных проектов, осуществляемых в рамках государственно-частного партнерства. Заметим, что, например, для стран «Большой семерки» с большим отрывом лидирует социальная сфера, абсорбирующая более половины всех проектов.

В этой связи, востребовано усиление социальной ориентации такого партнерства, расширение практики разработки и реализации инвестиционных проектов строительства и эксплуатации больниц, специализированных медицинских центров, детских садов, школ, вузов, спортивных и рекреационных объектов, музеев и др.

4. Расширение источников финансирования, в составе которых: государственные долговые ценные бумаги, средства пенсионных фондов, инвестиционные ресурсы девелоперских компаний, сбережения населения.

ПРИОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ*

*Романова О.А. д.э.н.,
Пономарева А.О.
ИЭ УрО РАН, ИЭ УрО РАН*

Региональная политика экономического развития включает в себя целый ряд политик, характеризующих разнообразные аспекты не только собственно экономической, но социальной, экологической, инвестиционной, институциональной, технологической и др. видов деятельности. В системе этих политик базовой является промышленная политика, которая все более приобретает характер координирующего компонента различного вида государственных политик. Именно промышленная политика призвана корректировать рыночные силы, реализовывать конкурентный вектор структурных изменений, усиливать перераспределение ресурсов в направлении развития принципиально новых технологических решений.

Нормативно-правовые основы формирования и реализации промышленной политики в нашей стране подвергались значительным изменениям в период от издания Указа Президента РФ «О концепции промышленной политики России» (1997) до принятия Федерального закона «О промышленной политике в РФ» (2014). Наступление эры цифровизации

* Статья подготовлена в соответствии с планом НИР ИЭ УрО РАН "Методология исследования структурных изменений отраслевых рынков в условиях трансформации механизмов управления государственными ресурсами" № 0404-2015-0015 в ИСГЗ ФАНО

экономики требует очередной корректировки вышеуказанного закона и выделения новых стратегических ориентиров развития реального сектора экономики. Особую роль играют инструменты промышленной политики в создании экосистемы, то есть благоприятной среды для развития инноваций, прежде всего, в области высокотехнологичного производства, включая цифровую экономику. В рамках такой экосистемы создается возможность гармонизации интересов участников этих процессов, повышения эффективности их сотрудничества. Важную роль играет промышленная политика как инструмент, способствующий перманентному технологическому и институциональному обновлению, развитию процесса непрерывных инноваций, переводу всех секторов экономики на новую высокотехнологичную основу. В развитых странах в последние годы приоритетной становится не столько денежно-кредитная, сколько «денежно-промышленная» политика (*mondustrial policy*), что нацеливает денежно-кредитные инструменты на реализацию приоритетов промышленной политики.

К сожалению, среди приоритетов промышленной политики, выделенных в Федеральном Законе «О промышленной политике в РФ», отмечен только один приоритет, связанный с развитием оборонно-промышленного комплекса страны. Все ускоряющиеся темпы мирового технологического развития, появление принципиально новых технологических и организационных решений обуславливают необходимость систематизации и выявления глобальных трендов технологического развития для более четкого выявления приоритетов, задающих цели промышленной политики. Облик мировой экономики во многом будет определяться реализацией тех достижений, которые характеризуют новую технологическую волну. В ее основе можно выделить тренды, связанные с формированием сетевого подхода в организации исследований; с ростом рынков, основанных на сетевых решениях, что радикально меняет цепочки создания добавленной стоимости; с возрастанием роли компаний, умеющих комбинировать наилучшие доступные технологии и разнообразные форматы спроса, что позволяет наиболее эффективно решать многочисленные проблемы.

При формировании приоритетов промышленной политики не должны быть оставлены без внимания тренды, которые связаны с появлением новых этических, психологических и мотивационных проблем, связанных отчасти с неготовностью общества воспринимать определенные нововведения, отчасти – с неоднозначностью и отсутствием оценки последствий применения новых технологических решений. Такие решения неизбежно будут определять кардинальные изменения профиля компетенций, востребованных на рынке труда, что повышает актуальность формирования новой модели высшего образования.

Анализ исследований в области становления шестого технологического уклада позволяет сделать вывод о сформировавшемся общепринятом подходе к пониманию интеллектуального ядра как совокупности взаимосвязанных нано-, био-, инфо-, когнитивных и социо-гуманитарных технологий¹. Однако представляется, что в современных условиях недостаточно рассматривать в

¹ Лепский В.Е., Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.:Изд-во «Когнито-Центр», 2010 – 255 с.; Романова О.А. Инновационная парадигма новой индустриализации в условиях формирования интегрального мирохозяйственного уклада // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 1. С. 276-289.; Иванов В.В., Малинецкий Г. Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва: технологии, образование, наука. М.: Ленанд. 2016. – 304 с.

числе составляющих интеллектуального ядра, только эти технологии. Некоторые из них становятся не просто составляющими ядра нового технологического уклада, но и сами формируют своеобразный экономический уклад. Так, развитие информационно-коммуникационных технологий, приведших к цифровой революции, явилось одним из факторов появления такого феномена, как цифровая экономика. На сегодняшний день имеются различные подходы к определению понятия цифровой экономики². Представляется более обоснованным мнение ряда специалистов, которое мы разделяем, что цифровая экономика – это своеобразный экономический уклад, это экономика данных, в рамках которой они создаются, передаются, хранятся, но главное, что на основе анализа этих данных принимаются управленческие решения, которые позволяют повысить эффективность экономики, эффективность управления, а значит и повысить качество жизни.

В современных условиях, формирование цифровой экономики – это, по заявлению Президента России, «вопрос национальной безопасности независимости России, конкурентоспособности отечественных компаний, позиций страны на мировой арене на долгосрочную перспективу»³. Доля цифровой экономики в ВВП страны в настоящее время незначительна, всего 3,9%, но темпы роста ее объема уже сейчас выше темпов роста ВВП. Если в период с 2011 по 2015 год ВВП страны вырос на 7%, то объем цифровой экономики за этот же период возрос на 59%, то есть, ее рост в 8,5 раз опережал рост экономики в целом. А если говорить о приросте ВВП, то за указанный период цифровая экономика обеспечила почти четверть (24%) общего прироста ВВП страны⁴.

По оценкам Министра промышленности и торговли РФ Д. Мантурова, системный переход на цифровую модель развития позволит обеспечить к 2024 году рост производительности труда в обрабатывающих отраслях более чем на 30%, а увеличение вклада секторов, базирующихся на передовых производственных технологиях, в ВВП страны до 15%. Основные направления, по которым предполагается развитие цифровой экономики в реальном секторе экономики и которые должны быть в центре промышленной политики, это разработка современного оборудования, материалов для обеспечения цифровизации; разработка сложного программного обеспечения; разработка интеллектуальных систем управления. В тоже время можно отметить, что оценка готовности отраслей РФ к формированию цифровой экономики позволяет с большой осторожностью относиться к оптимистичным оценкам системного перехода на цифровую модель развития⁵.

Многие эксперты считают, что предвестником новой технологической (промышленной) революции являются именно аддитивные технологии, а ядро шестого технологического уклада будет построено на аддитивных технологиях. Эти технологии позволяют повысить производительность в 30 раз, получить

² Кунцман А. А. Трансформация внутренней и внешней среды бизнеса в условиях цифровой экономики//Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 11 (93). 2016. С. 1.; Справочная правовая система Консультант Плюс. Электронный ресурс: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/48166.html>.

³ Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам. 5 июля 2017 г. Электронный ресурс: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/54983>

⁴ Рожков Р., Тишина Ю. Плюс цифровизация всей страны // Коммерсантъ, 6 июля 2017, №120, С. 6.

⁵ Попов Е.В., Семячков К.А. Оценка готовности отраслей РФ к формированию цифровой экономики // Инновации, 2017, №4 (222), С. 37-41.

большую экономию в энергозатратах, в использовании материалов. В России применение аддитивных технологий в реальном секторе экономики только начинает развиваться. По данным Минпромторга РФ в настоящее время эксплуатируется 600-650 промышленных 3D-принтеров. Но из этого количества менее 10% являются аддитивными машинами, работающими на металлических порошках. Во Всероссийском институте авиационных материалов создано аддитивное производство полного цикла с использованием разработанных ВИАМом металлических порошковых композиций. Очень важно, что на базе данного института создан технический комитет по стандартизации аддитивных технологий. Из разработанных им первых 10-ти стандартов два уже утверждены. Первый из них уточняет основные термины и дает определение аддитивных технологий, второй описывает методы контроля и испытаний порошкового сырья. Это является хорошей технико-экономической предпосылкой рассмотрения аддитивного производства как перспективного высокотехнологичного вида деятельности, поддержка которого в рамках промышленной политики является приоритетной.

Выявление приоритетов промышленной политики - это задача федерального уровня, но их учет при разработке законов о региональной промышленной политике, конечно, с учетом местной специфики должен быть обязательным. Для финансовой поддержки приоритетных направлений технологического развития в Федеральном законе «О промышленной политике в РФ» предусмотрены такие новые инструменты, как Фонд развития промышленности, Специальные инвестиционные контракты, которые получили развитие и в законах о региональной промышленной политике. На сегодняшний день в стране заключено 18 специальных инвестиционных контрактов, 9 из которых – на федеральном уровне, и 9 – на региональном. Данные контракты предназначены для стимулирования локализации производства, выгодного России, для развития современных технологий, что может способствовать увеличению не сырьевого российского экспорта и т.д.

В отраслевой структуре Федеральных специальных инвестиционных контрактов основную долю составляет машиностроение, прежде всего, нефтегазовое, сельскохозяйственное, автопром. Есть также контракты в области станкостроения и производства минеральных удобрений. Общий объем заявленных инвестиций по данным проектам составляет 270 млрд. рублей, что позволит создать около 5 тысяч новых рабочих мест и произвести продукции на 1,2 трлн. рублей⁶. Фонд развития промышленности и Минпромторг РФ рассматривают еще 40 заявок на заключение специальных инвестиционных контрактов. Прошедший период позволяет положительно оценить специальные инвестиционные контракты как инструмент промышленной политики, позволяющий реализовать сложные и капиталоемкие инвестиционные проекты. Необходимо также отметить, что за прошедший период удалось отработать модель и алгоритмы подготовки и заключения специальных инвестиционных контрактов, а также механизмы их реализации.

Помимо новых инструментов, позволяющих в рамках промышленной политики поддерживать выявленные приоритеты, большое значение для согласованного формирования промышленной политики субъектов РФ имеет созданная в 2016 году консультативная комиссия Госсовета по проблеме «Современная региональная промышленная политика как фактор повышения

⁶ Обухова Е., Гайва Е. Пора братья за рычаг // Эксперт, №26 (1035), С. 13-19, С. 14.

конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности в субъектах РФ». В состав данной комиссии вошли главы регионов, которые имеют наиболее высокий рейтинг эффективности.

Можно отметить, что до появления Федерального закона «О промышленной политике в РФ» в региональных законах о промышленной политике заявлялись различные приоритеты, цели, задачи, зачастую просто противоречащие приоритетам федерального уровня. Однако после утверждения вышеуказанного закона, многие субъекты РФ фактически отказались от самостоятельной региональной промышленной политики. Так, в Свердловской области, областной региональный закон о промышленной политике звучит так: «Об отдельных вопросах реализации в Свердловской области промышленной политики Российской Федерации». Учитывая масштабность проблем, стоящих перед Россией в настоящее время, необходимо не только выработать приоритеты промышленной политики на федеральном уровне, согласовать их с регионами, в рамках созданной площадки комиссии Госсовета по проблеме современной региональной промышленной политики, но и максимально использовать внутренние и внешние возможности и ресурсы регионов.

Особо необходимо отметить, что для стимулирования активного внедрения новых технологических процессов в производство необходима существенная модификация имеющихся в рамках промышленной политики разного уровня мер поддержки. В частности, может быть запущен механизм перенастройки инструмента субсидирования выпуска пилотных партий оборудования со смещением акцентов на задачи цифровизации. Целесообразно уточнить перечень программного обеспечения, приобретение которого субсидируется Минпромторгом РФ. В настоящий период эта мера поддержки распространяется только на инжиниринговое программное обеспечение. Целесообразно расширить эту меру поддержки на те программные продукты, которые необходимы для реализации технологий индустриального Интернета, то есть фактически систем управления производственными процессами. Кроме того, целесообразно включить в число получателей скидок крупные компании высокотехнологичного сегмента.

Учитывая успешность применения специальных инвестиционных контрактов как нового инструмента промышленной политики, целесообразно внести ряд изменений в законодательство, касающихся данного инструмента. Прежде всего, может быть продлен срок действия таких контрактов с 10 до 20 лет, расширен список возможных участников контрактов, предусмотрена гарантия спроса на продукцию, выпущенную в рамках госзаказа в соответствии с данными контрактами и т.д.

Серьезной разработки требует нормативная база и стандарты для формирующихся новых рынков. Сегодня реализуется лишь отдельная программа разработки межотраслевых стандартов по таким направлениям как киберфизические системы, математическое моделирование, промышленный «интернет вещей», «умное производство», «умные города». Формирование нормативной базы регулирования процессов цифровой экономики, вышеотмеченных инструментов промышленной политики, нацеленных на ее развитие позволят повысить значимость промышленной политики как действенного инструмента, стимулирующего цифровизацию экономики, развитие аддитивных технологий, роботизации. Развитие этих процессов

неизбежно должно сопровождаться переориентацией инженерных и технологических систем на экологически дружелюбные.

Проведенные нами исследования в области промышленной политики позволяют сделать вывод о динамично меняющихся приоритетах, об изменении представлений о плюсах и минусах ее реализации, о меняющейся роли государства в проведении промышленной политики. Это позволяет считать промышленную политику достаточно сложным инструментом с высокими рисками, но большими перспективами, прежде всего, в области формирования цифровой экономики.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ

*Сердюкова М.Н.
ЧелГУ, Челябинск*

В настоящее время одним из приоритетных направлений экономического развития в России является агропромышленный комплекс. За последние четыре года произошли значительные изменения в политике страны, что подтолкнуло государство принять меры для поддержания производителей в этой сфере. В целях возрождения национального агропромышленного комплекса в 1995 году был принят федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации», что послужило толчком для активизации деятельности сельскохозяйственных кооперативов. В 2006 был разработан приоритетный национальный проект (ПНП) «Развитие АПК», направленный на создание комфортных условий для развития сельскохозяйственной деятельности. Часть деятельности этого проекта вошла в Государственную программу развития сельского хозяйства на 2013-2020 годы.

Ряд отраслей агропромышленного комплекса демонстрируют высокие темпы развития и рентабельности инвестированного капитала. В то же время руководители сельскохозяйственных предприятий отмечают наличие ряда проблем: нехватка первоначального капитала, избирательное отношение к регулированию деятельности кооперативных организаций, отсутствие понимания государственными органами их различий с коммерческими организациями, в том числе отсутствие кооперативной инфраструктуры в сложившейся структуре рынка. Социологические и психологические проблемы, возникшие в советскую эпоху, играют не меньшую роль.

Автор постарался дать обзор сельскохозяйственной политики в отношении организации сельскохозяйственного производства и сельскохозяйственной кооперации, проанализировать результаты их государственной поддержки из федерального бюджета. На основе анализа имеющихся статистических данных делается попытка проследить тенденции развития сельскохозяйственного сотрудничества в регионах России. Материал собран на основе опыта поддержки существующих систем сельскохозяйственного сотрудничества в регионах России, изучив наиболее эффективные потребительские кооперативы. Проводится анализ производственных и потребительских сельскохозяйственных коопераций в регионах (в том числе по категориям), основные показатели развития

сельскохозяйственной потребительской кооперации по видам и их динамика. Проводится мониторинг воздействия реализации Государственной программы на финансово-экономический статус кооперативов, проблемы и риски их развития.

Сегодня практически все принципы кооперации остаются на уровне идей, сложно найти идеологических противников сельскохозяйственного сотрудничества, но и объективные условия эпохи научно-технического прогресса не способствуют развитию сельскохозяйственного сотрудничества. Всемирная тенденция такова, доля населения, занимающегося производством сельскохозяйственной продукции сокращается. Полтора столетия назад объединение крестьян было буквально союзом соседей - все экономические операции происходили друг с другом, что делало процесс сотрудничества простым и прозрачным. Проблемы сельхозпроизводителей в основном такие же, как и раньше, но плотность контактов между ними значительно ниже (хотя это утверждение применимо не ко всем регионам страны, в Якутии или Бурятии ситуация другая).

Для создания практически любой сельскохозяйственной кооперации (будь это переработка, сбыт или обслуживание) необходимо, чтобы его потенциальные участники инвестировали капитал, сравнимый с принадлежащим ими имуществом, а иногда и намного больше. Благодаря средствам, равным личному потреблению нескольких сельских семей в течение года, невозможно получить даже материальную базу создаваемой кооперации. В России пока не известны случаи, когда малая форма организации сельскохозяйственного производства была создана на основе материальной базы, приобретенной за счет кооперации сельскохозяйственных товаропроизводителей. Поэтому подавляющее большинство потенциальных предпринимателей рассчитывают (более или менее оправданно) на государство.

Поддержка малых форм организации сельскохозяйственного производства является важным аспектом в развитии сельских территорий России. Сельскохозяйственные потребительские кооперации (за исключением кредитных) начали быстро развиваться с момента реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК». В рамках данного проекта стало возможным получать поддержку в форме возмещения процентной ставки по кредитам и займам из федерального и региональных бюджетов.

Статистика количества сельскохозяйственных кооперативов проводится по двум показателям - зарегистрированным и действующим кооперативам, которые включают в себя проценты, представляемые статистическим и налоговым органам, даже если они проходят нулевой баланс или проводят минимальную деятельность. Число зарегистрированных кооперативов было введено с начала ППС «Развитие АПК», чтобы контролировать, как регионы достигают своих планов. Неудивительно, что они создали «по требованию» манекены, кооперативы рухнули и сразу прекратили сообщать, как только проект был завершен.

Статистика малых форм организаций сельского хозяйства, как показала практика, достаточно проблематична, ввиду ее недоступности. Хотя в Росстате существуют формы, фиксирующие деятельность сельскохозяйственных коопераций - они собираются по регионам, а затем суммируются - невозможно найти совместную статистику в свободной доступности. Формы Росстата по статистике кооперативов передаются Министерству сельского хозяйства в отдел регулирования агропродовольственного рынка, однако они используются только

с точки зрения предоставления торговых услуг. Основные показатели сельскохозяйственных коопераций можно услышать и увидеть на презентациях министра и заместителей министров сельского хозяйства. Большие массивы совместной статистики для анализа экспертного сообщества практически недоступны. Поэтому, представленные статистические данные обоснованы источниками Федерального союза сельскохозяйственных потребительских кооперативов (ФССПК), выявленные мониторингом приоритетного национального проекта «Развитие АПК», Государственной программы, и проведенной оценкой Всероссийским институтом аграрных проблем и информатики им А.А. Никонова.

За последнее десятилетие количество зарегистрированных сельскохозяйственных потребительских кооперативов увеличилось почти в 7 раз. Но следует отметить, что только 68% от общего числа кредитных кооперативов проводили какую-либо деятельность. Министерство сельского хозяйства России поставило перед собой цель - активизировать деятельность сельскохозяйственных потребительских кредитных кооперативов и повысить устойчивость своей деятельности, укрепить отношения и работать с Россельхозбанком. Сельскохозяйственные некредитные потребительские кооперативы (СПОК) начали появляться только с начала ПНП «Развитие АПК», сегодня малые формы организации сельскохозяйственной деятельности представлены в 75 субъектах Российской Федерации, в более чем 1000 сельских поселениях. Членская база сельского кредитного сотрудничества составляет 163 тысячи акционеров, а активы превышают 12 миллиардов рублей.

В настоящее время на территории России формируется система сельскохозяйственной потребительской кооперации, в основном с участием частных домашних хозяйств, крестьянских хозяйств, физических и небольшого числа юридических лиц. Такие сельскохозяйственные кооперативы образуют первый уровень системы сельскохозяйственного сотрудничества. В 34 субъектах Российской Федерации кредитные кооперативы первого уровня сформировали региональные кооперативы второго уровня (два и более производственных или потребительских кооператива). В 2004 году по инициативе региональных кооперативов был создан Межрегиональный сельскохозяйственный кредитный потребительский кооператив (МСКПК) «Народный кредит» (кооператив 3-го уровня). В 2009 году в Астраханской области было зарегистрировано межрегиональное сотрудничество третьего уровня сельскохозяйственных потребительских кооперативов для сбора, переработки и продажи сельскохозяйственной продукции (без кредита). В 2014 году поддержка развития сельскохозяйственного потребительского сотрудничества была предоставлена восьми регионам путем софинансирования их экономически значимых региональных программ сельскохозяйственного развития, предусматривающих реализацию мероприятий по развитию сельскохозяйственной кооперации - Республики Дагестан, Чувашской Республики, Приморского края, Амурской, Астраханской, Вологодской, Пензенской и Ростовской областей.

Субсидии были предоставлены сельскохозяйственным потребительским кооперативам республик Алтай, Башкортостан, Бурятия, Карачаево-Черкесия, Коми, Мордовия, Саха (Якутия), Татарстан, Забайкальского, Пермского, Приморского, Ставропольского краев, Астраханской, Белгородской, Волгоградской, Кемеровской, Костромской, Липецкой, Омской, Орловской, Пензенской, Ростовской, Тамбовской, Томской областей, всего 25 субъектов Российской Федерации. Наибольший объем субсидий, более 20 млн. рублей,

были получены наиболее развитым региональным кооперативным системам Волгоградской, Пензенской, Ростовской, Забайкальской и Якутской областей.

В Волгоградской, Иркутской, Калужской, Кировской, Липецкой, Оренбургской, Саратовской, Тюменской областях, республиках Бурятия, Дагестане, Мордовии, Татарстане, Чувашской Республике, Краснодаре, Забайкальском и Красноярском крае создано более 100 устойчивых сельскохозяйственных потребительских кооперативов, Лидерами кооперативного движения по численности являются Пензенская область - 761 действующих сельскохозяйственных потребительских кооперативов и Республика Саха (Якутия) - 564 кооператива. В некоторых субъектах Российской Федерации объем кредитования кредитных кооперативов малым формам управления сопоставим с объемом кредитования банков (традиционно Тюменская, Астраханская, Волгоградская, Кемеровская, Самарская, Саратовская области и Краснодарский край)

В Краснодарском крае на данный момент создана некоммерческая организация «Агропромышленный союз Кубани». В их компетенции помощь в осуществлении деятельности, которая направлена на достижение социальных, управленческих целей, защиты прав и законных интересов членов Союза, разрешение споров и конфликтов, координация действий членов кооперации. Агропромышленный союз Кубани проводит и посещает много мероприятий по поддержке потребительской кооперации, в ходе которого обсуждается опыт передовых хозяйств Кубани. Кубанский агропромышленный союз является признанной на международном уровне научно-исследовательской организацией в области биотехнологии. В Краснодарском крае разработан проект создания государственного предприятия, механизм его работы предполагает покупку сельскохозяйственной продукции у сельскохозяйственных производителей региона, которая впоследствии будет подвергаться первичной переработке, упаковке и хранению, с последующей реализацией сети продаж, магазины товаров повседневного спроса, социальные предприятия и через сеть пунктов распределения для организаций санаторно-курортного комплекса. Таким образом, создание сети позволяет исключать посредников, снижая цены для потребителей, а также обеспечивая круглогодичное присутствие кубанских продуктов на местном рынке.

Липецкая область стала общероссийской платформой для обмена опытом в развитии сотрудничества. С целью приобретения дополнительных каналов продаж для сельскохозяйственной продукции для начинающих в Липецкой области, имеющих небольшие объемы производства, Управление активизировало ярмарочную деятельность на уровне области. Центр развития кооперативов организует обучение кадрового состава, осуществляет поддержку в юридических и финансовых вопросах. Ревизионный союз «Липецкий», который уже несколько лет работает в регионе, проводит аудит и защиту имущественных интересов кооперативов. Власти Липецкой области начали проект по вовлечению молодежи в кооперативное движение. Работа с молодежью осуществляется сотрудниками местного отдела по развитию среднего и малого бизнеса. В конце 2015 года власти провели ряд встреч, в которых приняли участие около 800 жителей региона, более 60 из них прошли подготовку в этом проекте. С начала 2016 года молодые люди открыли 7 кооперативов, специализирующихся на производстве и продаже кондитерских изделий, мясных и молочных продуктов, строительстве.

В Саратовской области Правительство всегда уделяло большое внимание развитию сотрудничества в сельской местности. В рамках программ развития сельскохозяйственного сотрудничества были предоставлены субсидии для возмещения части процентной ставки по займам; субсидирование покупки машин и оборудования, для укрепления материально-технической базы сельскохозяйственных потребительских коопераций; обучение и повышение квалификации персонала сельскохозяйственных кооперативов, их участие в семинарах, курсах, конференциях; выпуск нормативно-правовой литературы и другой информационной поддержки; предоставление на бесплатной основе или приобретение земельных ресурсов, промышленных и инженерных объектов, машин и оборудования, которые не используются сельскохозяйственными организациями. Все эти меры позволили сегодня активно развивать 29 кредитных, 107 снабженческо-сбытовых, 25 обрабатывающих и 14 обслуживающих сельскохозяйственных коопераций.

Таким образом, кооперация более развита, когда государство, муниципальные власти через руководителей сельских поселений, общественных объединений и предприимчивого сельского населения, фермеры принимают активное участие в деятельности малых предприятий. Для того чтобы коллективные формы управления стали мощным стимулом для экономического развития, необходимо улучшить механизмы государственного регулирования и усилить меры поддержки на всех уровнях государственного управления. Одним из фундаментальных уровней повышения роли кооперации в развитии территорий является улучшение государственной поддержки, которая предусматривает финансовую, организационную, образовательную, методологическую и консультативную поддержку для развития кооперативной системы. Поддержка должна реализовываться на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, должна предусматривать взаимосвязь программ, направленных на развитие сотрудничества и сельских районов. Также, должны быть учтены этапы организации малых форм кооперативной системы.

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ НА ОСНОВЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ ИХ РАЗВИТИЯ

*Сидорова Е.Н., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Основой финансового благополучия любого государства является эффективная поступательно развивающаяся экономика, мощный производственный потенциал, базирующийся на передовых технологиях и инновационных процессах. Поскольку инновационные процессы являются, по сути, единственным неисчерпаемым, а потому перспективным источником экономического развития, основой устойчивых темпов экономического роста, принципиально важное значение приобретают способы привлечения финансовых ресурсов на модернизацию экономики.

Опыт развитых стран показывает, что переход на новые уровни технологического развития, переход к информационному обществу – это не только достижения в области нового знания, но и мощный фактор наращивания

экономического потенциала. По результатам многочисленных исследований экономическая отдача инвестиций в инновации в среднем превышает окупаемость в любых других сферах применения финансовых ресурсов. Необходимо также учитывать, что развитие инновационных процессов является не просто одним из наиболее эффективных способов достижения устойчивого роста социально-экономических систем, но, возможно, единственным способом поступательного развития.

Российская Федерация с серьезным опозданием входит в систему инновационных преобразований. По оценке Всемирного банка, Россия ежегодно экспортирует высокотехнологичной продукции в 5 раз меньше, чем Тайланд, в 10 раз меньше, чем КНР, в 14 раз меньше Республики Корея. Доля России к уровню экспорта США составляет 2%, Японии и Германии – 3%, Франции и Великобритании – 7%. Инвестиции в приобретение новых технологий составляют порядка 18%, а инвестирование в научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы всего лишь 0,3%. Как следствие, доля России в системе международной торговли невоенной, наукоемкой продукцией составляет 0,4%, в то время как США - 36%, Японии - 30%, Германии - 17%.

Приведенные данные свидетельствуют о необходимости принятия срочных кардинальных мер по инвестированию модернизации российской экономики на инновационной основе для обеспечения ее конкурентоспособности на мировом рынке.

Объемы финансовых ресурсов, направляемых на развитие инновационной сферы, в значительной степени зависят от состояния экономики страны. Сама возможность модернизации предопределяются уровнем экономического потенциала территорий, наличием источников финансирования инновационно-инвестиционной деятельности. По оценке А. Аганбегяна, для решения проблем модернизации общественного производства России требуется дополнительное увеличение инвестиций на техническое обновление на 70 млрд. долл. ежегодно в течение ближайших 5-7 лет и еще 70 млрд. долл. – на перестройку структуры промышленности, инновационной сферы и экспорта [4]. Реально учитывая долговременную технологическую отсталость, доля инноваций в общих затратах на модернизацию, должна быть существенно больше.

Главная же проблема финансирования общесистемного характера, присущая отечественной экономике, заключается в том, что объем финансовых ресурсов, который способна предложить система финансовых институтов страны, неадекватен потребностям развития экономики, в том числе инновационным. Не менее важной проблемой финансирования, тормозящей социально экономическое развитие территорий, является отсутствие благоприятного инвестиционного климата, неразвитость комплексной системы финансовой поддержки хозяйствующих субъектов. В качестве основных источников финансирования инновационной деятельности могут выступать предприятия, крупные корпорации, государство, инвестиционные фонды, фонды инновационного развития, финансовые и кредитные организации, внешние инвесторы, стратегические партнеры, физические лица и т.д., участвующие в хозяйственном процессе. Важнейшая роль государства заключается в упорядочении условий и факторов взаимодействия участников инвестиционных процессов.

Достаточно высокий и постоянный уровень доходов, стимулирующих потенциальных инвесторов, может быть обеспечен только, если правильно будет выбран проект для инвестирования. Принципиальное значение для правильного выбора имеет оценка инвестиционной привлекательности региона России. Данная характеристика отражает степень экономического, законодательного, политического, социального и финансового развития региона инвестирования. По сути, этот показатель отображает выгодность или невыгодность вложения денежных средств в данный экономический район, сопровождающие этот процесс риски и возможные перспективы развития оцениваемого объекта.

Составными частями инвестиционной привлекательности являются инвестиционный потенциал и риск вложения денег в регион. Потенциал региона – это возможность его развития при наличии достаточного объема инвестиций. Он показывает, готов ли регион принять инвестиции, сохранятся эти денежные средства и принесут ли доход инвестору.

Субъекты РФ значительно различаются между собой по уровню инвестиционной привлекательности, развития инфраструктуры, условиям, созданным для деятельности инвесторов, рискам. В конкурентной борьбе выигрывают те субъекты, которые создают наилучшие условия для деятельности инвесторов и ведут активную кампанию по информированию потенциальных деловых партнеров об условиях ведения бизнеса в регионе. С этой целью регионы целенаправленно формируют информацию об инвестиционных возможностях территории, используя при этом такие методы, как участие в различных инвестиционных выставках, конференциях регионального, федерального и международного уровня, издание проспектов и др.

Однако наиболее эффективным инструментом, рассчитанным на привлечение инвесторов, является Инвестиционный паспорт территории. Инвестиционный паспорт территории призван играть важную роль в формировании благоприятной инвестиционной среды региона. Основная его идея состоит в том, чтобы предоставить потенциальному инвестору весь набор интересующей его информации о региональном инвестиционном климате, необходимой для формирования объективного представления об инвестиционной привлекательности, особенностях деловой среды региона, в который он намерен вкладывать свои средства. Инвестиционный паспорт должен давать возможность оценить перспективы долгосрочной инвестиционной политики территориальных органов власти, содержать информацию о возможных финансовых выгодах и расходах в случае реализации проекта, тем самым, способствовать привлечению внимания со стороны потенциальных инвесторов.

К факторам, характеризующим инвестиционный потенциал территорий, чаще всего относят:

1. Выгодное географическое положение и транспортная доступность.
2. Наличие природных ресурсов.
3. Уровень развития производственной и социальной инфраструктуры.
4. Наличие квалифицированных кадров, образовательная база.
5. Уровень и качество жизни населения.

К настоящему времени инвестиционные паспорта разработаны многими субъектами Федерации, поскольку это дает возможность анализировать инвестиционную текущую и стратегическую привлекательность региона и

размещаемых объектов и тем самым совершенствовать систему регионального управления. Аналогичная работа проводится и на муниципальном уровне. Основанием для разработки инвестиционного паспорта муниципального образования является необходимость решения органами местного самоуправления своих полномочий в соответствии с положениями Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», Федеральным законом от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» и иными нормативно-правовыми актами.

Представляет интерес опыт г. Екатеринбурга. В городе, наряду с разработкой Инвестиционного паспорта муниципального образования "город Екатеринбург", «С целью создания условий для привлечения инвестиций на территорию муниципального образования "город Екатеринбург", их эффективного использования, стимулирования инвестиционной активности субъектов хозяйственной деятельности, во исполнение Плана мероприятий ("дорожной карты") по внедрению муниципального инвестиционного стандарта в Свердловской области на территории муниципального образования "город Екатеринбург" на 2015-2016 годы, руководствуясь Федеральным законом от 06.10.2003 N 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", статьей 38-1 Устава муниципального образования "город Екатеринбург", в составе администрации города утверждена должность инвестиционного уполномоченного. Постановление Администрации города Екатеринбурга от 26 августа 2015 года N 2305 «Об утверждении положения об инвестиционном уполномоченном в муниципальном образовании "город Екатеринбург" и о назначении инвестиционного уполномоченного».

Целями деятельности инвестиционного уполномоченного являются: формирование благоприятных условий для привлечения инвестиционного капитала и реализации инвестиционных проектов на территории муниципального образования; формирование открытого информационного пространства при осуществлении инвестиционной деятельности на его территории.

Задачами деятельности инвестиционного уполномоченного являются:

- 1) анализ и прогнозирование инвестиционного развития муниципального образования;
- 2) оказание содействия в реализации инвестиционных проектов на территории города, в том числе, оказание организационной помощи субъектам инвестиционной деятельности;
- 3) мониторинг инвестиционного климата и актуализация Инвестиционного паспорта муниципального образования "город Екатеринбург".

Управление финансовыми ресурсами территорий процесс сложный и многогранный и не ограничивается только инвестиционными ресурсами. Финансовые потоки неоднородны по своему содержанию. Их движение основано на движении материальных потоков, отражающих устойчивые взаимосвязи хозяйствующих субъектов, государственных органов, домашних хозяйств и общественных организаций по поводу производства, распределения, обмена и потребления ресурсов товаров и услуг. Финансовые потоки перетекают из одного в другой, поэтому для полного представления о совокупности финансовых ресурсов территории следует рассматривать всю совокупность финансовых источников:

- средств, аккумулируемых в бюджетной системе, включая дотации, субвенции и другие поступления из вышестоящих бюджетов для покрытия дефицита территориальных бюджетов, и централизованные инвестиции (из федерального бюджета или федеральных инвестиционных фондов);
- средств внебюджетных фондов, главным образом, внебюджетных социальных фондов;
- ресурсов, используемых хозяйствующими субъектами (прибыль и амортизационные отчисления);
- ресурсов населения (домохозяйств);
- ресурсов коммерческих банков и прочих финансовых структур (используются для срочного и возвратного финансирования оборотных средств и капиталовложений).

Взаимодействие указанных потоков дает воспроизводственную характеристику финансовых ресурсов территории через смену форм их проявления.

Основным инструментом анализа движения всех создаваемых и располагаемых в регионе финансовых ресурсов служит сводный финансовый баланс, в котором отражается совокупность финансовых ресурсов, созданных и использованных на территории. Сводный финансовый баланс позволяет учитывать национальный доход, созданный на территории региона и используемый там, и часть национального дохода, созданного за пределами региона, но поступающего на его территорию в порядке распределения и перераспределения.

Одним из наиболее перспективных инструментов макроэкономического анализа являются матрицы финансовых потоков (МФП), основанные на принципах теории общего экономического равновесия, балансовом методе «Затраты – Выпуск» и методологии системы национальных счетов. С экономической точки зрения МФП на основе балансовых тождеств отражает движение финансовых ресурсов от формирования доходов до их конечного использования в различных институциональных секторах - домашних хозяйствах, секторах государственного управления, финансовых и нефинансовых корпораций. Со статистической точки зрения, МФП представляет собой развёрнутую систему: 1) сводных национальных счетов товаров и услуг, производства, образования доходов, использования доходов и операций с капиталом; 2) счетов доходов и расходов секторов экономики; 3) счетов перераспределения в виде налоговых и неналоговых доходов и расходов бюджетов разных уровней. Более подробно раскрыто в работах¹.

Важнейшей областью применения МФП является среднесрочное прогнозирование и моделирование взаимосвязи между финансовыми результатами, полученными институциональными секторами (домашними хозяйствами, сектором государственного управления, нефинансовыми и финансовыми корпорациями), и конечным спросом в экономике.

Расчеты, выполненные с использованием мультипликаторов матрицы финансовых потоков за ряд лет, показали, что изменения финансовых потоков

¹ Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В. Методические основы оценки мультипликативных эффектов от реализации общественно значимых инвестиционных проектов, Вестник УрФУ. Серия экономика и управление, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, 2015, 4, 14, 574 – 587; Татаркин Д.А. , Сидорова Е.Н. , Трынов А.В. , Оптимизация управления финансовыми потоками на основе оценки региональных мультипликативных эффектов, Экономика региона, Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, 2015, 4, 323 - 335

сводного бюджетного баланса регионов оказывают очень большое влияние на результаты экономической деятельности регионов.

В целом, можно сделать вывод, что для повышения эффективности управления финансовыми ресурсами, целесообразно детализированное составление региональных матриц финансовых потоков. Этот подход является перспективным направлением в области системного анализа экономики регионов как основы проведения эффективной финансовой политики в интересах повышения благосостояния населения России.

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ¹

*Смирнова О.П.
Пономарева А.О.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Актуальность темы исследования обуславливается тем, что на современном этапе развития региональная промышленная политика нацелена на повышение экономического потенциала региона и развитие его материальной и производственной инфраструктуры. Промышленную политику, можно рассматривать, как политику конкретизации интересов и возможностей государственной власти в ее отношениях с бизнесом и обществом в процессе развития регионов. Неблагоприятная внешнеэкономическая ситуация обусловила появление ряда вызовов для экономики России. В этой связи возникает необходимость переосмысления политики регионального развития и её адаптации к сложившимся условиям.

Развитие регионов Российской Федерации сопровождается усилением регионализации экономических и социально-политических процессов, что, в свою очередь, невозможно без качественной финансовой политики.

Сегодня перед субъектами РФ стоит достаточно много задач, среди которых наиболее важные: повышение качества жизни людей; повышение доходов населения; совершенствование социальной сферы; создание современной инфраструктуры; обеспечение экономической безопасности региона; развитие производственно-ресурсного потенциала региона. Основным инструментом для достижения поставленных перед регионами задач выступает финансовая политика, т.е. происходит последовательное управление финансовыми ресурсами во всех звеньях финансовой системы региона.

Финансовая политика имеет несколько различных определений, которые исходят из того, что входит в ее функционал. Наиболее адекватным видится тот подход, который раскрывает финансовую политику через ее элементы: бюджетная политика, налоговая политика, кредитно-денежная политика.

В настоящее время перед Россией возник ряд вызовов, обусловленных неблагоприятной ситуации во внешнеполитическом пространстве. Стал более

¹ Статья подготовлена в соответствии с планом НИР ИЭ УрО РАН "Разработка и обоснование теоретической концепции мультисубъектной промышленной политики на основе резонансных эффектов в условиях новой индустриализации" № 0404-2015-0014 в ИСГЗ ФАНО

актуальным термин «геоэкономика», как способ достижения зарубежными странами политических целей с использованием экономических инструментов, основанных на финансово-экономической мощи этих государств.

В период 2011-2015 гг. темпы роста промышленного производства неуклонно снижались: если в 2011 г. индекс промышленного производства к предыдущему году составлял 105%, то к 2015 г. он снизился до 96,6%. Обрабатывающие отрасли промышленности пережили наибольший спад в 2015 г. индекс производства по ним составил 94,6%². При этом предприятия добывающей промышленности сумели сохранить уровень производства на докризисном уровне. В подобной ситуации риски сырьевой зависимости российской экономики еще больше усугубляются.

Для того чтобы переломить сложившуюся ситуацию, нужна действенная промышленная политика, реализовывать которую необходимо на федеральном, региональном и местном уровнях. Регионы нашей страны существенно отличаются по своим экономическим, климатическим и историческим характеристикам. Эти особенности диктуют промышленным предприятиям свой специфичный путь развития, что в значительной мере повышает сложность и значимость региональной промышленной политики.

Первичную оценку эффективности промышленной политики в субъектах Российской Федерации можно провести на основе ежегодного изменения значения интегрального индекса промышленного производства по каждому из регионов страны, в сопоставлении его со среднероссийским значением в соответствующий период. Таким образом, из всех регионов России можно сформировать две группы выбора:

Выборка регионов по таким группам, как регионы с устойчивой положительной динамикой промышленного развития группа 1, и регионы, переживающие спад промышленного производства группа 2 представлена в табл. 1

По результатам анализа можно сделать вывод, что регионы, показавшие динамику промышленного производства, значительно превышают среднюю по стране (Группа 1).

Таблица 1

Динамика промышленного производства по отдельным субъектам Российской Федерации за период с 2011 по 2015 г.

Субъект Федерации		Индекс промышленного производства в % к предыдущему году					
		2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация		105,0	103,4	100,4	101,7	96,6	101,1
Группа 1	Ростовская область	119,3	107,8	106,2	105,4	153,2	112,6
	Тюменская область	99,9	99,3	100,8	99,8	100,0	102,1
	Воронежская область	110,1	129,7	106,1	108,0	103,7	104,7
	Тульская область	120,0	108,4	110,5	104,5	111,9	112,6
	Астраханская область	107,5	118,7	115,5	102,9	109,6	109,8

² Промышленное производство. 2016: Статистический сборник / Ред. колл.: А.Е.Суринов, И.А.Збарская и др. - М. : Росстат, 2016. – 561 с. Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/ind_prom_sub.xls

	Тамбовская область	116,4	112,9	106,2	108,5	104,5	103,2
	Пензенская область	105,8	102,2	101,0	99,4	99,4	98,4
	Республика Адыгея	107,2	108,7	102,7	118,5	103,1	111,7
	Республика Ингушетия	111,4	110,0	116,1	102,8	100,4	100,2
	Саратовская область	101,8	120,5	106,6	102,3	107,6	104,2
Группа 2	Самарская область	105,8	102,2	101,0	99,4	99,4	98,4
	Белгородская область	108,7	105,6	102,1	102,5	105,5	104,7
	Ивановская область	105,7	104,6	106,2	97,3	92,1	106,6
	г. Санкт-Петербург	114,6	104,7	99,6	93,6	93,0	103,9
	Чеченская Республика	97,3	99,7	101,6	102,6	101,0	100,8
	Республика Карелия	101,6	102,0	94,5	101,7	99,7	103,3
	Оренбургская область	102,5	100,6	96,9	101,2	92,5	94,2
	г. Москва	100,7	100,4	95,3	98,9	97,2	103,0
	Архангельская область	88,8	95,1	102,4	89,6	103,8	103,6
	Республика Калмыкия	75,4	89,8	108,3	103,2	99,7	112,2

Объективными предпосылками необходимости экономического регулирования регионального развития в России являются следующие: пространственная неоднородность в развитии регионов, проявляющаяся в разной плотности и связанности соответствующего экономического пространства; проявление и усиление асимметрии в развитии регионов; экономическая неравномерность развития регионов, что проявляется разным составом и объемом производительных сил на отдельных территориях; существенные диспропорции в размещении производительных сил в регионах.

Указанные предпосылки позволяют не только определять основные причины существующей дифференциации в условиях жизнедеятельности региональных социумов, но и объединить усилия территориальных общин для преодоления существующих противоречий и получения синергетического эффекта на региональном уровне.

В большинстве промышленных регионов³ России очевидно доминирование четвертого технологического уклада, фаза роста которого имеет затяжной характер с пока непрогнозируемой сменой на пятый и тем более на шестой технологический уклад, что усугубляет их догоняющее положение на мировых рынках. Поэтому требуется более настойчивое движение к созданию элементов пятого и шестого технологических укладов, где возможно осуществление крупных технологических прорывов. Для регионов это дает следующие возможности: рост конкурентоспособности и формирование региональных компаний – лидеров на мировых рынках; привлечение и эффективное использование мобильных ресурсов, в том числе инвестиционного капитала национальных и международных компаний и средств федерального

³ Романова О.А., Акбердина В.В. Методология и практика формирования высокотехнологичного сектора экономики и создания новых рабочих мест в индустриальном регионе//Экономика региона. 2013. № 3. С. 152-161.

бюджета; активизация инновационной деятельности, развитие наукоемких производств, рост интеллектуального капитала; поддержание устойчивости на рынке труда, формирование новых высокопроизводительных рабочих мест и рост профессиональных компетенций трудовых ресурсов; обеспечение высоких темпов роста экономики за счет активного освоения новых высокотехнологичных видов деятельности.

Смена технологических укладов региональной экономики возможна только на основе активной индустриальной политики⁴, при создании эффективной системы стимулирования развития высокотехнологичных производств, включая обеспечение дополнительной государственной финансовой и институционально-организационной поддержкой.

Стратегические изменения современной экономики заставляют по-новому взглянуть на место региональной политики в общей системе управления государством⁵. Можно выделить следующие принципы новой региональной политики (рис. 1):

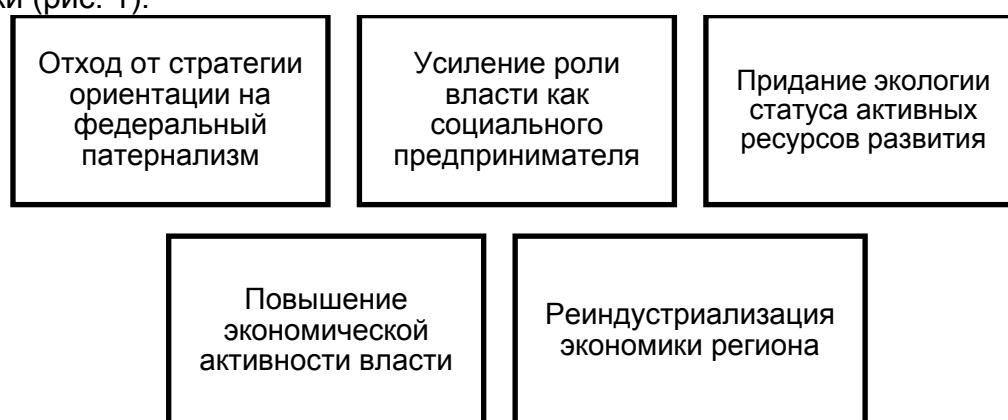

Рис. 1 Принципы новой региональной политики

Новая экономическая политика региона должна охватывать следующие аспекты: Эффективность использования уникальных экономических и социальных ресурсов и преференций региона; Освоение экономического пространства региона; модернизация и инновационное развитие секторов экономики региона; Региональная, межрегиональная и трансграничная интеграция; Конкурентоспособность экономики и формирование региональных брендов; безопасность развития региона (экономическая, продовольственная, энергетическая); Стратегическое партнерство государства, бизнеса и населения; социальная и экономическая ответственность, честность и справедливость; Инвестиционная и социальная привлекательность региона.

⁴ Родионова И.А. Мировая промышленность: структурные сдвиги в и тенденции развития (вторая половина XX -начало XXI вв.): монография. М.: МГУЛ, 2009. 231 с.

⁵ Бодрунов С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства//Экономическое возрождение России. 2014. № 2. С. 5-16.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ АГРАРНЫХ ПОЛИТИК В РОССИИ: ОТ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ К СТИМУЛИРОВАНИЮ ЭКСПОРТА

Смирных С.Н., к.э.н.
УрГЭУ, Екатеринбург
Ли В.А.

ИЭ УрО РАН, УрГЭУ, Екатеринбург

Изменение конъюнктуры мировых энергетических рынков (снижение цен на нефть), усиление геополитической напряженности между Россией и западными странами (и, как следствие, введение обоюдных санкций) привели к тому, что в 2014-2015 году в стране «стартовала» импортозамещающая аграрная политика, направленная на обеспечение устойчивого развития сельского хозяйства в условиях его частичной изоляции¹. Для снижения внешних негативных эффектов и обеспечения конкурентоспособности сельского хозяйства на мировом продовольственном рынке произошла переориентация аграрной политики России с импортозамещения на стимулирование экспорта продовольствия².

Изучению различных аспектов аграрной политики в России посвящено значительное число работ как зарубежных, так и российских исследователей³. Вместе с тем, практически отсутствуют исследования, изучающие теоретико-методические и эмпирические аспекты адаптации аграрной политики в России к специфике региональных моделей функционирования сельского хозяйства.

Данное исследование строится на предположении, что в России наблюдается значительная межрегиональная дифференциация аграрного производства. Для анализа пространственной неравномерности развития сельского хозяйства рассчитан индекс Херфиндала-Хиршмана (*HHI*). Результаты оценки региональной концентрации свидетельствуют о наличии существенной межрегиональной дифференциации сельскохозяйственного производства в России и ее росте в 2016 году (рис. 1).

Представить масштабы пространственной неравномерности развития российского аграрного сектора позволяют данные таблицы 1. Таким образом, семь регионов-«лидеров» производят около трети всей сельскохозяйственной продукции в стране.

¹ Ушачев И.Г. Научные проблемы импортозамещения и формирования экспортного потенциала продукции агропромышленного комплекса России // АПК: экономика, управление. 2016. №1. С. 4-21.

² Бородин К. Влияние эмбарго и санкций на агропродовольственные рынки России: анализ последствий // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 124-143.

³ Алтухов А.И., Дрокин В.В., Журавлев А.С. От стратегии обеспечения продовольственной независимости к стратегии повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса // Экономика региона. 2016. №3. С. 852-864.; Барсукова С.Ю. Выделение регионов, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, или как в России собираются помогать сельскому хозяйству в условиях членства в ВТО // ЭКО. 2014. №3. С. 89-104.; Липкович Э.И. Импортозамещение и модернизация АПК // АПК: экономика, управление. 2016. №8. С. 4-18.; Полушкина Т.М. Сельское развитие России в условиях новых глобальных вызовов и угроз // Фундаментальные исследования. 2016. №2. С. 609-613.

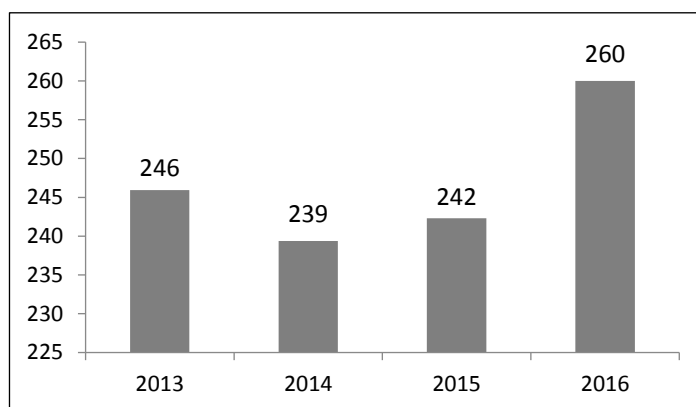

Рис. 1. Динамика концентрации аграрного производства (НИИ) в регионах России, %

Таблица 1

Российские регионы, производящие максимальные и минимальные объемы сельскохозяйственной продукции

Наименование региона	Продукция сельского хозяйства в фактических ценах, млн. руб.			Доля в производстве сельскохозяйственной продукции РФ, %	
	2016	2015	Темп роста, %	2016	2015
Регионы - лидеры аграрного производства (в порядке уменьшения объемов производства)					
Краснодарский край	420 892,8	333 581,6	126,2	7,48	6,62
Ростовская область	305 601,2	229 342,8	133,3	5,43	4,55
Республика Татарстан	238 575,0	213 731,6	111,6	4,24	4,24
Белгородская область	226 543,7	218 072,7	103,9	4,03	4,33
Воронежская область	219 817,8	200 235,1	109,8	3,91	3,98
Ставропольский край	210 962,8	175 668,7	120,1	3,75	3,49
Республика Башкортостан	165 724,6	152 089,0	109,0	3,16	3,02
Всего	1 788 117,9	1 522 721,5	117,4	32,00	30,23
Регионы - аутсайдеры аграрного производства (в порядке возрастания объемов производства)					
Ненецкий Автономный округ	1 214,1	668,8	181,5	0,02	0,01
Чукотский автономный округ	1 309,3	1 580,4	82,8	0,03	0,03
Ямало-Ненецкий автономный округ	1 697,9	1 815,8	93,5	0,03	0,04
Мурманская область	1 726,2	2 261,5	76,3	0,03	0,05
Город Севастополь	1 786,4	1 481,6	120,6	0,03	0,03
Магаданская область	2 471,2	2 421,2	102,1	0,04	0,05
Республика Карелия (2016) / Республика Ингушетия (2015)	5 355,2	5 699,2	94,0	0,10	0,11
Всего	15 560,3	15 928,5	97,7	0,28	0,32

При этом уровень межрегиональной дифференциации повышается за счет роста объемов аграрного производства в лидирующих регионах и сокращения – в регионах-«аутсайдерах».

Региональные модели функционирования сельского хозяйства были определены с использованием кластерного анализа 84 субъектов Российской Федерации (город Санкт-Петербург исключен из анализа по причине отсутствия официальных статистических данных об объемах производства сельскохозяйственной продукции в 2015 г.). Параметрами кластеризации субъектов РФ являлись: доля региона в производстве продукции сельского хозяйства в РФ по всем категориям хозяйств, %; вклад организаций в производство продукции сельского хозяйства региона, %; удельный вес хозяйств населения в производстве

продукции сельского хозяйства региона, %; удельный вес крестьянских (фермерских) хозяйств в производстве продукции сельского хозяйства региона, %; количество высокопроизводительных рабочих (ВПРМ) мест в отрасли, ед. (данный показатель косвенно характеризует уровень региональной производительности труда в отрасли); удельный вес ВПРМ, созданных в сельском хозяйстве, в общем числе высокопроизводительных рабочих мест региона, %; уровень безработицы населения по субъектам РФ в среднем за год, %; удельный вес растениеводства и животноводства в производстве продукции сельского хозяйства региона.

На основании предварительного анализа (древовидная кластеризация) и эмпирических тестов, проведенных при помощи программного продукта «STATISTICA 10», выделено 10 различных региональных моделей сельского хозяйства (табл. 2).

Таблица 2

Кластеры регионов, реализующих различные модели функционирования сельского хозяйства

Наименование кластера	Состав субъектов РФ, входящих в кластер
1. «Непрофильные» регионы с «традиционным» аграрным производством обслуживающего типа	21 регион: Ивановская область, Иркутская область, Калининградская область, Калужская область, Кемеровская область, Костромская область, Курганская область, Нижегородская область, Омская область, Оренбургская область, Самарская область, Смоленская область, Томская область, Тюменская область, Ульяновская область, Камчатский край, Красноярский край, Пермский край, Приморский край, Республика Башкортостан, Чувашская республика
2. «Ведущие» регионы с развитым аграрным производством	7 регионов: Алтайский край, Краснодарский край, Волгоградская область, Воронежская область, Ростовская область, Республика Татарстан, Саратовская область
3. «Непрофильные» регионы с институционализированным аграрным производством обслуживающего типа	17 регионов: Брянская область, Владимирская область, Вологодская область, Кировская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Новосибирская область, Псковская область, Свердловская область, Тверская область, Челябинская область, Ярославская область, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская республика
4. Регионы высокопроизводительного аграрного производства	9 регионов: Курская область, Липецкая область, Орловская область, Пензенская область, Рязанская область, Тульская область, Московская область, город Москва, Амурская область
5. Регионы низкопроизводительного аграрного производства	6 регионов: Архангельская область, Сахалинская область, Хабаровский край, Республика Карелия, Республика Крым, город Севастополь
6. Регионы «экстремального» аграрного производства	3 региона: Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ
7. Регионы – «аутсайдеры» аграрного производства	3 региона: Республика Ингушетия, Республика Тыва, Чеченская республика
8. «Отстающие» животноводческие регионы со слаборазвитым или низкопроизводительным аграрным производством	9 регионов: Забайкальский край, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Республика Калмыкия, Республика Хакасия, Карачаево-Черкесская республика, Республика Дагестан, Республика Северная Осетия-Алания
9. Регионы – «лидеры» сельскохозяйственного производства	3 региона: Белгородская область, Тамбовская область, Ставропольский край
10. «Отстающие» растениеводческие регионы со слаборазвитым или низкопроизводительным аграрным производством	6 регионов: Астраханская область, Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская республика, Магаданская область, Еврейская автономная область, Ханты-Мансийский автономный округ

Предварительные результаты исследования позволяют построить матрицу моделей функционирования сельского хозяйства (рис. 2).

Лидирующую группу формируют регионы, реализующие наиболее эффективную модель функционирования сельского хозяйства: сочетание значительных объемов агропроизводства и относительно высокой заработной платы в отрасли.

Количество ВПРМ, созданных в сельском хозяйстве**	высокое (более 2%)	Несбалансированное аграрное производство (группа 1)	Группа «претендентов на лидерство»	Лидирующая группа
	среднее (1-2%)	Средняя группа	Средняя группа	Группа «претендентов на лидерство»
	низкое (до 1%)	Проблемная группа	Средняя группа	Несбалансированное аграрное производство (группа 2)
		низкая (до 1%)	средняя (1-2%)	высокая (более 2%)

Значимость региона в производстве сельскохозяйственной продукции *

Рис. 2. Матрица региональных моделей функционирования сельского хозяйства

* Определяется на основании доли региона в производстве продукции сельского хозяйства в РФ, %

** Критерий оценки - удельный вес ВПРМ, созданных в сельском хозяйстве, в общем числе ВПРМ региона, %

Регионы – «претенденты на лидерство» – демонстрируют модель «догоняющего развития» и уступают «регионам лидерам» либо в объемах выпуска продукции, либо в темпах создания высокопроизводительных рабочих мест в аграрном секторе.

Для «средней» группы регионов характерны умеренная продуктивность сельского хозяйства и/или активность создания ВПРМ в отрасли.

Кроме этого, выделены две группы регионов «несбалансированного аграрного производства». Группа 1 – регионы, демонстрирующие высокую активность в создании высокопроизводительных рабочих мест в аграрном секторе при низких объемах производства сельхозпродукции. К группе 2 относятся регионы с высокими объемами сельскохозяйственного производства, но низкой результативностью труда (зарплата, производительность работников) в отрасли.

Наконец, «проблемную» группу составляют регионы, в которых сельскохозяйственное производство слабо развито (например, по причине неблагоприятных природно-климатических условий) либо является низко результативным. Поэтому регионы данной группы «пассивны» в сфере создания ВПРМ в аграрном секторе.

На основании матрицы (рис. 2) были предложены следующие типы региональных аграрных политик. Для «лидирующей» группы аграрная политика должна быть направлена на активное развитие экспортного потенциала регионов на мировом рынке продовольствия за счет повышения эффективности аграрного производства (экспортно-ориентированная политика).

Применительно к группе регионов «претендентов на лидерство» целесообразно использовать активную политику повышения продуктивности аграрного сектора (стимулировать рост концентрации производства в рамках крупных сельскохозяйственных организаций, развивать сектор крестьянских и

фермерских хозяйств, повышая уровень механизации и технической оснащенности аграрного производства и т.д.). При этом целесообразно выделять две разновидности активной аграрной политики: ориентированную на результат (увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции) и направленную на процесс (рост числа ВПРМ в сельском хозяйстве региона: повышение производительности труда, рост заработной платы и т.п.).

Для регионов «средней» группы необходима селективная аграрная политика, учитывающая специфику их социально-экономического развития, природно-климатические условия и сложившуюся отраслевую структуру агропроизводства.

Для регионов «несбалансированного аграрного производства» можно рекомендовать смешанные типы аграрной политики: для группы 1 – результирующую селективную политику, точно стимулирующую развитие определенных подотраслей и отдельных хозяйств, имеющих потенциал увеличения объемов производства сельскохозяйственной продукции; для 2 – процессную селективную политику, направленную на повышение социально-экономической эффективности аграрного производства.

Наконец, для регионов «проблемной» группы необходима внутренне-ориентированная (адаптационная и/или пассивная) политика, включающая стимулирование развития «ведущих (традиционных)» отраслей сельского хозяйства, а также достижение относительной продовольственной независимости регионов.

Перспективными направлениями развития данного исследования являются:

- проведение углубленного анализа факторов, влияющих на межрегиональную дифференциацию аграрного производства;
- уточнение типологии региональных аграрных политик и разработка рекомендаций по выбору инструментов государственной поддержки сельского хозяйства в российских регионах;

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

*Третьякова Е.А., д.э.н.
ПГНИУ, Пермь*

Современная государственная региональная политика ориентирована на снижение дифференциации в уровне развития российских регионов, на полномасштабное обновление технологий и ускоренный переход на инновационный путь развития. Целью данного исследования является определение сложившихся тенденций пространственной концентрации инновационной деятельности в регионах России.

Инновационная активность регионов оценивалась по таким показателям, как объем инновационных товаров, работ и услуг; затраты на технологические инновации; число используемых передовых производственных технологий, число организаций, выполнявших научные исследования и разработки; численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками; внутренние затраты на научные исследования и разработки; число созданных передовых производственных технологий. Исследование проводилось за период с 2005 по 2015 гг. включительно. Информационной базой послужили данные официальной статистической отчетности¹. Для обеспечения однородности

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. - [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru>. (дата обращения: 22.05.2017 г.)

исследуемой совокупности в течение всего исследуемого периода анализ проводился по 80 регионам России (без учета регионов Крымского федерального округа).

Для анализа пространственной концентрации и однородности инновационной активности регионов рассчитывались такие показатели, как индекс концентрации Херфиндаля-Хиршмана (*HHI*), коэффициент концентрации трёх крупнейших регионов (*CR₃*), индекс концентрации Джини (*G*) и коэффициент вариации (*K_V*).

Исследования показали, что объем инновационных товаров, работ и услуг за исследуемый период распределялся между регионами крайне неоднородно (*K_V* составлял около 200 % при пороговом значении 33 %), о существенной неравномерности распределения показателя по регионам свидетельствовал и *G*, значение которого превышало 0,5. При этом уровень концентрации характеризовался как «низкий», так как *HHI* не достигал 1000 единиц, а *CR₃* в основном не превышал 45 % (рис. 1).

Затраты на технологические инновации между регионами распределялись также крайне неоднородно (*K_V* превышал 150 %, значение *G* составляло около 0,6). При этом уровень концентрации характеризовался как «низкий», так как *HHI* не достигал 1000 единиц, а *CR₃* в течение большинства лет исследуемого периода не превышал 45 % (рис. 2).

Число используемых передовых производственных технологий в целом по РФ за исследуемый период возросло со 141 до 218 тысяч. При этом отмечается снижение степени неоднородности этого показателя (значение *K_V* уменьшилось со 163,2 до 123,6 %, значение *G* снизилось с 0,63 до 0,55). При этом уровень концентрации оставался низким и имел тенденцию к снижению с 2006 г. (рис. 3).

За 2005 – 2015 гг. число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, увеличилось с 3,5 до 4,2 тысяч. При этом снизилась неоднородность их распределения между регионами (значение *K_V* уменьшилось со 220,3 до 190,6 %) и повысилась равномерность распределения этого показателя (значение *G* снизилось с 0,41 до 0,38). Уровень концентрации оставался низким и также имел тенденцию к снижению (рис. 4).

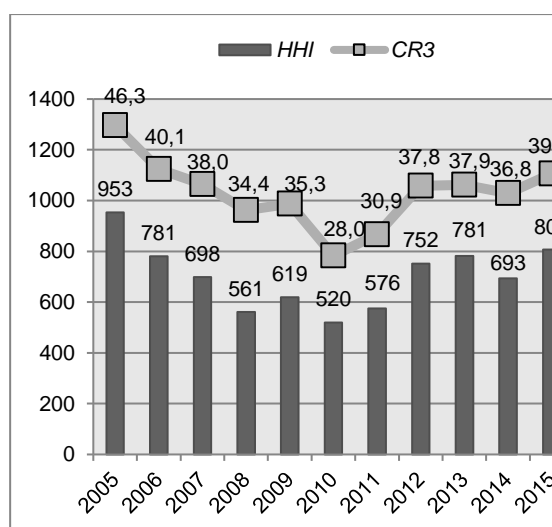

Рис. 1. Динамика *HHI* и *CR₃* по показателю «Объем инновационных товаров, работ и услуг»

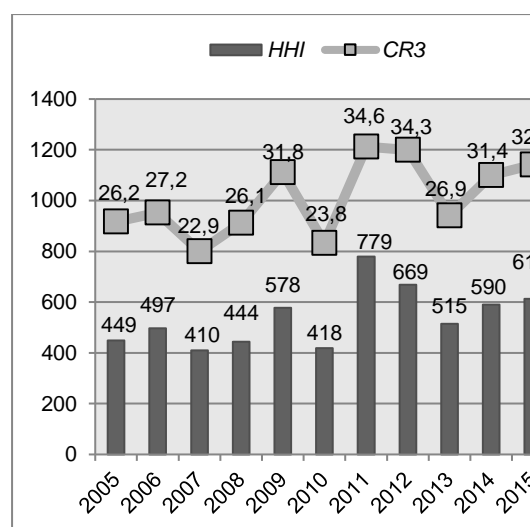

Рис. 2. Динамика *HHI* и *CR₃* по показателю «Затраты на технологические инновации»

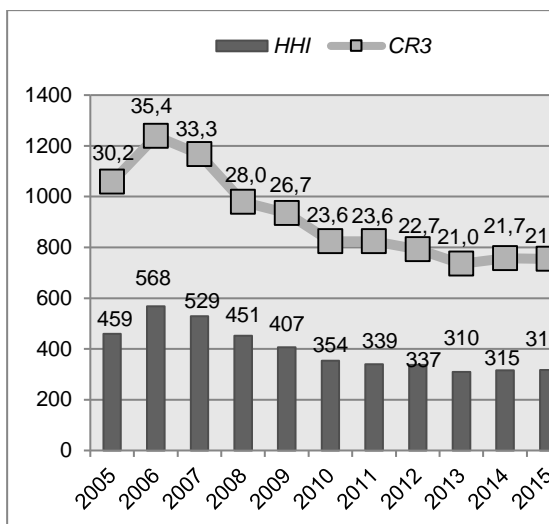

Рис. 3. Динамика HHI и CR_3 по показателю «Число используемых передовых производственных технологий»

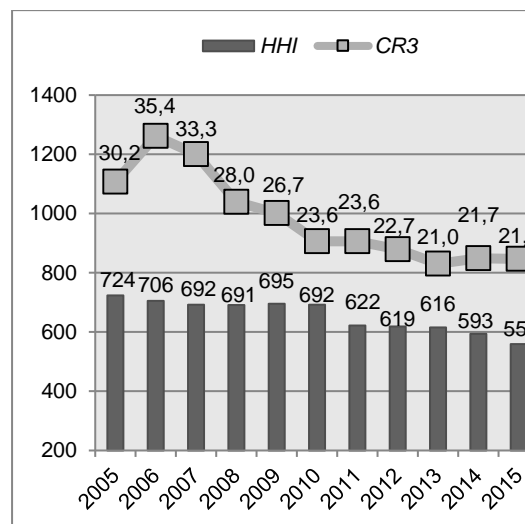

Рис. 4. Динамика HHI и CR_3 по показателю «Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки»

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, за период сократилась с 813 до 739 тыс. человек. При этом оставалась достаточно высокой неоднородность распределения этого показателя между регионами (значение K_V превышало 300 %, а G составляла около 0,48). Уровень концентрации был более высоким и характеризовался как «умеренный», так как HHI находился в пределах от 1000 до 2000 единиц (рис. 5). К концу исследуемого периода около 55 % персонала, занятого исследованиями и разработками, было сосредоточено всего в трех российских регионах.

Высокой неоднородностью отличались и внутренние затраты на научные исследования и разработки (значение K_V превышало 300 %, а G находился в пределах 0,44 – 0,49). Уровень концентрации также характеризовался как «умеренный» (рис. 6): HHI находился в пределах от 1000 до 2000 единиц, а CR_3 составлял от 57,8 до 62,3 %.

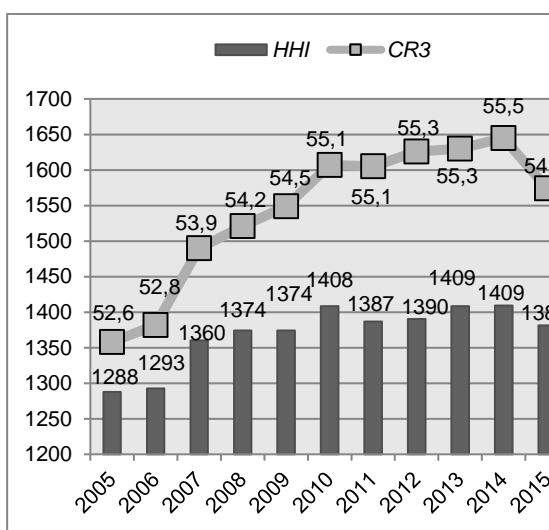

Рис. 5. Динамика HHI и CR_3 по показателю «Численность персонала, занятого исследованиями и разработками»

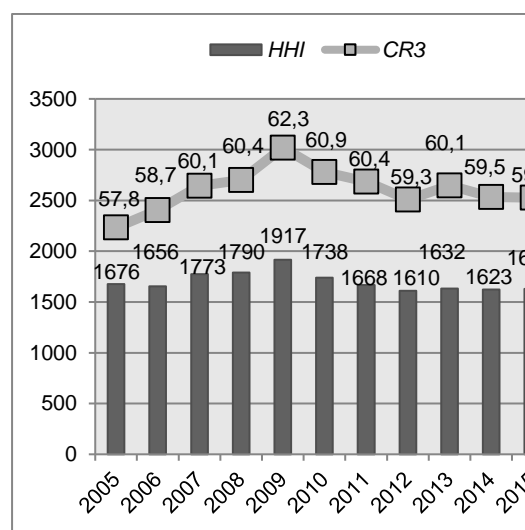

Рис. 6. Динамика HHI и CR_3 по показателю «Внутренние затраты на научные исследования и разработки»

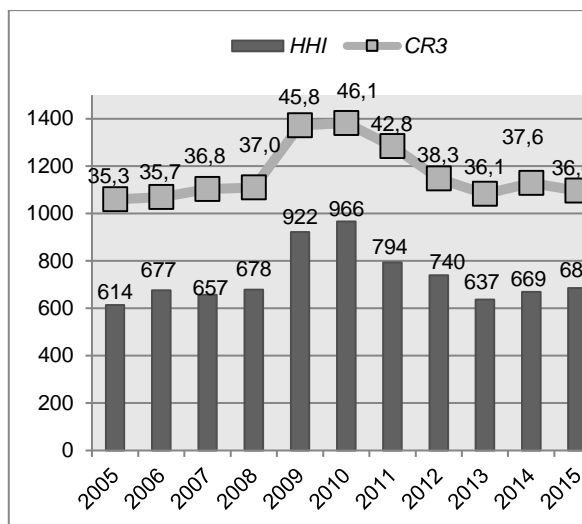

Рис. 7. Динамика ННТ и CR₃ по показателю «Число созданных передовых производственных технологий»

Число созданных передовых производственных технологий в целом по РФ за исследуемый период возросло со 637 до 1398 единиц. При этом отмечается рост степени неоднородности этого показателя (значение K_V выросло со 186,3 до 199,7 %), оставалась высокой и неравномерность его распределения (значение G находилось в пределах с 0,69 до 0,73). При этом уровень концентрации в течение большинства лет исследуемого периода характеризовался как «низкий» (рис. 7).

Исследование показало значительную неравномерность распределения инновационной деятельности в российских регионах и тенденцию к ее концентрации в отдельных субъектах РФ. В случае равномерного распределения значений показателей инновационной деятельности по регионам России, их удельный вес составил бы 1,25 %. С учетом этого значения в качестве регионов-лидеров были выделены регионы, у которых значения «выше среднего» отмечались по всем анализируемым показателям инновационной деятельности. По группе регионов-лидеров была проведена оценка динамики показателей инновационной деятельности. Результаты проведенного анализа представлены в таблице 1.

Данные таблицы показывают, что на 10 регионов (12,5 % от их общего количества) приходится более 65 % от общего объема инновационных товаров, работ и услуг, около 58 % от общей суммы затрат на технологические инновации, более 43 % от общего числа используемых передовых производственных технологий, более 48 % числа организаций, выполняющих научные исследования и разработки, около 72 % численности персонала, занятого исследованиями и разработками, более 77 % от общей суммы затрат на научные исследования и разработки и свыше 61 % от общего числа созданных передовых производственных технологий. При этом отмечается существенное снижение совокупной доли группы в объеме инновационных товаров, работ и услуг (-7,92 %), в общем числе используемых передовых производственных технологий (-4,08 %) и в числе организаций, выполняющих научные исследования и разработки (-5,44 %), что говорит о ее перераспределении в пользу других регионов. В то же время отмечается рост совокупной доли группы в общем числе

созданных передовых производственных технологий (+4,53 %), что свидетельствует о повышении концентрации научных результатов внутри данной группы регионов.

Расчет условного коэффициента затратоотдачи, показывающего, какое количество процентов инновационных товаров, работ и услуг приходится на один процент затрат на технологические инновации, показал, что его значение больше единицы в таких регионах, как Челябинская, Ростовская, Нижегородская, Самарская области, Республика Татарстан и г. Москва (рис. 8). В целом по группе регионов-лидеров один процент затрат на технологические инновации дает отдачу в виде 1,13 % инновационных товаров, работ и услуг.

Расчет условного коэффициента производительности труда, характеризующего отдачу от трудовых ресурсов в виде объема (в процентах) созданных передовых производственных технологий в расчете на один процент численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, показал, что его значение превышает единицу в таких регионах, как Челябинская, Свердловская, Самарская области, Пермский край, Республика Татарстан, г. Санкт-Петербург (рис. 9). В целом по группе регионов-лидеров один процент численности персонала, занятого исследованиями и разработками, дает отдачу в виде 0,86 % от общего числа созданных передовых производственных технологий.

Оба этих условных показателя эффективности превышают единицу в таких субъектах РФ, как Челябинская и Самарская области, а также Республика Татарстан.

Таблица 1.

Динамика основных показателей инновационной деятельности регионов-лидеров за 2005-2015 гг.

Субъект РФ	Объем инновационных товаров, работ и услуг		Затраты на технологические инновации		Число используемых передовых производственных технологий		Число организаций, выполняющих научные исследования и разработки		Численность персонала, занятого исследованиями и разработками		Внутренние затраты на научные исследования и разработки		Число созданных передовых производственных технологий	
	2015	изм.	2015	изм.	2015	изм.	2015	изм.	2015	изм.	2015	изм.	2015	изм.
г. Москва	22,16	16,88	15,81	8,13	8,65	0,81	19,43	-2,64	32,42	1,54	35,29	-1,65	18,53	2,36
г. Санкт-Петербург	5,47	3,56	5,64	0,01	3,72	2,29	7,16	-3,52	10,70	-0,10	11,99	0,59	11,44	0,93
Московская область	7,65	0,30	11,16	5,90	7,56	-1,50	6,01	0,24	11,62	0,72	12,17	0,75	4,86	-0,16
Республика Татарстан	9,71	-7,78	4,43	-2,47	3,06	1,65	2,90	0,57	1,72	-0,04	1,33	0,02	4,15	3,21
Самарская область	6,06	-13,95	5,08	-0,28	3,96	0,61	1,82	0,39	1,72	-1,29	1,90	-1,44	1,79	-3,39
Нижегородская область	4,83	3,71	4,63	1,41	5,34	-8,00	2,42	-0,41	5,41	-0,72	7,17	0,65	4,58	-4,06
Ростовская область	2,82	1,71	2,63	1,33	1,40	0,06	2,40	-0,41	1,70	-0,23	1,50	-0,17	1,57	-0,62
Свердловская область	2,67	-6,12	3,30	-6,36	4,45	-0,10	3,02	-0,26	2,96	-0,12	2,87	0,13	6,44	1,57
Пермский край	2,51	-2,11	3,82	0,55	2,19	-0,64	1,70	0,16	1,49	-0,14	1,42	-0,45	1,72	0,46
Челябинская область	1,64	-4,12	1,25	-7,61	2,91	0,74	1,56	0,44	2,05	-0,15	1,61	-0,38	6,58	4,23
Итого:	65,52	-7,92	57,75	0,61	43,24	-4,08	48,42	-5,44	71,79	-0,53	77,25	-1,95	61,66	4,53

Рис. 8. Кэфффициент затратоотдачи (2015 г.)

Рис. 9. Кэфффициент производительности труда (2015 г.)

Таким образом, проведённое исследование показало, что за период с 2005 по 2015 гг. в Российской Федерации отмечались процессы неравномерности распределения и тенденции к усилению концентрации инновационной деятельности в отдельных регионах. В группе регионов-лидеров отмечаются разнонаправленные тенденции и различные результаты в виде отдачи от затрат и трудовых ресурсов, вовлеченных в создание новых производственных технологий.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НЕТАРИФНЫХ БАРЬЕРОВ ВО ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛЕ СТРАН-ЧЛЕНОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НАФТА)¹

*Чупина Д.А., к.э.н.
УрГЭУ, Екатеринбург*

Современное состояние международной торговой системы характеризуется значительным снижением тарифной защиты, как на глобальном, так и на региональном уровнях при сохранении ощутимых нетарифных ограничений. Следует отметить, что региональные интеграционные соглашения рассматриваются рядом авторов как возможность достижения прогресса на пути сокращения нетарифных мер (НТМ) в более узком формате участников и дальнейшего распространения полученного опыта на мировом уровне². В связи с этим представляется важным проанализировать

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта №17-37-01004.

² Например, Мальцева В.А., Чупина Д.А. Региональные и мега-региональные торговые соглашения: торговля сельскохозяйственной продукцией в Транстихоокеанском партнерстве // Вестник международных

существующую практику применения нетарифных торговых барьеров в региональных интеграционных объединениях.

Объектом данного исследования выступает Североамериканское соглашение о свободной торговле, объединяющее Канаду, Мексику, Соединенные Штаты Америки. Данный региональный блок относится к типу «Север-Юг» (объединяет развитые и развивающиеся страны) и является примером нового регионализма (расширенная зона свободной торговли). Информационной базой исследования является база данных Global Trade Alert (проект Центра исследований экономической политики CEPR), в которой фиксируются значимые односторонние изменения в отношении национальных и иностранных коммерческих интересов, под которыми понимается торговля товарами и услугами, инвестиционная деятельность и трудовая миграция³. Поскольку предметом нашего исследования являются только НТМ в торговле, то из нашего анализа исключены тарифные меры, а также меры, влияющие на инвестиции и миграцию. Подчеркнем, что исходя из доступности данных анализ охватывает посткризисный период с 2009 г.

За рассматриваемый период в НАФТА введены и сохраняют свое действие к середине 2017 г. 1022 нетарифных барьера. При этом более 85% НТМ инициированы США, а направлены эти инструменты внешнеторгового регулирования преимущественно против Канады (таблица 1).

Таблица 1

Действующие НТМ, применяемые странами-членами НАФТА во взаимной торговле с 2009 г.⁴

Пара стран (импортер-экспортер)	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Итого
Канада-Мексика	3	0	1	0	3	1	12	5	7	32
Канада-США	9	4	2	2	3	5	14	10	7	56
Мексика-Канада	0	0	0	0	3	3	5	5	0	16
Мексика-США	1	7	0	1	3	6	5	6	0	29
США-Канада	51	54	82	128	96	84	75	53	20	643
США-Мексика	24	11	21	22	27	31	60	43	7	246
Итого	88	76	106	153	135	130	171	122	41	1022

Пик введения новых НТМ пришелся на 2015 г., что отражает резкий рост барьеров со стороны Канады, а также в парах торговых партнеров «Мексика-Канада» и «США-Мексика».

Среди широкого спектра нетарифных мер наиболее активно во взаимной торговле страны-члены НАФТА применяют субсидии (66,5%). Данный инструмент является основным в регулировании со стороны США (69,2%) и Канады (65,9%), однако сравнительно редко применяется Мексикой (15,6%), где структура инициированных НТМ более равномерна, а лидирующие позиции занимают меры, касающиеся экспорта (22,2%) (таблица 2). В рамках

организаций. – 2017. – Т. 12. – №1. – С. 43-65; Non-Tariff Measures and Regional Integration in the Southern African Development Community. – UNCTAD: Geneva, 2015. – 28 p.

³ GTA Handbook – URL:

https://dl.dropboxusercontent.com/content_link/1yWRtA8Myac1ZXqhxhO8GDBFVpn7FJgTNUYCgxFw1RItNHg6ahBMu2LEnsM4MHzi/file?dl=1 (accessed 10.07.2017)

⁴ Составлено автором по: Global Trade Alert – URL: <http://www.globaltradealert.org/> (accessed 10.07.2017)

объединения вторым по значимости инструментом являются ограничения в отношении государственных закупок (21,1%). Использование прочих мер носит ограниченный (например, обусловленные меры торговой защиты, связанные с торговлей инвестиционные меры, меры, касающиеся экспорта, пр.) или единичный (например, санитарные и фитосанитарные меры; технические барьеры в торговле, меры контроля над ценами) характер. В практике НАФТА полностью отсутствует применение следующих категорий НТМ:

1. предпозвездочная инспекция и прочие формальности;
2. финансовые меры;
3. меры, затрагивающие конкуренцию;
4. ограничения в отношении сбыта;
5. ограничения в отношении послепродажного обслуживания;
6. интеллектуальная собственность;
7. правила происхождения.

Таблица 2

Структурная характеристика действующих НТМ, применяемых странами-членами НАФТА во взаимной торговле с 2009 г. (классификация ЮНКТАД)⁵

Группа НТМ	Пара стран	Канада - Мексика	Канада - США	Мексика - Канада	Мексика - США	США - Канада	США - Мексика	Итого
<i>A Санитарные и фитосанитарные меры</i>		-	-	-	1	-	-	1
<i>B Технические барьеры в торговле</i>		-	1	-	-	-	-	1
<i>D Обусловленные меры торговой защиты</i>		1	7	-	9	6	16	39
<i>E Неавтоматическое лицензирование, квоты, запреты и меры количественного контроля, помимо применяемых по причинам, связанным с СФМ и ТБТ</i>		-	2	3	3	5	2	15
<i>F Меры контроля над ценами, включая дополнительные налоги и сборы</i>		1	1	-	-	-	-	2
<i>I Связанные с торговлей инвестиционные меры</i>		2	4	2	2	7	7	24
<i>L Субсидии (кроме экспортных субсидий, относящихся к группе P7).</i>		24	34	3	4	506	109	680
<i>M Ограничения в отношении государственных закупок</i>		2	3	-	-	108	103	216
<i>P Меры, касающиеся экспорта</i>		1	2	5	5	3	2	18
<i>Неидентифицированный инструмент</i>		1	2	3	5	8	7	26

Примечание – Под неидентифицированным инструментом понимаются 1) нетарифные меры, имеющие отношение к импорту, неупомянутые где-либо 2) инструменты, которые не были классифицированы.

Наиболее защищаемым с помощью НТМ сектором экономики в НАФТА являются изделия из металла, машины и оборудование (группа 4

⁵ Составлено автором по: Global Trade Alert – URL: <http://www.globaltradealert.org/> (accessed 10.07.2017)

Классификации основных продуктов (КОП) / Central Product Classification (CPC), на которые приходится 56,2% введенных мер (таблица 3).

Таблица 3

ТОП-10 секторов, на которые направлены действующие ограничительные НТМ во взаимной торговле стран-членов НАФТА с 2009 г.⁶

Код CPC (КОП) товарной группы	Наименование товарной группы	Количество действующих НТМ, шт.	Количество действующих НТМ, %
171	Электроэнергия	387	11,82
412	Изделия из черных металлов	299	9,16
411	Основные черные металлы: железо и сталь	292	8,92
429	Прочие готовые металлические изделия	289	8,83
448	Бытовые приборы и их детали	285	8,71
433	Подшипники, шестерни, зубчатые передачи и приводы; их детали	279	8,52
421	Металлические строительные конструкции и их детали	278	8,49
491	Автомобили, прицепы и полуприцепы; их детали и принадлежности	69	2,11
393	Металлические отходы или лом	51	1,56
422	Баки, резервуары и другие емкости из черных металлов или алюминия	46	1,41

Представленные в таблице 3 данные в значительной степени дублируют отраслевую структуру НТМ, введенных США. Например, из 387 ограничений, наложенных на группу 171 «Электроэнергия», 386 введены США в отношении Канады. Для Канады и Мексики основной защищаемой отраслью является автомобилестроение (код 491): 17,3% и 5,4% мер соответственно (таблицы 4,5).

Таблица 4

ТОП-5 секторов, защищаемых со стороны Канады во взаимной торговле со странами-членами НАФТА с помощью НТМ с 2009 г.⁷

Код CPC (КОП) товарной группы	Наименование товарной группы	Количество действующих НТМ, шт.	Количество действующих НТМ, %
<i>В отношении Мексики</i>			
491	Автомобили, прицепы и полуприцепы; их детали и принадлежности	13	27,1
311	Древесина, распиленная или расщепленная вдоль, разрезанная на части или окоренная, толщиной более 6 мм; железнодорожные или трамвайные шпалы из дерева, непропитанные	4	8,3
492	Кузова для автомобилей; прицепы и полуприцепы; их детали и принадлежности	4	8,3
411	Основные черные металлы: железо и сталь	3	6,3
412	Изделия из черных металлов	3	6,3
<i>В отношении США</i>			

⁶ Составлено автором по: Global Trade Alert – URL: <http://www.globaltradealert.org/> (accessed 10.07.2017)

⁷ Составлено автором по: Global Trade Alert – URL: <http://www.globaltradealert.org/> (accessed 10.07.2017)

491	Автомобили, прицепы и полуприцепы; их детали и принадлежности	13	12,8
031	Необработанная древесина	5	4,9
412	Изделия из черных металлов	5	4,9
311	Древесина, распиленная или расщепленная вдоль, разрезанная на части или окоренная, толщиной более 6 мм; железнодорожные или трамвайные шпалы из дерева, непропитанные	4	3,9
492	Кузова для автомобилей; прицепы и полуприцепы; их детали и принадлежности	4	3,9

Таблица 5

ТОП-3 секторов, защищаемых со стороны Мексики во взаимной торговле со странами-членами НАФТА с помощью НТМ с 2009 г.⁸

<i>Код СРС (КОП) товарной группы</i>	<i>Наименование товарной группы</i>	<i>Количество действующих НТМ, шт.</i>	<i>Количество действующих НТМ, %</i>
<i>В отношении Канады</i>			
491	Автомобили, прицепы и полуприцепы; их детали и принадлежности	4	10
235	Сахар и меласса	4	10
444	Машины и оборудование для горнорудной промышленности, эксплуатации карьеров и строительства и их детали	3	7,5
<i>В отношении США</i>			
491	Автомобили, прицепы и полуприцепы; их детали и принадлежности	4	3,7
412	Изделия из черных металлов	4	3,7
235	Сахар и меласса	4	3,7

Таким образом, в Североамериканской зоне свободной торговли сохраняется применение ограничительных нетарифных мер во внутриблоковой торговле товарами. Наибольшее число барьеров введены США. Основным применяемым инструментом являются субсидии. Ключевым защищаемым сектором в США является электроэнергетика, в Канаде и Мексике – автомобилестроение.

⁸ Составлено автором по: Global Trade Alert – URL: <http://www.globaltradealert.org/> (accessed 10.07.2017)

ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

Шамова Е.А., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург

Импортозамещение как экономический процесс впервые был заявлен в России после кризиса 1998 года, но на тот момент он был косвенным следствием девальвации рубля и не был связан с реализацией государственной политики. В 1998 году объем импорта в Россию сократился на 20%, при этом возросший после кризиса спрос на отечественную продукцию был удовлетворен на экстенсивной основе за счет собственных незагруженных производственных мощностей. Таким образом, вызванное девальвацией снижение импорта стало важнейшим фактором экономического роста после 1999 года². Однако, отсутствие последовательной политики импортозамещения как элемента обеспечения экономической безопасности страны, привело к тому, что импортозависимость российской экономики не была снята. За период 2000-2013 гг., объем импорта вырос в 4,8 раз в стоимостном выражении (при том, что рост ВВП за тот же период составил 1,8 раза), и увеличился в долевого выражении с 10,8% от ВВП до 26,4% (таблица 1). То есть, на момент введения санкций в 2014 году, Российская Федерация имела сформированное состояние импортозависимости своей экономики. Импортозависимость в первую очередь затронула такие товарные группы, как товары народного потребления, машины и транспортные средства, продовольствие (таблица 2).

Таблица 1
Объемы импорта продукции в экономику Российской Федерации

Показатели	Годы								2013 г. в размах к 2001 г.
	2001	2005	2008	2009	2010	2013	2014	2015	
ВВП РФ, в постоянных ценах 2010 г., млрд.\$	1000,0	1281,3	1583,0	1459,2	1524,9	1666,9	1678,7	1616,1	1,8
Импорт в РФ, в постоянных ценах 2010 г., млрд.\$	108,4	209,5	368,2	256,3	322,4	440,8	407,4	302,8	4,8
Импорт, в % к ВВП	10,8	16,4	23,3	17,6	21,1	26,4	24,3	18,7	

Источник: World Development Indicators.

¹ Публикация выполнена в рамках исследовательского проекта №15-14-7-2 «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения»

² Кадочников П. Анализ импортозамещения в России после кризиса 1998 года. М.: ИЭПП, 2006.

Таблица 2

Соотношение стоимостного объема импорта продукции к ее производству в России, в целом за год, %

Группы товаров	2014 г.	2015 г.
Текстиль, текстильные изделия, кожевенное сырье, обувь, пушнина и изделия из них	212,5	208,2
Машины, оборудование и транспортные средства	82,5	77,0
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	31,2	27,3
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	18,3	15,2
Продукция химической промышленности, каучук, неметаллические минеральные продукты	17,9	19,3
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	16,9	13,9

Источник: составлено автором на основании данных Росстата об импорте товаров в РФ и объема отгруженных товаров собственного производства.

Начало реализации государственной политики импортозамещения, таким образом, было связано с устойчиво сложившимися структурными проблемами в экономике страны. Сформировавшиеся внешние угрозы, обострившие внешнеэкономические отношения, только сыграли спусковым механизмом запуска данной государственной стратегии.

В 2014 году Минпромторг России, как основной реализатор политики импортозамещения в промышленности, принял решение осуществлять данный процесс на основе соответствующих планов, представляющих собой перечень не организационных мероприятий, а продуктов и потенциальных проектов. Основными документами при этом стали отраслевые планы импортозамещения. Данное решение позволило уйти от проблемы формирования единой государственной программы импортозамещения. Положительной стороной такого решения стало сокращение времени на разработку необходимых нормативно-правовых актов, на основании которых базировались меры государственной поддержки предприятий, производящих импортозамещающую продукцию, поскольку при создании данной единой госпрограммы процессы согласования заняли бы длительное время и потребовалось бы исключить дублирование мероприятий по всей системе государственных программ, уже содержащих импортозамещающие решения. Отрицательной стороной можно назвать отсутствие единого комплексного подхода к решению задач формирования импортозамещающих производств, который позволил бы спроектировать производственные цепочки, восстановить необходимые экономические связи между различными поставщиками комплектующих, производящихся, зачастую в разных отраслях и/или в различных регионах. Это привело к тому, что в настоящее время невозможно выделить четкий перечень проведенных мер государственного воздействия, направленных на решение данных вопросов. В результате включения новых задач импортозамещения в уже действующую промышленную политику, эти задачи были интегрированы и «размыты».

Посредством утвержденных отраслевых планов импортозамещения осуществляется регулирование политики импортозамещения не только в целом по стране, но и на региональном уровне. Субъекты Федерации получили

возможность направлять предложения по осуществлению конкретных проектов в рамках технологических направлений и позиций, определенных отраслевыми планами, на федеральный уровень. То есть, несмотря на то, что основные документы носят отраслевой характер, фактически система госрегулирования настроена таким образом, что именно региональный уровень власти является тем связующим звеном, который позволяет промышленному предприятию получить организационную, информационную, финансовую, инфраструктурную помощь. Нормативно-правовой основой данного взаимодействия региональной власти с промышленными предприятиями стали соответствующие региональные планы импортозамещения. В настоящее время данные планы действуют во всех субъектах Федерации.

Поскольку именно региональный уровень призван оказать основное воздействие на реализацию политики импортозамещения, а единого перечня механизмов государственного регулирования процессов импортозамещения в качестве отдельного документа не было сформулировано, была поставлена цель проанализировать действующие региональные планы и определить какие виды государственного воздействия были задействованы на различных территориях.

То, что существует большое различие среди региональных планов импортозамещения, было отмечено при проведении в конце 2015 года Минпромторгом РФ экспертизы принятых на региональном уровне нормативно-правовых актов, в которых утверждались планы мероприятий по импортозамещению. На основании данного анализа органам исполнительной власти Российской Федерации в сфере экономической политики было разослано письмо №50661/02 от 19 ноября 2015 года, в котором приведены основные выводы экспертизы, в частности отмечалось, что в большинстве случаев планы сфокусированы на развитие обрабатывающей промышленности с концентрацией усилий и ресурсов на ограниченном числе секторов региональной специализации с применением кластерного подхода. При этом региональные планы существенно разнятся от региона к региону с точки зрения применяемых форматов, методов, инструментов. Кроме того, активность по предоставлению проектов, требующих поддержки от государства, столь же неоднородна, как и подходы к разработке и реализации планов импортозамещения. Сам же диапазон мероприятий по содействию импортозамещению широк, он варьируется от проведения формальных мероприятий и поддержки считанных проектов, до формирования широкого набора инструментов, проведения специализированных исследований отраслевых рынков и развития ранее начатых инициатив по формированию промышленных кластеров. Это, по мнению Минпромторга России, отразилось на активности субъектов Российской Федерации по направлению в Министерство сведений о проектах в сфере импортозамещения: от нескольких наименований в одной-двух отраслях, до комплексного пакета в несколько сот проектов по всей структуре региональной промышленности. Таким образом, чтобы решить столь существенные различия в активности регионов, было принято решение о необходимости внесения изменений в действующие региональные планы по импортозамещению в соответствии с разработанными в 2016 году Методическими рекомендациями³. В своем анализе мы рассматривали

³ Приказ Министерства экономического развития РФ от 10 марта 2016 г. №116 «Об утверждении Методических рекомендаций по подготовке региональных планов по импортозамещению».

региональные планы импортозамещения, уже получившие необходимую корректировку в соответствии с данными рекомендациями.

В Методических рекомендациях требовалось обязательно отразить следующий комплекс мер: 1) мероприятия общеорганизационного и нормативного характера, 2) мероприятия по содействию реализации инвестиционных проектов, 3) меры, направленные на реализацию механизма контроля за выполнением регионального плана по импортозамещению. Фактически в региональных планах, помимо обязательных, присутствуют еще два блока: это аналитический блок мероприятий, посредством которого решается задача анализа ресурсного, технологического, научного потенциала развития на территории субъекта Российской Федерации, а также перспектив развития импортозамещающих производств, а также блок продвижения сбыта товаров местных производителей и блок информационной поддержки предприятий и освещения политики импортозамещения в СМИ. Мероприятия по содействию реализации инвестиционных проектов, являющиеся основными регулирующими механизмами государственного регулирования, весьма разнообразны, их можно сгруппировать в следующие блоки: 1) мероприятия финансового характера; 2) мероприятия по развитию инфраструктуры; 3) организационные мероприятия.

Что касается количественных показателей снижения импортозависимости, использованных в качестве ориентиров в действующих региональных планах, можно отразить одну из характерных особенностей, несущих скорее негативный характер. Показатели снижения импортозависимости носят в основном директивный характер и зачастую не подтверждаются на практике. Показатели снижения импортозависимости и/или показатели роста объемов производства отечественной продукции, взяты без необходимого научного обоснования, не имеют под собой необходимых расчетов и оценок. Вследствие чего не возникает понимание, как добиться заявленных показателей, реализуя в жизнь разработанные мероприятия государственного регулирования. И, что самое главное – в региональных планах не прослеживается прямой зависимости запланированных мероприятий государственного регулирования с получаемыми результатами снижения импорта тех или иных видов товаров. К тому же в достаточно большом количестве региональных планов импортозамещения мероприятия носят общий характер, нередко консультационного и организационного характера, не имеющего конкретных форм государственного воздействия на экономические процессы в регионе. В действующих Методических рекомендациях данные вопросы не нашли своего решения.

Поэтому, основываясь на проведенном исследовании, а также вывлеченных проблемных местах реализации политики импортозамещения на региональном уровне, для повышения эффективности реализации государственной политики, рекомендуем провести корректировку имеющихся планов импортозамещения. В них должны быть отражены следующие обязательные блоки:

- проведение мониторинговых исследований импортозависимости региона;
- взаимодействие региональной власти с федеральными государственными ведомствами, корпорациями и организациями;
- продвижение региональных предприятий для участия в ресурсных технологических цепочках, создание межрегиональной кооперации;

- содействие продвижению продукции местных производителей (организация выставочных мероприятий, торгово-экономических миссий, конкурсов, бизнес-форумов и т.п.);
- меры государственной поддержки предприятий, осуществляющих выпуск импортозамещающей продукции;
- мероприятия по содействию реализации инвестиционных проектов;
- информационное сопровождение (освещение в СМИ, создание интернет-порталов).

Что касается мероприятий, связанных с финансовыми и налоговыми мерами поддержки предприятий, то должны найти свое отражение следующие инструменты:

- снижение уровня налоговых сборов (снижение ставок налогов на прибыль, на имущество, при признании статуса регионального приоритетного проекта, а также при работе в рамках специнвестконтракта),
- снижение таможенных пошлин (при работе предприятия на территории особой экономической зоны),
- льготное кредитование за счет Фонда развития промышленности,
- субсидирование части расходов предприятия.

На сегодняшний день, по факту 2015-2016 годов, объем средств региональных бюджетов, заложенных на данные мероприятия, существенно отличается от территории к территории. В дотационных регионах данные мероприятия практически нивелированы. В регионах – промышленных центрах, таких как Урал, Сибирь, данные мероприятия имеют широкий спектр действия, есть сложившаяся практика использования, сформированный перечень предприятий-получателей государственной поддержки. Необходимо на базе регионов-лидеров провести исследование по выявлению наиболее эффективных мероприятий государственного регулирования. Двухлетний период действия мероприятий несколько короток для формирования обоснованных выводов об их эффективности, так как не все результаты можно формализовать и получить статистически выверенные данные. Но даже примерные данные о полученных эффектах позволят дать первичные выводы о работе сложившейся системы мероприятий государственного регулирования в сфере импортозамещения. Данное исследование позволит повысить эффективность расходования бюджетных средств и достигнуть изначально поставленной цели по повышению конкурентоспособности российской экономики.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА И ВОЗМОЖНЫЕ МЕТОДИКИ ЕЕ ОЦЕНКИ

*Шишкина И.В.
ПГНИУ, Пермь*

Инновационный потенциал и инновационная привлекательность это два близких друг к другу понятия. Инновационный потенциал определяется как возможности региона, города, предприятия с точки зрения обеспеченности различными видами ресурсов, в т.ч. природными, трудовыми, финансовыми, производственно-технологическими и научно-техническими. Т.е. это возможность развития на основе инноваций. Инвестиционная привлекательность определяется более широко, т.к. кроме всего перечисленного выше она предполагает наличие финансирования планируемых изменений, быстрое решение организационных моментов, минимум бюрократического вмешательства.

Инвестиции в законодательстве определяются как денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и иной деятельности в целях получения прибыли или иного полезного эффекта. Заметим, что цель инвестирования определена как прибыль или полезный эффект, который не обязательно должен быть связан с сиюминутным доходом.

В зависимости от того в какую сферу деятельности и жизни общества вкладываются эти ресурсы различают социальные, производственные научные и др. инвестиции.

Объем инвестиций, их вид определяются инвестиционным климатом в регионе (наличие регионального инвестиционного законодательства, инвестиционный потенциал, уровень инвестиционного риска), параметрами, осуществляемой и намечаемой макроэкономической и микроэкономической политики (долгосрочные государственные программы модернизации экономики, патентная политика, система сертификации изделий, предоставление налоговых льгот и субсидий, система госзаказов и др.), состоянием социального развития общества (уровень жизни населения, образ жизни, здоровье и продолжительность жизни) и бюджетными ограничениями (наличие отлаженного механизма бюджетных приоритетов), теми задачами, которые стоят перед регионом, муниципальным образованием, предприятием.

Главным инвестором в регионе выступает государство в лице его администрации, которому принадлежит главная роль в управлении проектами по его развитию. Инвестиционный проект – это проект, основывающийся на инвестициях, осуществляемых в отрасли той сферы, которые являются приоритетными на текущий и перспективный период в регионе. А это в свою очередь зависит от инвестиционного потенциала региона, МО, предприятия. Соинвесторами могут выступать субъекты федерации, муниципальные образования, коммерческие организации, учреждения социальной сферы, внебюджетные и социальные фонды, домохозяйства, иностранные инвесторы. Они осуществляют управление инвестиционными проектами на микро- и мезоуровне их реализации. Повышение эффективности управления инвестициями достигается за счет многообразия форм государственно-частного или корпоративного партнерства в их финансировании, реализуемого в рамках целевых программ.

Государственное регулирование инвестирования должно следовать двум государственным принципам: принципу социальной справедливости и принципу социально-экономической эффективности. Экономический смысл

государственного регулирования инвестиций заключается в выполнении четырех основных функций государства и его структур:

1. производства и перераспределения необходимых товаров, работ или услуг;
2. финансирования инвестиционной деятельности;
3. стимулирования инвестиционного процесса;
4. информационное сопровождение инвестирования.

Цель государственного регулирования инвестиционной деятельности — достижение оптимального варианта взаимодействия государства, инвесторов и потребителей в процессе повышения уровня и качества жизни в стране.

Государственное регулирование также заключается в определении оптимальных сроков рассмотрения заявок на реализацию того или иного инвестпроекта, правильное определение «нужных» и полезных региону проектов, т. е. определение их качества перед тем как начать выделять государственные средства или привлекать соинвесторов.

Рассмотрим принципы формирования обоснованной региональной инвестиционной политики:

1. Эффективное инвестирование. Инвестиции, направляемые в экономику региона, должны приносить прибыль в условиях, конкретности целей каждого проекта, периода его реализации, привлекательности под него всех видов ресурсов.
2. Структурное равновесие. Инвестиционные потоки имеют ограничения и структурного характера. т.к. устанавливаются предельные уровни развития или текущего состояния объекта инвестирования. Предельные значения должны устанавливаться взвешенно, в зависимости от тактических условий реализации того или иного этапа программы и возможности вмешательства государства в решение этих проблем
3. Целенаправленность инвестиций. Необходимость этого принципа связана с ограниченностью инвестиционных ресурсов. Инвестиции следует направлять на реализацию определенного числа проектов, имеющих конкретное обоснование и практическую пользу, т. е. необходимые для развития региона в целом.
4. Общациональная значимость. Основными условиями реализации инвестиционной политики должны стать концентрация и направленность финансовых и иных интересов основных субъектов инвестиционного процесса, их ответственность в принятии решений и реализации тех или иных программ.

Схема формирования и реализации инвестиционной политики состоит из восьми этапов:

На I этапе определяются социальные, экологические и экономические проблемы региона, решение которых требует инвестиций как для достижения устойчивого развития региона в целом, так и для обеспечения нормальной жизнедеятельности его муниципальных образований.

На II и III этапах на основе выработанной генеральной цели развития региона с учетом необходимости решения проблем его развития, определяются стратегические и тактические цели инвестирования и приоритетные с точки зрения регионального сообщества направления инвестирования и задачи.

На IV этапе происходит формирование региональной инвестиционной программы, которое наглядно можно представить в виде схемы (рис. 1.)

Инвестиционные проекты и предложения субъектов производственно хозяйственной деятельности региона	Инвестиционные проекты и предложения муниципальных органов власти, направленные на решение проблем муниципальных образований региона	Инвестиционные проекты и предложения региональных органов власти, направленные на решение проблем региона
---	--	---

Рис. 1 Формирование банка данных инвестиционных проектов и предложений

Первый блок рисунка 1. характеризует сбор инвестиционных предложений предприятий, организаций и отдельных предпринимателей региона. В блоке 2 концентрируются предложения, разработанные муниципальными структурами и направленные на решение социально-экономических проблем муниципалитетов. В блоке 3 сосредоточены проекты, осуществление которых будет способствовать решению проблем развития всего региона в целом (крупные инфраструктурные и транспортные проекты, проекты, повышающие привлекательность региона как места осуществления предпринимательской деятельности и т.п.).

На последующих этапах формирования инвестиционной политики происходит предварительная оценка поступивших предложений и проектов. С точки зрения приоритета интересов регионального сообщества оцениваются не только экономическая эффективность, но и прогнозируемые экологические и социальные последствия осуществления инвестиционных проектов. На основе проведенной экспертизы происходит отбор и формирование упорядоченного пакета инвестиционных проектов и предложений.

В конечном счете, ведется контроль за реализацией мероприятий целевой программы, а также на основе анализа ее осуществления и изменения ситуации выполняется корректировка конкретных используемых инструментов.

Оценка инвестиционной привлекательности регионов определяется одним из трех подходов.

Первый подход основан на выявлении некоего основополагающего фактора, характеристики, наличие которой однозначным образом определяет инвестиционную привлекательность региона. Например, для К. Гусевой основным фактором является «рыночная реакция регионов»; И.У. Зулкарнаев считает решающим фактором «институты общества»; Т. Лукьяненко указывает на необходимость формирования положительного мнения об объектах инвестирования; А. Стеценко и Е. Бениксов указывают на такой фактор как «имидж региона». Также к числу таких индикативных показателей относят динамику валового регионального продукта, национального дохода и объемов производства промышленной продукции; состояние законодательного регулирования в сфере капиталовложений; развитие инвестиционных рынков.

Плюсами данного подхода можно назвать простоту анализа и расчетов. К минусам данного относится то, что подход не учитывает связи факторов инвестиций с другими ресурсными факторами развития субъектов РФ.

Второй подход опирается на учет целого ряда всевозможных факторов, которые с точки зрения влияния на инвестиционную привлекательность считаются равноценными. Каждый фактор характеризуется определенным набором показателей. Здесь рассматривается характеристика экономического потенциала, общие условия хозяйствования, развитость рыночной инфраструктуры, политические факторы, социальные, финансовые и др.

Данный подход обладает рядом преимуществ:

-позволяет сделать выводы об инвестиционных перспективах развития российских регионов;

- позволяет определить степень реализации их инвестиционной привлекательности;

- позволяет оценить большинство показателей статистическими методами;
- дает возможность обоснования достоверности полученных результатов через применение критерия тесноты корреляционной связи между рассматриваемыми категориями.

Однако, существуют и определенные недостатки, основным из которых является сложность выделения факториальных признаков инвестиционной привлекательности.

Сущность третьего подхода заключается в том, что инвестиционная привлекательность региона определяется двумя характеристиками: инвестиционным потенциалом и инвестиционным риском. Наиболее известной является методика, разработанная аналитиками рейтингового агентства «Эксперт-РА». Совокупный потенциал региона, по их мнению, включает в себя: ресурсно-сырьевой, производственный, потребительский, инфраструктурный, инновационный, трудовой, институциональный и финансовый показатели. Совокупный риск региона рассчитывается с учётом: политических, экономических, социальных, криминальных, экологических, финансовых, законодательных рисков.

Основными преимуществами рассматриваемого подхода являются следующие:

- его непредвзятость;
- обоснованность факторов, определяющих инвестиционный потенциал и инвестиционный риск;
- доступность, методика принадлежит к основному направлению общепринятой в мировой практике системы мониторинга и оценки.

Тем не менее, методика имеет недостаток: субъективность мнения экспертов.

В рамках существующих подходов к оценке инвестиционной привлекательности регионов можно выделить ряд методов:

1. Экономико-математические методы. В эту группу методов входят: корреляционный и дисперсионный анализы, методы оптимизации и математического моделирования, различные методы межотраслевого баланса.

2. Методы факторного анализа. Факторный анализ необходим, когда исследователь имеет дело с большим числом различных показателей. Суть метода заключается в группировке, состоящих из близких по смыслу показателей, называемых факторами. Дальнейшая работа ведётся не с каждым показателем в отдельности, а с группой – фактором.

3. Методы экспертных оценок. Главное его преимущество перед другими методами заключается в том, что эксперт использует не только статистическую информацию, но и нерегулярную, разовую информацию качественного характера. Оценка инвестиционной привлекательности региона в данном случае предполагает анализ, основанный на установлении количественных характеристик изучаемого субъекта и на аргументированных суждениях руководителей и специалистов, знакомых с состоянием дел и перспективами его развития. Использование метода заключается в том, что отрасли сначала анализируются по-факторно. Затем по каждому фактору даётся обоснование базы сравнения (выводят среднюю величину, или наиболее часто встречающиеся в совокупности, или срединное значение), её принимают за единицу. Остальные значения также переводят в коэффициенты в зависимости от конкретного значения и нормативной величины. Сложность данного метода анализа заключается в субъективизме установления критериальных нормативных индикаторов и взвешенности весов по факторам.

Инвестор может оценивать инвестиционную привлекательность региона по движению капитала, уровню инфляции, политической, экономической, законодательной и социальной стабильности, а также по уровню и качеству

человеческого капитала. Инвестиции сами по себе не работают без специалистов, без человека и человеческого капитала должного уровня и качества. И поэтому в настоящее время основные инвестиции в развитых странах направляются именно в развитие человеческого капитала. В противном случае, при недостаточности человеческого капитала и его низком качестве инвестиции в развитии региона дают низкую отдачу.

Для оценки привлекательности региона важна его инвестиционная инфраструктура, т.е. состояние и обеспечение дорогами, продвижение территорий, планы промышленного и гражданского строительства и модернизации. Ориентирован регион в своем развитии должен быть на жителей муниципальных образований и бизнес. Немаловажную роль играет законодательство. Поэтому важно принятие региональных законов о ГЧП, предоставлении земельных участков под строительство, о социальной структуре, предоставлении налоговых льгот бизнесу, проводящему инвестиционную деятельность и/или участвующему в программах развития региона.

Сегодня инвестор ведет себя осторожно, выбирая менее рискованные проекты или те, где риски просчитаны грамотно и наиболее полно, т.е. указано управление этими инвестиционными рисками. Приток инвестиций в регион зависит не только и не столько от природы и сложившихся условий, а от того на сколько грамотно регион может и умеет влиять на них. Инвестиционный климат региона — это продукт власти, которая быстро и эффективно взаимодействует с бизнесом, имеет грамотную команду по «продаже» региона. В привлечении инвесторов основной фактор — это конкуренция, которая проявляется в работе с кадрами своих предприятий и в выборе потенциального инвестора. Здесь немаловажную роль играет бюджет региона, поскольку заход бизнеса на его территорию связан с этим документом.

***Институты саморазвития территорий разного
уровня***

ОПОРТУНИЗМ РАБОТОДАТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА¹

*Белкин В.Н., д.э.н.,
Белкина Н.А., д.э.н.,
Антонова О.А., к.э.н.
ЧФ ИЭ УрО РАН, Челябинск*

Понятие оппортунизма в рамках трудовых отношений было бы несправедливо рассматривать как характеристику поведения только работников. Оппортунизм работников имеет своей глубинной причиной отчуждение труда и выражается в стремлении работника экономить свою рабочую силу, отлынивании, нежелании исполнять трудовые обязанности в ущерб работодателю и собственнику. Однако на практике широкое распространение имеет также оппортунистическое поведение работодателей.

Оппортунизм работодателя имеет место как до, так и после заключения трудового договора и основан на стремлении работодателя (собственника) максимально сократить издержки на персонал предприятия. Исходя из предпосылки, что наемные работники представляют для работодателя, прежде всего, издержки на заработную плату, обязательные страховые отчисления и социальный пакет, и что труд является для работодателя дорогим ресурсом, очевидно стремление менеджера (владельца фирмы) использовать этот ресурс максимально эффективно. В отношении труда как ресурса задача работодателя состоит в том, чтобы обеспечить его максимальную отдачу (производительность) при минимальных издержках, т. е. низкой заработной плате.

Оппортунизм работодателей во многом обусловлен их доминирующим положением по отношению к подавляющему большинству работников, пришедших с рынка труда, что особенно очевидно в условиях кризиса. Под угрозой безработицы большинство работников вынуждены при заключении трудовых договоров соглашаться на условия, диктуемые работодателями.

Исключением являются высококвалифицированные рабочие, спрос на которых превышает предложение на рынке труда. В этих случаях в доминирующем положении оказываются указанные работники, они могут заключать контракты, в которых прописывается цена труда, значительно превышающая рыночную цену.

На стадии заключения трудового договора оппортунизм работодателя проявляется в виде предоставления работнику искаженной информации об организации, о реальных условиях труда и его оплате, перспективах карьерного роста и др. Работодатель, как правило, преувеличивает выгоды работника в случае заключения трудового договора и скрывает неблагоприятную информацию, которую работник не может выяснить до начала работы. Постконтрактный оппортунизм со стороны работодателя – нарушение принятых на себя обязательств в ходе реализации контракта, к примеру, задержки выплаты зарплаты, нарушение правил техники безопасности, перевод на другое место работы без согласия работника и пр.²

Опираясь на проведенное нами исследование, мы можем следующим образом определить оппортунизм работодателя по отношению к работникам. Оппортунизм работодателя — это его экономическое поведение, порождаемое

¹ Публикация подготовлена в соответствии с темой №0404-2015-0023 «Теоретико-методологические основы модернизации трудовых отношений в российских организациях как условие модернизации экономики в Российской Федерации»

² Беляева М. Г. Институциональные механизмы регулирования отношений работника и работодателя: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2009. – 41с.

стремлением снизить затраты на работников, основанное на асимметрии информации и доминирующем положении, характеризующееся сознательным нарушением контрактов, наносящем ущерб работникам.

Нами были проанализированы обращения работников к специалистам в области трудового права и в трудовые инспекции, связанные с недобросовестным поведением работодателя. Проведенное исследование позволяет выделить основные формы проявления оппортунизма работодателей:

- умышленное искажение условий труда и информации о компании при заключении трудового договора;
- поведение руководителя, направленное на моральное подавление работника, причинение морального ущерба с целью создания неприемлемых условий труда, негативной психологической атмосферы и последующего увольнения «неудобного» работника;
- прямое нарушение законодательства, трудового договора;
- использование незнания работником тонкостей законодательства с целью максимального удовлетворения своего экономического интереса в ущерб работнику;
- отсутствие надлежащего обеспечения охраны и безопасности труда, а в случае инцидента – перекладывание вины и ответственности на работника, т. е. уклонение работодателя от ответственности за обеспечение надлежащих условий труда;
- «серая» заработная плата, т. е. уклонение работодателя от налоговых, пенсионных, обязательных медицинских страховых отчислений;
- отсутствие выплат за переработку, выходные, праздничные дни, ночные рабочие часы;
- использование в трудовом договоре формулировок, не соответствующих законодательству (например, пункт договора содержит следующее: «должностной оклад выплачивается ежемесячно, до 10 числа следующего месяца», – это условие не соответствует ст. 136 ТК РФ: «заработная плата выплачивается не реже чем каждые полмесяца»; или в договоре указано, что «при расторжении договора все расчёты должны быть произведены в течение 10 дней», что не соответствует ст. 140 ТК РФ: при прекращении трудового договора выплата всех сумм, причитающихся работнику от работодателя, производится в день увольнения работника;
- практика экономии на заработной плате работников в течение испытательного срока, а также принятие работника с умышленным последующим увольнением в конце испытательного срока, создание текучести кадров на определенной позиции (особенно, не требующей специальной квалификации) с целью снижения издержек на заработную плату. Прижившееся правило во многих организациях – устанавливать испытательный срок на 3 месяца, неправомерно понижая при этом зарплату на 25-30 процентов;
- принятие на работу с заключением трудового договора в устной форме, с последующей невыплатой зарплаты;
- неправомерное удержание недостачи из зарплаты работника.

Показатели оппортунистического поведения работодателей, связанного с нарушением трудового законодательства, дает статистика Федеральной службы по труду и занятости. Наиболее часто встречающиеся вопросы, поставленные гражданами, связанные с нарушениями трудового законодательства в 2010 г. и 2015 году³, представлены в таблице 1.

В 2015 году в центральный аппарат Федеральной службы по труду и

³ Федеральная служба по труду и занятости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rostrud.ru/room/obrashcheniya-grazhdan/obzor-obrashcheniy/2015/>

занятости поступило 35 605 обращений граждан, в 2010 году поступило 11053 обращений граждан. За последние пять лет прослеживается значительное увеличение количества обращений граждан в Роструд.

Таблица 1

Типичные нарушения трудового законодательства в 2010 г. и в 2015 г. Тематика обращений	Количество вопросов	
	2010 г.	2015 г.
Задержки выплаты заработной платы и других выплат работникам	1823	16 343
Жалобы на работу государственных инспекций труда	1464	-
Прием и увольнение работников	1347	4 244
Правильность оплаты и нормирования труда	1049	5 356
Расследование несчастных случаев	257	617
Охрана труда	-	1 647
Предоставление гарантий и компенсаций	188	-

По сравнению с 2010 годом количество поступивших писем увеличилось более чем в три раза (24552 писем). Как видим по результатам таблицы 1 количество обращений в 2015 г. по сравнению с 2010 г. существенно выросло по всем вопросам. В большинстве обращений в 2015 г., граждане ставили одновременно несколько вопросов, связанных с нарушением трудового законодательства, данная взаимосвязь является частой причиной, когда одно допущенное недобросовестным работодателем нарушение статьи Трудового кодекса Российской Федерации порождало одновременное нарушение и нескольких других статей.

Увеличение количества поступивших в Роструд обращений граждан в 2015 году по сравнению с прошлым периодом говорит, как о повышении социальной активности граждан страны, так и об увеличении случаев нарушений трудового законодательства со стороны недобросовестных работодателей, а также о возрастании проблемы занятости населения.

Помимо прямого нарушения контрактных обязательств, с целью увеличения личной выгоды, работодатель может использовать различные «хитрости» и «уловки». Исследование содержания обращений работников к специалистам в области трудового права и материалов различных сообществ работодателей позволило выявить следующие виды оппортунизма работодателей:

-за год работодатель может экономить сумму, эквивалентную одной зарплате, если ежемесячно платить зарплату не вовремя, а всего на два-три дня позже предыдущей;

-составление при принятии работника на работу депремиального соглашения, в котором учитываются опоздания, брак либо простой в производстве, а также перекуры, при этом сумма штрафов достигает половины зарплаты;

-отсутствие доплаты за совмещение должностей и ответственности. Пользуясь аргументом о временных трудностях в компании или дав ложное обещание о карьерном росте, работодатель может поручать ответственному и трудолюбивому работнику дополнительную, неоплачиваемую и неоцениваемую работу (не предусмотренную данной должностью и должностной инструкцией);

-идеологическое воздействие и агрессивная корпоративная культура.

Деятельность многих компаний поддерживается только за счет активного внедрения в сознание работников так называемого корпоративного духа. Подобная практика характеризуется как бизнес-сектанство и включает в себя воздействие на сознание работника, постоянное «промывание мозгов» с целью максимального

использования его рабочей силы в условиях отсутствия достойной зарплаты и нормальных условий труда⁴.

Мы рассмотрели оппортунизм работодателей по отношению к работникам на отдельных предприятиях региона. На предприятиях же, где работодатели (топ-менеджмент) и собственники бизнеса (акционеры) представлены разными экономическими агентами, имеется оппортунизм работодателей по отношению к собственникам. Это оппортунизм топ-менеджеров, основанный на преследовании личного интереса индивидуального обогащения и пренебрежении условиями контрактов, этикой бизнеса, законодательством. Исходя из этого, можно следующим образом определить понятие «оппортунизм топ-менеджеров по отношению к собственникам предприятия». Это поведение топ-менеджеров, основанное на асимметрии информации, порождаемое желанием увеличить личный доход, характеризующееся сознательным и скрытым нарушением условий контрактов и наносящий ущерб собственникам предприятия.

Ярким примером оппортунизма топ-менеджеров является нашумевшее банкротство связанное с компанией «ВорлдКом» (WorldCom). Это вторая в США по величине компания-оператор международной телефонной связи, объявленная банкротом в июле 2002 г. после того, как была уличена в организации многомиллиардных мошеннических комбинаций и завышении показателей собственной прибыли. «ВорлдКом» пыталась как можно быстрее спасти хотя бы часть своего бизнеса, и с этой целью были уволены по сокращению штатов 17 тысяч работников и отправлен в отставку финансовый директор компании, однако эти меры так ни к чему и не привели.

Еще один пример оппортунизма работодателей – крупнейшее банкротство банка «Леман Бразерс» (Lehman Brothers), связанное с махинациями на финансовых рынках и фальсификацией отчетности. Банкротство «Леман Бразерс» рассматривается как отправная точка мирового финансового кризиса 2008 г.

Рассмотренные примеры показывают, насколько опасным может быть поведение менеджеров компании, имеющее единственным мотивом получение дохода любой ценой. Результаты оппортунизма высшего звена руководства крупнейших мировых компаний оказали крайне негативное влияние на всю мировую экономику, а не только на положение отдельных работников — сотрудников этих компаний, ущерб от пренебрежения экономическими интересами общества, государства, работников исчисляется миллиардами долларов.

Оппортунистическое поведение работодателя усиливает отчуждение труда. В данном случае основным источником отчуждения является отстранение персонала от возможности принимать участие в управлении деятельностью компании и отстранение от релевантной информации. Сговор высшего звена руководства, например, относительно реализации недобросовестных действий как в отношении персонала предприятия (невыплата зарплаты, отпускных, сверхурочных и т. п.), так и в отношении стратегии компании предполагает невмешательство других экономических агентов в принятие управленческих решений. В результате оппортунистических действий руководства максимальная часть прибыли достается топ-менеджерам, а риски, связанные с банкротством и разорением компании, несут работники предприятия, теряющие рабочее место, доход, пенсионные сбережения.

В отличие от оппортунизма наемных работников, оппортунизм работодателей не имеет причиной отчуждение труда и невозможность реализации мотивов труда. Склонность работодателя к оппортунизму зависит прежде всего от

⁴Мы в деле: веб-сайт. Недобросовестный работодатель, или 8 уловок начальника.— URL: <http://www.myvdele.ru/employee/advice/770/> Дата обращения: 10.02.2011

его моральных качеств и ценностей. Исходное отношение к расходам, связанным с персоналом, как к затратам на ресурсы либо как к инвестициям в человеческий капитал определяет политику управления человеческими ресурсами предприятия.

Осознание того, что персонал является ценнейшим ресурсом предприятия, без которого невозможно создание добавленной стоимости, и понимание того, что работодатели и наемные работники не могут реализовать свои интересы друг без друга, без взаимодействия, обуславливает необходимость социального партнерства. Очевидно, что ни собственник средств производства (работодатель), ни работники не смогут получить: одни — прибыль, а другие — средства для жизни, если не объединятся в одном процессе производства. При этом субъектов соединяет общий интерес. Но одновременно их роли и функции — разные.

Главной целью отношений социального партнерства является учет и сбалансированность интересов основных его субъектов⁵. Социальное партнерство – система мероприятий, обеспечивающих сотрудничество наемных работников, представляемых обычно профсоюзами, с работодателями, объединяемыми, как правило, в ассоциации предпринимателей, преимущественно в форме коллективных переговоров на уровне отдельных предприятий и отраслей экономики, заключения коллективных договоров и соглашений. Формой преодоления конфликта интересов работника и работодателя, и, следовательно, инструментом снижения оппортунизма является коллективный договор. В коллективном договоре фиксируются права, обязанности и ответственность сторон — персонала и работодателей.

Удовлетворение экономических интересов в одностороннем порядке, оппортунизм обостряют конфликт интересов, который может, как показано выше, разрастись до масштабов серьезных противоречий и крайне негативных последствий для экономики в целом. Поэтому возникает осознание необходимости обеспечения оптимально возможного сбалансирования интересов субъектов, т. е. выхода на путь партнерства, достижения социального согласия, а значит, и мира. Исходя из этого можно назвать пять основных принципов партнерства в социальной сфере, имеющих большое значение для снижения оппортунистического поведения персонала:

- 1) взаимное признание интересов сторон (партнера) как важных и правомерных;
- 2) паритетность на всех стадиях партнерских отношений, в том числе и при принятии решений;
- 3) социальная справедливость при регулировании интересов и действий, особенно в сфере труда и распределения доходов;
- 4) поиск и нахождение компромисса при решении спорных и конфликтных вопросов, преследующие главную цель партнерства — достижение социального согласия;
- 5) взаимная ответственность сторон за исполнение (неисполнение) согласованных решений⁶.

Выполнение норм трудового права, положений трудовых договоров, а также контроль за экономической деятельностью должны обеспечиваться правовой системой и законодательством государства, а также системой контроля со стороны профсоюзов⁷.

⁵ Ветров А. Соперничество или партнерство? (Внешне-экономическая экспансия капитала). – М.: Мысль, 1990. – 268 с.

⁶ Лутохина Э. Социальное партнерство и его модели в зарубежных странах (опыт и уроки) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 1.

⁷ Белкин В.Н., Безобразова Ю.В. Социально-экономические основы оппортунизма работников российских предприятий. - Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011.

КОНТУРЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ СЕКТОРЕ¹

*Веретенникова А.Ю., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, г. Екатеринбург*

Социально-инновационная деятельность привлекает все больше и больше внимания как теоретиков, так и практиков. С одной стороны, это связано с высокой скоростью трансформации социально-экономических процессов, вызванных как растущими темпами экономического развития, глобализацией и цифровизацией экономики, как и нестабильными внешнеэкономическими отношениями. С другой стороны, данный интерес обусловлен ростом проблем в общественном секторе, требующих незамедлительного решения. Социальные инновации в данных условиях становятся альтернативным способом устранения провалов государства путем создания общественных благ, изменения поведения экономических агентов, развития новых социальных и экономических институтов и т.д.

Целью данного исследования является анализ предпосылок и возможных направлений развития социальных инноваций в общественном секторе. Обращаясь к определению термина «социальные инновации», следует отметить, что он до конца не определен. Кроме того, социальные инновации, затрагивая трансформацию поведения участников социально-инновационного процесса, зачастую сложно отделимы от институциональных изменений, при этом сохраняемые свойства инноваций в ее традиционном понимании требуют междисциплинарного подхода к исследованию. Обозначенные аспекты свидетельствуют о возможности рассмотрения данного феномена не только с экономических позиций, но и с позиций социологии, психологии, менеджмента и других областей знаний.

В результате анализа научной литературы, рассматривающей определение «социальная инновация», были выделены следующие подходы. Во-первых, социальная инновация рассматривается как частный случай управленческой (организационной) инновации. Такой подход встречается, как правило, при анализе деятельности хозяйствующих субъектов. Во-вторых, социальная инновация приравнивается понятию «инновация в социальной среде». Данное понимание наиболее распространено, однако не охватывает всей совокупности социальных инноваций. В-третьих, под социальной инновацией понимается сложный социальный процесс введения, освоения и интеграции новых элементов в различных сферах общественной жизни, результатом которого становятся существенные и необратимые изменения в системе социальных отношений и взаимодействий.

Для более полного раскрытия сущности социальных инноваций необходимо указать особенности разграничения понятия социальные инновации и инновации в социальной сфере. С одной стороны, данные понятия находятся крайне близко к другу и используются как синонимы, с другой стороны, ряд исследователей все же выделяют специфические характеристики непосредственно социальных инноваций. Социальные инновации

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (ОГОН), проект № 16-32-00003 «Институциональное проектирование развития общественных благ»

представляются более специфичным явлением и ориентированы не только на удовлетворение общественных потребностей, но и предполагают использование социальных средств достижения целей. Также результатом внедрения социальных инноваций является трансформация поведения экономических агентов.

Динамика развития социальных инноваций на той или иной территории связана с системой формальных и неформальных институтов, определяющих поведение экономических агентов, производящих, распределяющих, потребляющих и регулирующих социальные инновации.

Субъектами производства социальных инноваций выступают различные типы экономических агентов: государственные и муниципальные органы, реализующие стратегии и программы развития той или иной территории, коммерческие предприятия, внедряющие социальные инновации в рамках корпоративной социальной политики и как результат социальной ответственности бизнеса, некоммерческие организации, как финансируемые государством, так и являющиеся общественными, благотворительные фонды, а также отдельные граждане или инициативные группы граждан. Отдельной достаточно эффективной и развивающейся формой создания социальных инноваций является социальное предпринимательство. Однако система отношений, ее определяющая, в большей степени близка частному сектору, что обусловлено балансом социальных и коммерческих целей создания социальных инноваций.

Следует отметить, что традиция взаимопомощи, пожертвований, организации поддержки и помощи нуждающимся была достаточно развита в дореволюционной России. Также в конце XIX в. в крупных городах России уже успешно функционировало социальное предпринимательство в виде домов трудолюбия, где незащищенные слои населения имели возможность получить работу, жилье и начальное образование. Политика советского государства, препятствуя развитию предпринимательства в целом, а также достаточно полно удовлетворяя социально-культурные потребности населения, способствовала как снижению уровня активности гражданского общества в части решения общественных проблем, так и развитию предпринимательского мышления.

В настоящее время активность в части развития условий создания социальных инноваций растет высокими темпами. При НИУ ВШЭ действует и активно развивается Центр социального предпринимательства и социальных инноваций. Подобные центры функционируют в различных регионах, среди которых Астраханская область, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Хабаровский край, Омская область, Ставропольский край, Белгородская область, Красноярский край и др. Активную поддержку социальным новаторам оказывают Фонд региональных социальных программ «Наше Будущее», Агентство стратегических инициатив и др. Одним из действующих проектов является Всероссийский конкурс социальных инноваций, проводимый с 2012 года. Из анализа конкурсной документации можно сделать вывод, что был расширен перечень целей данного проекта. Если до 2016 акцент делался на привлечении внимания гражданского общества к проблемам граждан преимущественно старшего возраста, то с 2016 года внимание акцентируется на развитии гражданского общества и привлечение граждан к решению социальных проблем в целом. При поддержке Министерства экономического развития РФ в 2017 году запущена Федеральная акселерационная программа для социальных предпринимателей «Социальные инновации», ориентированная на поддержку

проектов, ориентированных на разработку и внедрение новых социальных технологий. Подобные проекты реализуются и на региональном уровне.

Особого внимания при развитии данного вида деятельности требуют институциональные условия развития социальных инноваций. Институты, понимаемые как совокупность устойчивых правил и норм взаимодействия между экономическими агентами, способны оказывать как стимулирующие, катализирующее и поддерживающее воздействие, так и сдерживать развитие социальных инноваций. При рассмотрении институциональных условий, сдерживающих социальные инновации, следует различать два типа барьеров. Первая группа барьеров связана с наличием дисфункций институтов, а также институциональных ловушек, препятствующих развитию данного вида деятельности. Вторая группа барьеров связана с отсутствием либо слабым развитием правил и норм, регулирующих данный вид деятельности. Эффективным инструментом анализа институциональной среды социального предпринимательства представляется институциональный атлас, который позволяет выявить слабо институционально обеспеченные области в части развития социальных инноваций.

Таким образом, первым направлением развития социальных инноваций является проектирование институтов, которые позволили бы, прежде всего, своевременно выявлять возникшую общественную проблему. В рамках второго направления необходимо уточнить политику государства в части социально-инновационного развития. Другими словами, необходимо определить на какие формы развития социальных инноваций необходимо ориентироваться и какие институты проектировать, институциональные изменения проводить. В ходе разработки условия для развития социальных инноваций важно учитывать, что ведущую роль в данном вопросе оказывают не только формальные институты, но, прежде всего, неформальные, определяющие мотивы и привычки поведения потенциальных экономических агентов. Формальные институты будут эффективны только в том случае, если они дополняют и не противоречат системе неформальных институтов. Эффективная и целенаправленная политика в данном направлении позволит не только разработать инструменты решения социальных проблем, но и повысит степень вовлеченности граждан в их решение.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ¹

*Семячков К.А., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

В процессах общественного развития инновационные преобразования различного характера стали играть определяющее значение. Существенное влияние на это оказали процессы глобализации, развития цифровых технологий, мгновенного осуществления коммуникаций. Рассматривая инновации в широком смысле, их можно определить, как конечный результат инновационной деятельности. Мотивом инновационной активности является стремление

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (ОГОН), проект № 16-32-00003 «Институциональное проектирование развития общественных благ»

выиграть в конкурентной борьбе, получить прибыль, удовлетворить возрастающие потребности, добиться опережающего социально-экономического развития. В инновациях выражается стремление к преобразованию деловой и социальной среды.

Чаще всего инновационные преобразования рассматриваются в трех плоскостях: организационной, технологической, социальной.

Организационные инновации связывают с оптимизацией бизнес-процессов, изменениями в организационных подсистемах, необходимых для получения экономического эффекта.

Технологические инновации представляют собой результаты научно-исследовательских работ по изменениям в технике, технологических процессах, доведенные до стадии реализации и получения экономического эффекта.

Особый интерес представляют социальные нововведения. Современное общество подвержено влиянию негативных явлений разного рода, что отрицательно сказывается на развитии человеческого капитала, сужает возможности устойчивого развития.

Социальные инновации в отличие от традиционных технических инноваций, как правило, обладают более широкой сферой применения, появляются в процессе коллективного творчества, и их эффект не проявляется так быстро. Социальная инновация может быть процессом производства или технологии, принципом, идеей, законодательным актом или их сочетанием².

В настоящее время существуют два основных направления, в рамках которых развивается концепция социальных инноваций: *функционализм* и *трансформационализм*. Функционализм акцентирует внимание на вклад инноваций в решение социальных проблем. В русле данного подхода социальные инновации создают социальные услуги, спрос на которые не удовлетворяет ни государство, ни рынок. Функционалистские исследования зачастую связаны с экспериментами в социальной экономике и с социальным предпринимательством. Трансформационалистский подход исходит из того, что социальные инновации и решение социальных проблем являются частью более широкого спектра изменяющихся институтов. С данной точки зрения социальные инновации являются в большей степени процессом, способствующим институционализации новых практик, стандартов и правил.

На основе систематизации представлений об инновациях можно утверждать, что социальные инновации могут быть разнообразными, их можно различать в зависимости от сферы деятельности, где они внедряются, по характеру изменений, по результатам, инструментам применения и т.д.

² Хусаинов У.Г. Социальные инновации как элемент стратегического развития // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12. С. 155-160.

Классификация социальных инноваций³

Классификационный признак	Виды социальных инноваций
в зависимости от сферы жизнедеятельности, где внедряются	социальные инновации в социальном управлении, в воспитании, в образовании, в сфере занятости, в профессиональном развитии, в здравоохранении, в культуре, в спорте, сфере быта и жилья, отдыха, в социальной защите и т.д.
по форме	социальные реформы, проекты, программы, услуги
с точки зрения воспроизводственного подхода	осуществляются в процессе производства, распределения, обмена и потребления
по отношению к организации	внутриорганизационные и межорганизационные
по масштабу и последствиям	эпохальные, базисные, улучшающие, микроинновации, псевдоинновации, антиинновации

Опыт применения социальных инноваций хоть и достаточно обширен, однако еще не способен в полной мере продемонстрировать эффективность и универсальность подходов ввиду небольшого срока осуществленных в данном направлении экспериментов. Отсутствуют значимые эмпирические исследования по данной тематике, не рассматриваются условия формирования и развития социальных инноваций.

Основная цель инновационной деятельности в социальной сфере заключается в решении социальных проблем современного общества. Показатели социального развития являются совокупностью объективных и субъективных факторов, отражающих эффективность социального воспроизводства населения, социальные предпочтения, нравственные ценности и установки людей. Наиболее часто используются следующие группы показателей: демографические; трудовые; уровня и качества жизни населения; жилищного обеспечения населения; здоровья населения и здравоохранения; народного образования, культуры, информационных услуг; экологической и социальной безопасности; социально-психологического самочувствия населения.

На основе перечисленных групп показателей разработаны и широко используются механизмы оценки общественного развития. К ним относятся:

- индекс истинного прогресса (GPI), учитывающий множество показателей, в числе которых – ущерб от загрязнения окружающей среды, статистика преступности, разводов;

³ Полякова Е.В. Сущность и классификация социальных инноваций // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. № 5-2. С. 82-88.; Семикина А.В. Методы и механизм управления социальными инновациями в развитии человеческого капитала // В сборнике: Финансовые проблемы и пути их решения: теория и практика Сборник научных трудов 15-й Международной научно-практической конференции. Ответственный за выпуск: Д.Г. Родионов; Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. 2014. С. 408-419.

- индекс человеческого развития (HDI), включающий в себя такие группы показателей, как ожидаемая продолжительность жизни; уровень грамотности населения страны; уровень жизни, оценённый через ВНД на душу населения.

Существуют и более специализированные подходы к оценке, выделяющие одну или несколько сторон общественного развития. К таким оценкам можно отнести экологические агрегированные индикаторы, разработанные Всемирным фондом дикой природы, Всемирным банком.

Известным механизмом оценки социального развития является индекс социального прогресса (SPI), комбинированный показатель, который измеряет достижения с точки зрения общественного благополучия, и учитывает свыше 50 показателей объединённых в три основные группы:

- основные потребности человека – питание, доступ к основной медицинской помощи, обеспечение жильём, доступ к воде, электричеству и санитарным услугам, уровень личной безопасности;

- основы благополучия человека – доступ к базовым знаниям и уровень грамотности населения, доступ к информации и средствам коммуникации, уровень здравоохранения, экологическая устойчивость;

- возможности развития человека – уровень личных и гражданских свобод, обеспечение прав и возможностей человека принимать решения и реализовывать свой потенциал.

Устойчивое общественное развитие в условиях ускоренной глобализации, роста угроз глобальных техногенных и экологических катастроф, оказывается в пространстве рискованной среды и заставляет обратить внимание на необходимость создания условий для развития социальных инноваций.

Источники торможения инновационных процессов зачастую связаны с институциональной недостаточностью экономики в целом и инновационных процессов в частности. Здесь необходимо выделить несколько проблем:

- недостаточная развитость формальных институтов (защита прав собственности, эффективная система разрешения споров и т.д.) является важным фактором, тормозящим развитие инновационных процессов. Например, размывание и недостаточная легитимность прав собственности снижает экономические стимулы к осуществлению инноваций.

- существенным фактором выступает разрыв цепочки инновационного процесса, происходящий на стыке различных этапов инновационного процесса и связанный с отсутствием институтов связывающих отдельные звенья инновационной цепочки⁴.

Большинство исследований, касающиеся институциональных условий социального развития, имеют определенные недостатки: во-первых, они носят качественный характер исследований, не выявляющий количественные показатели зависимости социального развития от исследуемых факторов и условий; во-вторых, условия, фигурирующие в данных исследованиях, имеют укрупненный характер. Для преодоления этих недостатков в нашем исследовании приводятся статистические зависимости, а институциональные условия социального развития анализируются на более детальном уровне. В качестве зависимой переменной нами выбран индекс социального прогресса (SPI) 112 стран за 2016 г., а объясняющими переменными показатели институционального развития по данным отчета Всемирного банка о глобальной

⁴ Негорожина А.В., Лазарева Н.В. Управление социальными инновациями // В сборнике: Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 291-295.

конкурентоспособности стран⁵. В качестве инструмента выявления статистических закономерностей использовался корреляционный анализ. Нами были проанализированы парные корреляции для 112 стран между зависимой переменной и рядом независимых переменных, результаты эмпирического исследования приведены ниже.

Таблица 2.

Результаты корреляционного анализа

	Коэфф. корреляции
Индекс социального прогресса, Social Progress Index (Y)	
Защита прав собственности (Property rights)	0.68
Защита интеллектуальной собственности (Intellectual property protection)	0.72
Общественное доверие к политикам (Public trust in politicians)	0.31
Взятки и поборы (Irregular payments and bribes)	0.81
Независимость судебной системы (Judicial independence)	0.63
Лоббирование интересов отдельных компаний (Favoritism in decisions of government officials)	0.35
Неэффективность государственных расходов (Wastefulness of government spending)	0.24
Государственное регулирование (Burden of government regulation)	-0.03
Эффективность правовых рамок в урегулировании споров (Efficiency of legal framework in settling disputes)	0.38
Прозрачность государственной политики (Transparency of government policymaking)	0.57
Организованная преступность (Organized crime)	0.56
Надежность правоохранительных структур (Reliability of police services)	0.65
Этичное поведение бизнеса (Ethical behavior of firms)	0.61
Аудит и отчетность (Strength of auditing and reporting standards)	0.77
Защита прав инвесторов (Protection of investors)	0.62

Проведенный корреляционный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) Эмпирически подтверждены статистически значимые взаимосвязи между уровнем социального развития и такими факторами, как уровень защиты интеллектуальной собственности, развитость системы аудита и отчетности. Также исследование показало, что чем меньше уровень коррупции в исследуемых странах, тем выше уровень их социального развития.

2) Менее значимыми факторами оказались такие показатели как: защита прав собственности, надежность правоохранительной системы, защита прав инвесторов.

Стоит отметить, что все выявленные факторы в той или иной степени характеризуют общий уровень доверия, складывающийся в обществе. Повышая уровень доверия в системе, участники (бизнес, государство, общество) охотней взаимодействуют друг с другом, добиваясь сетевого эффекта в области создания социальных инноваций и достижения устойчивого социально-экономического развития.

⁵ The Global Competitiveness Report 2016–2017. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2016-2017-1>

БРЕНДИНГ РЕГИОНА КАК ИНСТИТУТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО САМОРАЗВИТИЯ: КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

*Стрекалова А.С., к.б.н.
ВолГУ, Волгоград*

Конвергенция Интернета и беспроводной коммуникации, гибридизация традиционных и цифровых медиа, развитие «вебдванольных» технологий, повсеместное внедрение широкополосной передачи данных и повышение скорости обработки информации – эти и другие тенденции развития медиапространства требуют выработки новой коммуникационной политики в интересах брендинга территорий. Речь идет, в первую очередь, о диджитализации бренд-коммуникаций, которая позволяет стейкхолдерам территорий фактически создавать собственные медиасистемы с помощью смс и ммс, твитов и ретвитов, лайков и дизлайков, постов и репостов, отзывов и комментариев и т.д.¹

Интеграция, в рамках брендинга территорий, двух изолированных подходов: территориального маркетинга и медиологии² или медиа-исследований до настоящего времени практически не применялась. В теории и практике брендинга территорий доминирует маркетинговая парадигма, тогда как медиа-исследования имеют незначительное применение и, соответственно, медиаполитика территориальных брендов трактуется лишь как один (и далеко не самый важный) из инструментов продвижения. При этом, специалистами в области брендинга территорий и общественной дипломатии признается важная роль СМИ.

Концептуальная рамка традиционно используемая в брендинге территорий, базируется исключительно на маркетинговом подходе, не принимая во внимание теорию медиакоммуникаций. В результате, большинство кампаний в поддержку территориальных брендов фокусируется на рекламе и дополняющей ее традиционной PR-тактике. Хотя, по мнению С. Анхольта, даже незначительное число коммуникаций между стейкхолдерами на основе адекватной и внятной стратегии развития территориального бренда позволит достичь большего позитивного эффекта для репутации территории, чем гораздо большее количество обезличенных рекламных сообщений³.

Вместе с тем, в последние годы наблюдается растущий интерес к использованию социальных медиа в целях маркетинга и брендинга, что связано с впечатляющим ростом числа интернет-пользователей и увеличением времени, проводимого в соцсетях. По данным Глобального отчета о цифровом мире – 2017: количество интернет пользователей составляет 3,77 млрд. чел., что на 80% больше чем в 2012 г.; на 30% по сравнению с прошлым годом возросло число мобильных пользователей социальных сетей (2,56 млрд. чел.); российские интернет пользователи проводят в сети ежедневно по 2,19 часа, что сопоставимо с американскими показателями (2,06)⁴.

Приведенные количественные показатели глобальной диджитализации (или цифровизации) современного общества позволяют сделать следующие выводы:

¹ Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных; НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.; Tubella I., Tabernero C., Dwyer V. Internet y television: la guerra de las pantallas. Barcelona: Ariel, 2008. 210 p.

² Дербе Р. Введение в медиологию / Пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. 368 с.

³ Anholt S. Editor's foreword to the first issue. Place Branding and Public Diplomacy. 2004. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 4-11. P. 10.

⁴ Digital in 2017: Global Overview [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/special-reports/digital-in-2017-global-overview>

во-первых, не замедляющийся с годами рост числа интернет пользователей в мире; во-вторых, увеличение цифровой мобильности (в настоящее время около 5 млрд. человек по всему миру пользуются смартфонами); в-третьих, положительная динамика мобильных пользователей социальных сетей: более трети населения мира (2,56 млрд. человек) в настоящее время получают доступ к услугам в соцсетях через мобильные устройства, а более 50% всех веб-страниц открываются на мобильных телефонах.

По прогнозам авторов Глобального отчета, общее число пользователей мобильных медиа будет только расти⁵. Это связано еще и с тем, что современная экономика знаний поощряет развитие цифровых фриланс-профессий. «Вебдванольные» технологии, включая блоги и микроблоги, вики-проекты и социальные медиа, фото- и видеохостинги и т.д., стали реально работающими инструментами маркетинга, позволяющими превратить репутацию и цифровые социальные связи пользователей в ценность, аналогичную социальному капиталу⁶. Эти инструменты необходимо перенести в маркетинг и брендинг территорий с учетом их специфики.

Родоначальник маркетинга Ф. Котлер заметил тенденции и возможности новых медиа: «покупатели и другие заинтересованные лица... больше не пассивные участники маркетингового процесса. Один гневный покупатель или потребитель может поставить под удар даже успешную компанию»⁷. Этот вывод справедлив и в отношении имиджа и бренда территорий. Стейкхолдеры территории не связаны, в отличие от сотрудников корпораций, коммерческой тайной и этическими кодексами, к тому же к ним трудно (точнее, практически невозможно) применить санкции. В сочетании же с их количественным преимуществом (а число жителей любого, даже небольшого населенного пункта, заведомо превышает штат крупных компаний) и «вебдванольными» технологиями, которые позволяют генерировать огромное количество пользовательского контента в любое удобное для них время, следует признать – время декларативного брендинга территорий безвозвратно прошло. Такой (односторонний, формальный, изоляционистский, директивный) подход к территориальному брендингу вместо реальных стратегических изменений будет иметь нулевой и даже отрицательный эффект, несмотря даже на многомиллионные затраты на рекламу в традиционных и новых медиа.

Растущая интенсивность интернет-коммуникаций требует широкого внедрения в классический территориальный брендинг онлайн-инструментов и, в целом, новой медиаполитики. М. Флорек выделяет два наиболее перспективных направления онлайн-брендинга территорий: обеспечение коммуникаций вокруг ценностей бренда и его идентичности; создание сплоченных онлайн-сообществ, связанных с брендом⁸. Этими направлениями онлайн-брендинг территорий далеко не исчерпывается. Действительно, в отдельных исследованиях акцентировалось наличие связей территориального брендинга с PR-политикой и стратегическими коммуникациями, но эти вопросы специально не изучались. Даже лидер современного брендинга территорий М. Каварацис лишь поставил вопрос о необходимости изучения коммуникативной структуры территориальных брендов и роли журналистики о городах (journalism about cities) в выстраивании бренд-

⁵ См.: Там же.

⁶ Gandini A. Digital work. Marketing Theory. 2016. Vol. 16. Iss. 1. Pp. 123-141.

⁷ Котлер Ф. Конец капитализма? 14 антидотов от болезней рыночной экономики / Пер. с англ. К. Шашковой. М.: Эксмо, 2016. 288 с. С. 153.

⁸ Флорек М. Онлайн-брендинг городов // Брендинг территории. Лучшие мировые практики / Под ред. К. Динни; пер. с англ. В. Сечной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с. С. 113.

коммуникаций⁹, поскольку считает ключом к успешному брендингу отношения между брендом и его стейкхолдерами¹⁰.

В практике брендинга территорий появились первые примеры целенаправленной медиаполитики территориальных брендов. Например в Швеции такие инициативы связаны с вовлечением пользователей социальных сетей в роли «кураторов» или «амбассадоров» (послов) бренда территории. Такой подход соответствует современным теоретическим взглядам на перспективу брендинга территорий как управления сетями отношений бренда¹¹, предполагающего отказ от односторонней модели коммуникаций со стейкхолдерами. Такие сети, за счет эффекта «из уст в уста», в плане брендинга гораздо эффективнее рекламы. Но для их эффективного задействования в брендинге территорий необходимо выявлять различные виды сетей, понимать, как они управляются, определять мотивы и ожидания их участников.

Есть и более явные примеры использования социальных медиа в интересах брендинга территорий. Например, опыт Брюсселя, Берлина и Амстердама. Остановимся подробнее на кураторской платформе WeLoveBrussels созданной в 2014 г. для распространения интереса к Брюсселю и вдохновения любви к этому прекрасному городу. На ее базе местные блогеры, цифровые активисты и обычные горожане могут делиться личными историями о городе (этот медиаинструмент получил название «рассказывание городских историй» или сити-сторителлинг, от city storytelling). Уже к 2017 г. хэштег #welovebrussels используется более 50 тыс. подписчиками в различных социальных сетях, включая Instagram (более 26 тыс. человек просматривают страницу проекта, выложено более 1100 фотографий, получающих в среднем по 591 лайков). На Facebook еженедельный охват составляет 37 тыс. человек, из них более 10 тыс. активных пользователей и еще 90 тыс. человек говорят о #welovebrussels в этой социальной сети, а каждый новый пост получает от 1000 до 6000 просмотров. Кроме того, #welovebrussels активно постант в Twitter, регулярно набирая от 2000 до 5000 просмотров, причем рекордный твит набрал 27 тыс. просмотров¹². В дальнейшие планы организаторов кураторской платформы входит изучение и внедрение лучших практик городской журналистики (urban journalism), применение технологий больших данных, а также использование других цифровых инструментов для рассказывания инновационных и актуальных историй о городе и городских проблемах в XXI веке¹³.

Перспективным направлением развития медиаполитики территориальных брендов должно стать культивирование нового вида социальной активности и новой профессии журналиста территории. Именно журналисты территорий через активность в социальных медиа и разные форматы сити-сторителлинга могут без затрат бюджетных средств создать критическую массу для позитивного изменения имиджа территориального бренда и даже его идентичности. От городских и региональных властей, по большому счету, требуются только поддерживающие действия по таким направлениям, как: создание и поддержка программ обучения технологиям территориальной журналистики как профессиональных журналистов, так и блогеров, волонтеров, школьников, студентов, активистов, патриотов и т.д.; поддержка коммуникационных платформ для сити-сторителлинга; инициирование

⁹ Kavaratzis, M. From City Marketing to City Branding: Towards a Theoretical Framework for Developing City Brands. Place Branding and Public Diplomacy. 2004. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 58-73.

¹⁰ См.: Там же. С. 69.

¹¹ Andersson M., Ekman P. Ambassador networks and place branding. Journal of Place Management and Development. 2009. Vol. 2. Iss. 1. Pp. 41-51.

¹² Success story. Welovebrussels [Электронный ресурс]. URL: <http://welovebrussels.org/success-story/>

¹³ Urban journalism & City storytelling [Электронный ресурс]. URL: <http://welovebrussels.org/2017/02/urban-journalism-city-storytelling-brussels/>

дискуссии о перспективах «вебдванольных» технологий для брендинга своего города или региона.

Подчеркнем, что все стейкхолдеры любой территории в реалиях Web 2.0 и являются ее журналистами, но зачастую они работают не на бренд своего города или региона, а против него. Поэтому важно сделать неформальную профессию журналиста территории престижной и привлекательной, как это удалось, например, с волонтерством, способствуя тем самым расширению социальной базы новой медиаполитики территорий.

Именно новые (или цифровые) медиа, такие как интерактивные электронные издания и мультимедийные СМИ, позволяют региону или городу достигать целевые аудитории, расположенные на любом расстоянии от него и вести с ними диалог. Важным преимуществом новых медиа является их интерактивность, позволяющая аудиториям территориального бренда получать опыт виртуального посещения территории и наблюдения за происходящими событиями в реальном времени. Вместе с тем, смещение территориального брендинга в сторону цифровых инициатив должно быть связано с повышением креативности в подборе и создании самого контента. Ведь расширение аудитории информационного воздействия повышает риск неверной интерпретации и ретрансляции ошибок в социальных сетях и блогах, тем самым повышая цену ошибки.

К новым каналам бренд-коммуникаций регионов относятся не только социальные сети, но и краудсорсинговые проекты, позволяющие наладить тесное взаимодействие и совместное производство представлений о бренде территории с различными целевыми группами. Сейчас рассказывание историй о брендах территорий традиционно является функцией местных властей или специализированных организаций (маркетинговых агентств или СМИ), что ведет к доминированию официального и гиперпозитивного дискурса. Важно переориентировать медиаполитику брендов территорий на неформальный формат, например, сделав основными создателями бренда местных блогеров и активистов, а также используя лучшие практики, например, опыт Берлина с сетями горожан-амбассадоров бренда, кураторские сетевые платформы Брюсселя, амстердамский фестиваль городских историй и др.

Еще одним назревшим изменением является дополнение традиционных, легко идентифицируемых рекламных сообщений (например, рекламных слоганов, брошюр, статей, пресс-релизов, туристических сайтов и др.) контекстными сообщениями (или просто контекстами), напрямую не связанными с рекламой. Этот тренд получил название «включенный маркетинг» (embedded marketing). Примером является включение определенной территории в сюжет фильма, телешоу и другие форматы мультимедийного контента¹⁴. Таким образом традиционный продакт-плейсмент замещается плейс-плейсментом (place placement). Также значительным потенциалом обладает применение технологий дополненной реальности и игрофикации (геймификации) для погружения пользователя в ненавязчивый медиа-контент (Second Life, Active Worlds).

И, конечно, в качестве журналистов и амбассадоров бренда своего города или региона необходимо максимально задействовать местное население. Если в отношении внешних аудиторий определенное манипулирование можно считать приемлемой практикой, то в случае внутренних стейкхолдеров нельзя допускать никаких искажений и попыток введения в заблуждение. В настоящее время «единая

¹⁴ Wolburg J. M. Branded Entertainment: Product Placement & Brand Strategy in the Entertainment Business. Journal of Consumer Marketing. 2008. Vol. 25. Iss. 1. Pp.66-67; Хохлова Т.П, Назаретян П.В Product placement как глобальная стратегия продвижения товаров и услуг: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] // Маркетинг в России и за рубежом. 2011. № 2. URL: <http://www.mavriz.ru/articles/2011/2/5834.html>

компьютерная сеть электронной коммуникации охватывает все, что мы делаем, везде и всегда»¹⁵ - и это важно отчетливо понимать разработчикам региональной и городской медиаполитики. Поскольку любые стейкхолдеры (инвесторы, туристы, работники, будущие студенты, потенциальные жители и др.) знакомятся с территорией перед экраном монитора или гаджета, то ее отличительные черты и конкурентные преимущества должны быть представлены в креативном цифровом формате.

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ТРАНЗИТНОГО РЕГИОНА

*Суворова А.В., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

В мировой и отечественной практике в последние годы активно развивается использование множества различных форм кооперации, позволяющих хозяйствующим субъектам повысить эффективность деятельности путем взаимодействия в рамках вертикальных или конгломератных соглашений. Осуществляется сотрудничество предприятий в виде ассоциаций, холдингов, консорциумов, однако наиболее перспективным (в первую очередь, с точки зрения стимулирования формирования полноценных технологических цепочек) признается взаимодействие в рамках кластерных структур: политика содействия кластерному развитию получила распространение как за рубежом, так и в России.

В соответствии с документами, отражающими специфику проводимой в России кластерной политики, органами власти выделяются различные типы кластеров, каждый из которых имеет свои особенности и свой функционал: среди них обозначены промышленные (дискретные и процессные), инновационные, туристические, транспортно-логистические кластеры.¹ В то же самое время, рассматривая сложившиеся в настоящее время в стране инструменты развития территорий и меры их поддержки, Министерство экономического развития РФ упоминает только промышленные, инновационные и туристические кластеры²: в отечественном законодательстве не закреплены формы поддержки для транспортно-логистических кластеров, хотя отличительные характеристики кластера данного типа определены весьма четко. Так, транспортно-логистические кластеры включают в себя комплекс инфраструктуры и компаний, специализирующихся на хранении, сопровождении и доставке грузов, в состав кластера также могут входить организации, обслуживающие объекты портовой инфраструктуры, компании, специализирующиеся на морских, речных, наземных, воздушных перевозках, логистические комплексы.³

¹⁵ Кастельс М. Указ. соч. С. 89.

¹ См., например, Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации // Российская кластерная обсерватория [Электронный ресурс]. URL: <http://cluster.hse.ru>

² Официальный сайт Министерства экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru>

³ Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации // Российская кластерная обсерватория [Электронный ресурс]. URL: <http://cluster.hse.ru>

В научной литературе транспортно-логистический кластер также трактуется весьма однозначно: под ним понимается межотраслевое добровольное объединение предпринимательских структур, транспортно-логистической инфраструктуры, общественных и других организаций, специализирующихся на перевозке грузов, хранении и грузопереработке, транспортно-экспедиционном, логистическом, сервисном обслуживании и управлении товароматериальными и сопутствующими потоками, тесно сотрудничающих с научными, образовательными учреждениями, органами федеральной и региональной власти с целью повышения конкурентоспособности на отечественном и мировом рынке транспортно-логистических услуг.⁴

С точки зрения структуры транспортно-логистический кластер существенно не отличается от других типов кластерных образований: его обязательным элементом является ядро (субъекты, позиционирующие кластер, специализирующиеся на осуществлении основного для него вида деятельности, вокруг которых группируются прочие участники); дополняющие объекты (объекты, деятельность которых напрямую связана с обеспечением условий для функционирования объектов ядра, к ним, в первую очередь, относятся элементы инновационной и бизнес-инфраструктуры, научные и образовательные организации); обслуживающие объекты (их наличие обязательно для успешного функционирования кластера, но их деятельность не связана напрямую с функционированием предприятий и организаций, входящих в состав ядра) и вспомогательные объекты (их наличие желательно, но не обязательно для успешного функционирования других участников кластера, они ориентированы на поиск внутренних резервов для обеспечения непрерывной деятельности и развития потенциала кластера). Таким образом, структура транспортно-логистического кластера определяется организациями, консолидирующими свои материальные, информационные и финансовые потоки.

Естественно, что модель каждого конкретного кластера будет несколько отличаться от стандартизированной системы построения: состав и структура кластера зависит от большого числа факторов: территории базирования ключевых участников (особенностей ее социально-экономического развития и специализации, характера размещения инфраструктуры), задач, для решения которых создается кластер, масштабов его деятельности. Так, например, кластер может быть региональным (формироваться преимущественно в границах субъекта Федерации), межрегиональным (такие кластеры охватывают несколько субъектов РФ) или глобальным (формирование таких кластеров характерно в регионах, находящихся в зонах тяготения к международным транспортным коридорам).

Кроме того, особенности функционирования кластера (структура, функционал, цели) могут значительно меняться со временем, по мере его развития: если на начальных этапах своего существования участники кластера при осуществлении своей деятельности опираются главным образом на объективную реальность (сложившиеся условия), то со временем (с ростом конкурентоспособности кластерного образования) они сами начинают создавать предпосылки для своего дальнейшего совершенствования, постепенно трансформируясь в масштабный комплекс, ориентированный на обслуживание

⁴ Прокофьева Т.А., Клименко В.В. Методологические аспекты построения кластерной модели транспортно-логистической инфраструктуры региона // Логистика и управление цепями поставок. 2011. №6. [Электронный ресурс]. URL: <http://lscm.ru>

значительного количества транзитных и экспортно-импортных грузопотоков различных направлений.

Следует также отметить, что структура транспортно-логистического кластера имеет сложный смешанный характер. С одной стороны, такой кластер можно назвать отраслевым, поскольку большая часть субъектов, входящих в его состав, являются представителями транспортной отрасли (к их числу можно отнести перевозчиков, экспедиторов, терминалы, склады, порты и т.п.), однако в состав транспортно-логистических кластеров также включаются страховые компании, финансовые структуры, таможенные представители, что свидетельствует о межотраслевом характере кластера.

В зарубежной практике можно встретить достаточное количество примеров успешного функционирования транспортно-логистических кластеров. В частности, в Европейском Союзе к настоящему создана полноценная сеть таких кластерных образований (в нее входит более 80 кластеров), а доля приходящихся на них транспортно-логистических услуг достигла 40% от общего оборота.⁵

Примерами позитивных результатов процессов кластеризации транспортно-логистической сферы в Европе являются: кластер, сформировавшийся в точке пересечения крупных международных транспортных коридоров в г. Падборг (Дания); кластер, специализирующийся на оказании полного диапазона логистических услуг (в его состав входят Lufthansa, Deutsche Bank, а также представители малого и среднего бизнеса), который разместился в г. Франкфурт-на-Майне (Германия); логистический кластер Limowa, действующий в Финляндии (он объединяет логистические предприятия, транспортно-экспедиторские фирмы, консалтинговые, производственные, а также образовательные и научно-исследовательские комплексы, институты развития) и др.⁶

В России динамика реализации кластерных инициатив в сфере транспорта и логистики заметно отстает от мировых трендов (во многом это связано с отсутствием поддержки (в том числе и финансовой) со стороны органов власти): идеи создания на базе транспортно-логистических комплексов отдельных регионов кластерных форм развития не находят практического воплощения. Показательным является пример проекта формирования и развития транспортно-логистического кластера в Новосибирской области.

Стратегия формирования транспортно-логистического кластера Новосибирской области была разработана в рамках создания Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2025 г.⁷ В соответствии с данным документом создание транспортно-логистического кластера должно было способствовать превращению Новосибирского транспортного узла в один из ведущих центров предоставления транспортно-логистических услуг в Восточной России. Системообразующим элементом данного кластера должен был стать Транспортно-логистический центр,

⁵ Rebitzer D.W. The European Logistics Market, Europe Real Estate Yearbook. 2007. 573 p.

⁶ См. подробнее: Романюк Е.В., Сорока Е.Н. Транспортно-логистический кластер как инструмент интенсивного развития рынка логистических услуг России // Логистика - евразийский мост: материалы 10-й Международ. научн.-практ. конф. (14-16 мая 2015 г., г.Красноярск). Красноярск, 2015. С. 253-257.

⁷ Стратегия социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2025 года (утверждена постановлением Губернатора Новосибирской области от 03.12.2007 № 474) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nso.ru>

осуществляющий координацию товаро- и пассажиродвижение через регион и соблюдающий интересы как клиентов, так и перевозчиков.

Особенностям развития Транспортно-логистического центра как базовой структуре «кристаллизации» транспортно-логистического кластера уделялось в Стратегии особое внимание. Функционально он должен был представлять комплекс IT-технологий, позволяющих эффективно контролировать процессы перевозок, работу складских комплексов, терминалов, таможенных, страховых и прочих компаний, обслуживающих функционирование кластера. В составе Транспортно-логистического центра предлагалось выделить ресурсный центр, осуществляющий мониторинг и обработку данных об особенностях развития кластера; методологический центр, отвечающий за формирование и актуализацию модели развития кластера; ситуационный центр, выполняющий функции инструмента для принятия стратегических и тактических решений, как на уровне администрации региона, так и на уровне бизнес-структур; сетевую инфраструктуру, позволяющую осуществлять сбор информации об основных параметрах функционирования кластера.

Для управления процессами функционирования и развития Транспортно-логистического центра под эгидой администрации Новосибирской области планировалось создать организационный механизм, а сам Центр должен был иметь федеральный статус и координировать товародвижение на территории Сибирского федерального округа и функционировать на принципах государственно-частного партнерства.

Еще одной особенностью Стратегии формирования транспортно-логистического кластера Новосибирской области являлась проработка нескольких сценариев развития транспортной сети России и, соответственно, нескольких вариантов места кластера в этой сети (наряду с четырьмя традиционными направлениями: Север – Юг, Запад – Восток, рассматривалась возможность интенсификации товародвижения в Китай (на основе развития автомобильного сообщения) и в Северо-Восточный Казахстан (по железной дороге)).

Ожидалось, что при благоприятных условиях формирование Транспортно-логистического центра будет завершено к 2011 г., а сам кластер – к 2025 г. Между тем, в настоящее время интерес к трансформации транспортно-логистического комплекса территории со стороны властных структур Новосибирской области сместился с активного использования принципов кластерного развития: значительное внимание уделяется формированию и организации эффективного функционирования в регионе транс-логистической платформы.

Аналогичным образом завершились идеи по созданию транспортно-логистических кластеров и в ряде других субъектов Федерации (например, Калужская, Нижегородская, Самарская области): проекты остались большей частью не реализованными (хотя в отдельных регионах сложился фундамент для кластеризации транспортно-логистических услуг в виде транспортно-логистических центров и систем), а сами кластеры так и не заработали в полную силу, что не позволило оценить их результативность, проанализировать эффективность полноценных объединений участников рынка транспортно-логистических услуг.

Между тем, значимость эффекта от создания и развития транспортно-логистических кластеров не вызывает сомнения ни у исследователей-экономистов, ни у представителей бизнеса и власти (что подтверждает и анализ

зарубежного опыта формирования таких кластеров). В частности, появление подобных комплексных кластерных структур позволяет повысить конкурентоспособность страны (региона) за счет:

- возникновения синергетического эффекта в результате объединения отдельных элементов в комплекс активно взаимодействующих друг с другом (и получающих вследствие этого дополнительные положительные результаты) партнеров;
- сокращения издержек, которые вынуждены нести участники кластера, за счет возникновения эффекта масштаба, совместного использования ресурсов, территориальной локализации и близкого расположения всех кластерных элементов, что, в конечном итоге позволяет сократить объем транспортных затрат в составе производимого продукта;
- сокращения сроков осуществления логистических процессов (путем повышения темпов и точности перемещения конкретных товаров в зоне производства или доставки товарной продукции покупателям);
- предоставления условий для ускоренной модернизации и активного внедрения инноваций.

Особое значение формирование транспортно-логистических кластеров имеет для транзитных регионов, находящихся на пересечении масштабных (например, международных) транспортных коридоров. В кластерах, возникающих на таких территориях, создаются благоприятные условия не только для эффективного взаимодействия субъектов, функционирующих в пространстве самого региона, но и для установления прочных партнерских отношений между ними и другими регионами страны, а также другими странами в ходе транзитных перемещений материальных потоков. При этом создание и развитие транспортно-логистического кластера в транзитном регионе базируется на ряде специфических принципов. В частности, в регионе должна сформироваться развитая сеть элементов транспортно-логистической инфраструктуры, оказывающих участникам перевозок полный комплекс сервисных услуг (финансовых, информационных, таможенных), а реализуемая на территории региона политика должна максимально благоприятствовать быстрому и качественному осуществлению транспортно-логистических операций (в связи с этим большой интерес также представляет реализация проектов государственно-частного партнерства в данной сфере). Крайне важным принципом является формирование в транспортных узлах кластера мультимодальных логистических центров, а также наличие возможности соединения существующей в регионе транспортной инфраструктуры с инфраструктурой международных транспортных коридоров. Следует также отметить значимость качества дорожной инфраструктуры, расположенной в регионе, возможность дальнейшего увеличения масштабов его использования.

Подводя итог проведенному исследованию, стоит отметить, что транспортно-логистический кластер способен существенно повысить логистический потенциал территории, увеличивая эффективность управления технологическими звеньями перемещения грузов от поставщиков ресурсов, производственных структур до конечных потребителей в рамках единого потокового процесса. Несмотря на то, что транспортно-логистические кластеры представляют собой относительно новое явление в экономической жизни страны, именно в такой форме организации специалисты видят будущее развитие транспортно-логистических услуг.

СЕКТОР РЕГИОНАЛЬНЫХ БАНКОВ КАК ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Федосеева В. А.
ПГНИУ, Пермь*

Одной из важнейших стратегических задач развития финансово-кредитной системы России является её институциональное совершенствование в целях обеспечения модернизации экономики, осуществления экономического прорыва в инновационных секторах и дальнейшего устойчивого экономического развития государства и его субъектов (регионов). Для осуществления этой задачи коммерческие банки должны в большей мере становиться общественными институтами, способными обеспечить финансирование на кредитной основе наиболее значимых для экономики регионов проектов и обеспечить приток эффективных инвестиций в развитие реального сектора экономики.

В последнее время, в связи с ужесточением требований к размеру и структуре капитала, количество коммерческих банков в России уменьшается ускоренными темпами. Перед угрозой отзыва лицензий оказываются, в основном, коммерческие банки регионального значения, дислоцированные в субъектах (регионах) РФ. Сектор региональных банков на российском рынке сокращается, уступая рынки крупным банкам федерального значения.

Обладая перед крупными банками рядом преимуществ на региональных рынках по взаимодействию с хозяйствующими субъектами и населением, региональные банки в целях сохранения и укрепления своих позиций должны искать новые направления и формы деятельности, реализовывать стратегии интеграции и диверсификации. Укрепление их позиций возможно в тесном сотрудничестве с региональными органами власти и управления, коммерческими структурами и общественными институтами на уровне субъектов РФ. Интеграция усилий региональных банков и региональных органов власти имеет большой потенциал в области обеспечения притока инвестиций в экономику региона, реализация которого позволит финансировать ключевые для бизнеса проекты, в том числе, инновационные, создать необходимые условия для модернизации экономики региона.

Все вышеизложенное характеризует актуальность исследований, направленных на повышение эффективности функционирования сектора региональных банков в России, выявление новых путей его развития.

Изучение влияния сектора региональных банков на экономическое развитие территорий (регионов РФ) является достаточно новой для российской науки и практики проблемой. Её изучение осложняется тем, что законодательство России не определяет институт региональных банков, понятие «регионального банка» хотя и признаётся повсеместно научным и профессиональным сообществами, но законодательно не установлено. Научные исследования в области функционирования региональных банков относительно немногочисленны, дискуссионны, и нуждаются в дальнейшем развитии.

Российские банки большинством учёных рассматриваются, прежде всего, как коммерческие предприятия, эффективность деятельности которых измеряется размерами получаемой прибыли и рентабельности. В то же время существует и точка зрения на банки, в первую очередь, как на общественные институты, призванные обеспечить эффективное функционирование экономики.

Отличительной особенностью институционального устройства банковских систем экономически развитых федеративных государств является наличие законодательно закреплённого института банков территориального (местного) значения, подконтрольного органам власти и управления на местах, основная цель которых заключается в содействии экономическому развитию территорий.

В России данный опыт реализуется фрагментарно, в отдельных регионах отдельными банками, поскольку его реализация затруднена особенностями российского законодательства. Вместо *института региональных банков* в России функционирует *сектор региональных банков*, который является составной частью банковской системы России.

Под сектором региональных банков автор понимает совокупность действующих на территории РФ банков, зарегистрированных в субъектах РФ помимо федерального центра, осуществляющих дислокацию головного офиса и имеющих центр принятия решений на территории субъектов РФ. Сектор региональных банков является составной частью банковской системы России, которая тесно интегрирована с экономическими комплексами регионов и является важной составляющей частью их финансово-кредитных систем и играет значительную роль в обеспечении воспроизводственных процессов в региональной экономике.

Институциональная несостоятельность сектора региональных банков (отсутствие специально созданных для него законодательных норм функционирования) затрудняет его эффективное функционирование в интересах экономического развития регионов России.

Развитие сектора региональных банков в регионах (субъектах) РФ обусловлено в значительной степени социальными факторами, то есть, зависит от благоприятной социальной среды, которая и обеспечивает более активное функционирование региональных банков в отдельных субъектах РФ.

Обладая сопоставимым размером валового регионального продукта, субъекты РФ значительно различаются по уровню развития сектора региональных банков (табл. 1.). Это позволяет сделать вывод о том, что развитие сектора региональных банков обусловлено не столько экономическими, сколько социальными факторами, то есть, зависит от благоприятной социально - экономической среды, которая и обеспечивает более активное функционирование сектора региональных банков в отдельных субъектах РФ.

С точки зрения автора, на формирование среды функционирования сектора региональных банков в регионах России влияют следующие три группы социальных факторов, представленных в табл. 1., которые проявляются неоднозначно и обуславливают различия в уровне развития секторов региональных банков.

Поскольку факторами формирования региональных финансовых рынков «на стороне населения» можно управлять (например, путём осуществления информационных воздействий), то факторы «на стороне управленческого аппарата и бизнеса» имеют первостепенную значимость. Если они проявляются конструктивно, то могут оказать положительное воздействие на уровень доверия населения к местным финансовым институтам.

Таблица 1

Социальные факторы, влияющие на уровень развития сектора региональных банков в регионе (субъекте) РФ

ГРУППЫ ФАКТОРОВ		
1. Факторы на стороне «административно – управленческого ресурса»	2. Факторы на стороне представителей бизнеса	3. Факторы на стороне населения
<ul style="list-style-type: none"> • Уровень заинтересованности представителей власти в развитии региональных финансовых институтов 	<ul style="list-style-type: none"> • Уровень заинтересованности хозяйствующих субъектов, заинтересованных в сотрудничестве с региональными банками 	<ul style="list-style-type: none"> • Уровень доверия населения к местным финансовым институтам • Социальная структура населения в регионе • Уровень развития среднего класса и гражданского общества
<ul style="list-style-type: none"> • Характер взаимоотношений между органами власти субъекта РФ и региональными финансовыми институтами 		
<ul style="list-style-type: none"> • Уровень развития форм взаимодействия между властью, бизнесом и населением 		

Авторский вариант концепции обеспечения стабильно функционирующего сектора региональных банков наглядно представлена на рис. 1.

Социально – экономическая политика органов власти субъектов Российской Федерации должна в современных условиях быть активной и самостоятельной, содействовать росту таких групп среднего класса, которые смогут вести полноценный диалог и на основе концентрации усилий внести наибольший вклад в инновационный путь развития и модернизацию экономики. Слои, которые могут составить базу для стабильного развития сектора региональных банков - это малый и средний инновационный и производственный бизнес, общественные организации с активной гражданской позицией.

Практически идентичная концепция в общих чертах реализуется в экономически развитых государствах с федеративным устройством, опыт которых России необходимо перенять.

Таким образом, в структуре банковского сектора РФ просматривается некоторая специализация наиболее развитых промышленных регионов России. Их можно разделить условно на регионы с высоким природно-ресурсным, но низким инфраструктурным потенциалом («опорно-сырьевые») и регионы с низким природно-ресурсным, но высоким инфраструктурным потенциалом («опорно –

инфраструктурные»). Так, высокоразвитые в инфраструктурном отношении регионы имеют более высокий уровень развития РБС и тем самым могут компенсировать а счёт экспансии банковского капитала дефицит кредитно-финансовых ресурсов в опорно-сырьевых и других, экономически менее развитых, регионах. К ним относятся регионы, расположенные преимущественно на европейской территории России (Центральный, Приволжский и Южный ФО): г. Москва, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Республика Татарстан, Самарская область.

В перспективе, по мнению автора, указанная специализация регионов будет всё более укрепляться, а поляризация в развитии сектора региональных банков будет усиливаться, особенно на фоне выбытия из игры мелких банков на фоне роста требований регулятора к величине собственного капитала. Это, в свою очередь, порождает проблему недоиспользования потенциала развития со стороны прочих регионов России.

Авторский вариант концепции обеспечения стабильно функционирующего сектора региональных банков наглядно представлена на рис. 1.

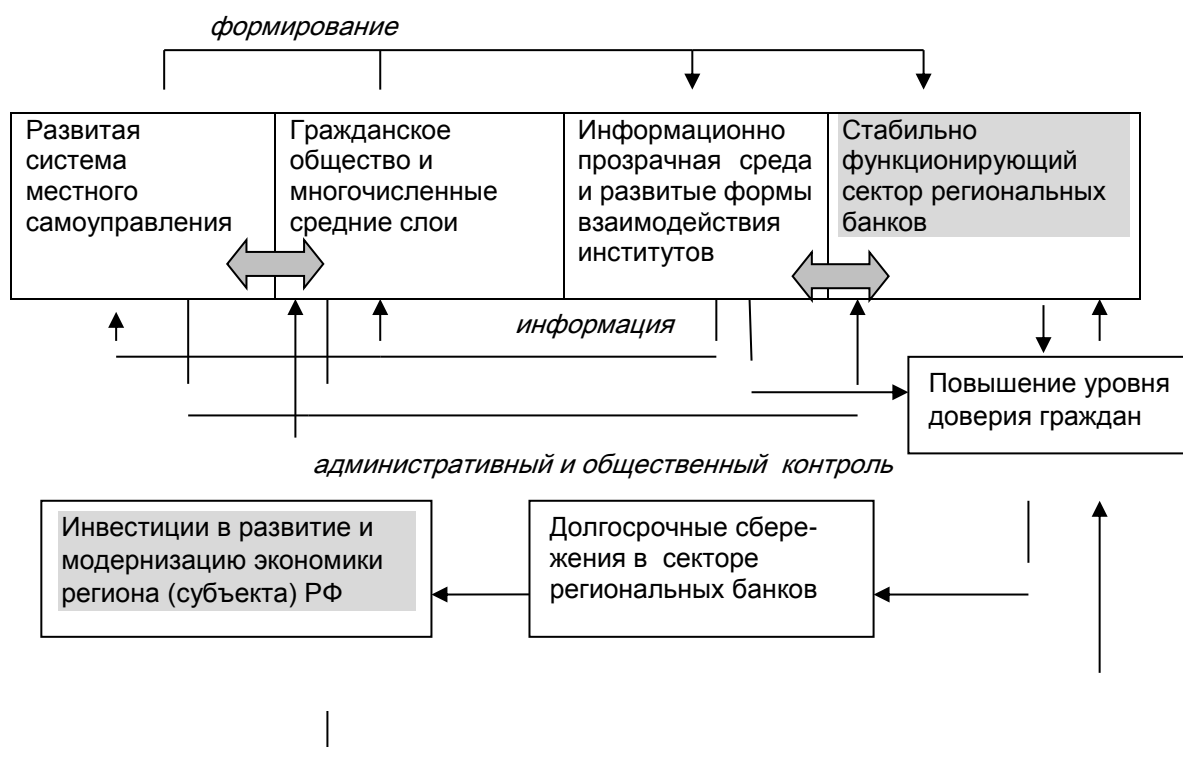

Рис. 1. Модель функционирования сектора региональных банков в интересах экономического развития регионов России

На основе изучения эмпирических данных за многолетний период, выявлен прямой характер зависимости между уровнем развития сектора региональных банков и уровнем экономического развития регионов (субъектов) РФ. Тем самым установлено, что сектор региональных банков оказывает существенное положительное влияние на уровень экономического развития регионов (субъектов) РФ и его сохранение представляет собой важную экономическую задачу для экономического развития регионов и страны в целом.

Гипотетически, в регионах, в которых действует максимальное количество региональных банков, должны проявляться преимущества, свойственные региональному принципу организации банковского дела, в первую очередь, более высокие объёмы валового регионального продукта и темпов его роста. Указанная гипотеза подтверждается рядом полученных автором экономико-статистических моделей.

Соответственно, сохранение сектора региональных банков и укрепление его позиций представляет собой важную экономическую задачу для экономического развития страны в целом.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ИНСТИТУТОВ И СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ

*Шейкин Д.А.
ВолГУ, Волгоград*

Институциональное развитие кластеров понимается как процесс коэволюции кластерных институтов функционального (рутины и практики взаимодействий), структурного (организационные модели кластерных структур), нормативного (формальные и неформальные нормы транзакций между стейкхолдерами кластеров) и ментального (стереотипы, убеждения, представления, когнитивные механизмы) типов. Этот процесс органично сочетает стихийную (эволюционную) и управляемую (регулятивную) компоненты, но основное внимание в данной работе будет сконцентрировано на второй составляющей.

Накопленный мировой опыт эволюции региональных кластеров ясно показывает, что влияние пространственного фактора на кластеризацию трудно переоценить. Средовая специфика различных примеров успешного создания кластеров в регионах разных стран очевидна и многократно обсуждалась в специальной литературе. Причем особое значение имеет качество институциональной среды региона, особенно в фазе зарождения и на ранней стадии развития кластеров. Систематизация основных тенденций и лучших практик (образцов для имитации) в области регулятивной политики, инфраструктурных институтов и институциональных механизмов развития региональных кластеров в мире и ведущих в этом отношении регионах РФ позволит сформировать научную основу разработки системной модели институционального обеспечения и поддержки территориальных инновационных кластеров в регионах России.

Исследователи констатируют, что как минимум в трех азиатских странах (Индия, Бангладеш и Шри Ланка) развивается на локальном уровне развивается подход кластерно-ориентированного экономического развития городов (cluster-based city economic development), под которым понимается новая модель достижения устойчивого развития территорий за счет фокусировки на формировании кластеров¹. Данный подход фактически ориентирует всю

¹ См.: Choe K., Roberts B. Competitive Cities in the 21st Century: Cluster-Based Local Economic Development. Mandaluyong City: Asian Development Bank, 2011. 328 p. P. xviii.

экономическую политику городов в направлении развития кластеров. Следует отметить, что такая точка зрения расходится с мнением М. Портера, согласно которому «экономика любого региона обычно имеет относительно небольшой набор кластеров, в рамках которых регион полностью конкурентоспособен по сравнению с другими регионами»², но, на наш взгляд, кластерно-ориентированный подход является более предпочтительным в силу его системности. При этом предполагается радикальное изменение менталитета руководства территорий, связанное с переносом акцентов со сравнительных и конкурентных преимуществ на преимущества коллаборационного типа (табл.1).

Таблица 1

Видовая специфика преимуществ территории
как элементов ее конкурентоспособности

<i>Сравнительные преимущества</i>	<i>Конкурентные преимущества</i>	<i>Коллаборационные преимущества</i>
Цены на недвижимость и уровень арендной платы Развитие инфраструктуры Уровень налогообложения Уровень оплаты труда Близость к природным ресурсам Развитие транспортной системы Доступность финансовых ресурсов Близость к рынкам сбыта	Развитие науки и НИОКР Технологическое развитие Регулятивная политика Производительность труда Развитие профессионального образования Ключевые компетенции региона Качество жизни населения Социальный капитал территории	Уровень развития бизнес-сетей Развитие кластеров Развитие стратегических альянсов Развитие государственно-частного партнерства Доверие между бизнесом и властью Открытое правительство Умные системы управления

Конкуренция между отдельными компаниями в современном мире становится все более и более редким явлением. Напротив, наиболее распространенной формой конкурентной борьбы является противостояние на рынке межфирменных сетей и альянсов³. В этом смысле ключевым преимуществом территорий становятся не просто выгодное экономико-географическое положение или условия и ресурсы ведения бизнеса, а создаваемые на территории региона возможности развития сетей, партнерств, кластеров и иных форм коллаборации, или коллаборационные преимущества территории. Концепция коллаборационных преимуществ развивалась исходно на микроуровне, описывая взгляд со стороны фирм, а не регионов, в которых они

² Porter M.E. Clusters and Economic Policy: Aligning Public Policy with the New Economics of Competition. ISC White Paper. November 2007. 10 p. URL: http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/Clusters_and_Economic_Policy_White_Paper_8e844243-aa23-449d-a7c1-5ef76c74236f.pdf. P. 5.

³ См.: Dyer J.H. Collaborative Advantage: Winning through Extended Enterprise Supplier Networks. Oxford: Oxford University Press, 2000. 224 p. P. vii.

базировались⁴. С позиций подхода кластерно-ориентированного экономического развития территорий нет никаких препятствий для использования данной концепции на локальном и региональном уровнях.

Состав элементов коллаборационных преимуществ территории пока что представлен в качестве укрупненного предварительного набора и явно требует проведения специальных исследований. Отметим, что одним из важных составляющих преимуществ коллаборационного типа является развитие открытого правительства (open government) в регионе, под которым понимается модель управления территориями, базирующаяся на принципах взаимодействия всех стейкхолдеров, прозрачности информации и расширения участия стейкхолдеров в регулировании экономики, при этом функция региональной власти состоит в большей степени в координации взаимодействий стейкхолдеров⁵. В свою очередь, развитие умных (smart) систем управления территориями связано с внедрением информационных систем, основанных на сборе больших объемов данных (big data) с помощью множества датчиков для контроля потребления воды и энергии, дорожных трафиков («пробок»), исправности водных и электросетей и т.д.⁶ В итоге города становятся опутанными своеобразной «цифровой кожей», а управление ими приобретает характер администрирования информационных систем.

Как показывает опыт азиатских городов, внедрявших кластерно-ориентированное экономическое развитие, несмотря на кажущуюся ясность его ключевой идеи – сфокусироваться на поддержке кластерных инициатив и уже развивающихся кластеров во всех сферах экономики при максимальном сотрудничестве и взаимном доверии стейкхолдеров, – ее реализация часто сопряжена с целым рядом проблем. Во-первых, эксперты рекомендуют важное внимание уделить предварительной стадии внедрения данного подхода, в частности, программам обучения стейкхолдеров (в том числе как представителей бизнес-сообщества, так и руководителей подразделений местных администраций), в ходе которых участники получают согласованное представление о значимости кластерно-ориентированного подхода, способах его внедрения и ожидаемых результатах. Дополнением обучающих программ могли бы стать дискуссионные форматы (круглые столы, воркшопы и т.д.). Во-вторых, региональные власти должны избежать «искушения» присвоить власть над проектом; напротив, следует стремиться, чтобы лидером проекта был представитель бизнеса, а предприниматели в целом рассматривали внедрение кластерно-ориентированного подхода как собственный процесс, осуществляемый ими и в их интересах. Важно также привлекать к участию лидеров местного гражданского общества, социальных предпринимателей, гражданских активистов и др.; их игнорирование может стать причиной будущих неудач проекта. Вместе с тем, не следует чрезмерно расширять количество участников потенциальных кластеров⁷ во избежание повышения транзакционных издержек их коммуникаций и отношений до предельного уровня.

⁴ См.: Kanter R.M. *Collaborative Advantage: The Art of Alliances* // Harvard Business Review. 1994. Vol. 72. № 4. P. 96-108; *Creating collaborative advantage* / C. Huxham (ed.). London: Sage, 1996. 200 p.

⁵ См. подробнее: *Open Government: The Global Context and the Way Forward*. Paris: OECD Publishing, 2016. 276 p.

⁶ См.: *Smart cities: governing, modelling and analysing the transition* / M. Deakin (ed). N.Y.: Routledge, 2014. 248 p.

⁷ См.: *Ibid.* P. 117-118.

Опыт Дании в построении конкурентоспособных кластеров показал, что главным свойством регулятивной политики в отношении кластерных структур является гибкость⁸, означающая:

- необходимость поиска на практике баланса между восходящей (bottom-up) и нисходящей (top-down) моделями создания и развития кластеров;
- необходимость выхода за узкие рамки отраслевого и статистического анализа при выявлении кластеров (многие датские кластеры базировались на цепочках создания стоимости, границы которых выходили за рамки отдельных отраслей и с трудом поддавались идентификации). Поэтому региональная политика в отношении кластеров должна начинаться со сбора релевантной информации, которая позволяет выявить наличие кластеров (точнее, их «эмбрионов», протокластерных сетей), которые «затемнены» стандартной статистической отчетностью, оперирующей данными без учета их связи с территорией (концентрацией, размещением, расстояниями и т.д.);
- необходимость стимулирования интеграции участников кластера как в коммерческие, так и в социальные сети, причем последние играют гораздо более важную роль в долгосрочной устойчивости кластера, поскольку способствуют накоплению кластерного социального капитала.

Австрийский опыт кластеризации демонстрирует важность маркетинга в развитии кластеров. В Штирии, втором по площади австрийском регионе, маркетинговые и PR-инструменты использовались с самого начала создания автомобильного кластера для привлечения в его состав новых участников, в том числе иностранных партнеров. В результате маркетинговые действия кластера в значительной степени повлияли и на продвижение бренда региона в Евросоюзе и за его пределами. По нашему мнению все же австрийский подход является более предпочтительным, позволяя превентивно избежать маркетинговых ошибок на поздних стадиях эволюции кластера.

Новое поколение региональных кластерных стратегий принципиально отказывается от отраслевой «привязки» и является тематическим. Например, в качестве общей темы развития Сан-Себастьяна (Испания) был выбран серфинг; именно вокруг этой темы разворачивается набор тематически взаимосвязанных видов деятельности, включая кулинарию, индустрию гостеприимства, производство специального оборудования, тренинги, туризм, образовательные услуги и т.д. Тематический кластер возникает вокруг определенного образа жизни, который требует осуществления определенных видов деятельности и приобретения соответствующих им ресурсов (товаров и услуг). В этой связи политика создания тематического кластера гораздо сложнее политики для отраслевых (или многоотраслевых) кластеров, поскольку требует платформенной интеграции различных субъектов с предложениями из самых разных, порой кажущихся вообще не связанными отраслей, а также гибкого регулирования и маркетинга.

Совокупность связанных с серфингом видов бизнеса (surf-related businesses) в Сан-Себастьяне выступает системой деятельности, на которую опирается стратегия кластера, причем «если операционная эффективность – это достижение совершенства в отдельных видах деятельности, то стратегия – это

⁸ См.: Engineering The Future. Rodin Genoff & Associates, 2008. 56 p. URL: <https://www.rm.dk/siteassets/regional-udvikling/ivarksatteri/publikationer/engineering-the-future.pdf>. P. 16-18.

правильное сочетание этих видов»⁹, а также обеспечение тесного взаимодействия между компаниями в рамках кластера и между кластером и сообществом потребителей (серферским сообществом). Продвижение бренда кластера и формирование доверия к нему в этом сообществе дополняется рядом неординарных решений. Например, для вовлечения в кластер местных университетов был запущен студенческий конкурс инноваций для серфинга, предполагавший участие команд и вовлечение конечных потребителей: в результате было получено более 100 идей, 18 из которых были внедрены в производство. Кроме того, Мондрагонский университет создал программу обучения маркетингу и менеджменту в серф-бизнесе, рассчитанную на шесть недель, которая пользуется уверенным спросом. Ключевую роль в успехе кластера сыграла маркетинговая активность: во-первых, была учреждена Всемирная сеть серферских городов (World Surf Cities Network), организованная кластером Сан-Себастьяна в партнерстве с еще десятью городами – лидерами в сфере серфинга; во-вторых, кластер предлагает и расширяет различные форматы коммуникаций – сайт, социальные медиа, конференции, различные акции и т.д.¹⁰

Наиболее значимым достижением в области практического применения кластерных идей эксперты полагают интеграцию концепции кластеров в региональную политику. В большинстве современных регионов этот процесс проходит под обобщенным названием «умная специализация» (smart specialization)¹¹. Суть данного подхода к региональной инновационной политике состоит в следующем: во-первых, укрепление приоритетных объектов поддержки, к которым в рамках «умной специализации» относятся комплексы высоких технологий для решения крупных проблем общества (или ответа на «большие вызовы») и кластеры (межотраслевые территориальные сообщества фирм и организаций)¹²; во-вторых, признание необходимости четкой взаимосвязи возможностей научно-технического комплекса региона потребностям бизнес-субъектов и населения¹³, т.е. по сути «сквозная» рыночная ориентация региональной инновационной политики; в-третьих, сложность директивного определения приоритетных направлений технологического развития, что предполагает необходимость вовлечения в стратегический процесс стейкхолдеров (заинтересованных групп) и осуществления с их помощью форсайт-прогнозирования (или, по существу, экспертного проектирования наиболее реалистичных сценариев развития инновационной системы региона).

⁹ Портер М. Что такое стратегия? // Стратегия. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2017. 288с.

¹⁰ См.: Winden W. van, Carvalho L. de. New style cluster policy: riding the waves of San Sebastian's emerging surf economy. URBACT II Capitalisation. April 2015. 30 p. URL: http://urbact.eu/sites/default/files/cs-01a_nu-sansebastian-f5.pdf. P. 4-8, 12.

¹¹ См., например: Lindqvist G. The Cluster Initiative Greenbook 2.0 / G. Lindqvist, Ch. Ketels, Ö. Sölvell. Stockholm: Ivory Tower Publishers, 2013. 56 p. P. 47.

¹² См.: Foray D., Goenega X. The goals of smart specialisation. S3 Policy Brief Series № 01/2013. May 2013. 15 p. URL: <http://ftp.jrc.es/EURdoc/JRC82213.pdf>. P. 1.

¹³ См.: Земцов С., Баранова В. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к умной специализации // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65-81.

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ
IV
ВСЕРОССИЙСКОГО
СИМПОЗИУМА
ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИКЕ**

Том 2.

**Институты регионального инфраструктурного
развития и обустройства территорий. Современная
государственная региональная политика. Институты
саморазвития территорий разного уровня.**

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института экономики УрО РАН
Протокол № 7 от 19.09.2017
Регистрационный № 32 (17)

Подписано в печать 19.09.2017. Формат 60X84 1/16
Усл.п.л. 12,3 Тираж 100 экз. Заказ №

Институт экономики УРО РАН
620014, г. Екатеринбург ул. Московская, 29